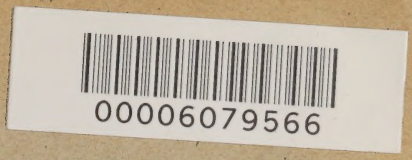
THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DR46.5
.M35
1913

DEMCO


00006079566

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
JAN 27 1990			
JAN 24 '90			

Form No. 513,
Rev. 1/84

ee c
DR46.5
.M35
1913

Н. П. Мамонтовъ.

Съ болгарскими войсками отъ Балканъ до Чаталджи.

Записки военнаго корреспондента.

S BOLGARSKIMI VOISKAM OT
BALKAN DO CHATALDZHI

МОСКВА—1913 г.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Леонтьевскій пер., д. № 5.

I.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Причины войны.—Благопріятный моментъ. — Балканскій союзъ. — Силы сторонъ.

Болѣе пяти вѣковъ продолжалось владычество османовъ, вышедшихъ изъ Азіи, на территоріи Балканскаго полуострова. Послѣ гибельной для всего южнаго славянства битвы на Коссовомъ полѣ (1389), власти завоевателей подчинились не только нынѣшнія Сербія и Болгарія, но и многія земли за Дунаемъ.

Съ той отдаленной эпохи на Балканахъ не прекращалась непрерывная борьба за освобожденіе, стоившая балканскимъ народамъ сотенъ тысячъ жертвъ.

Первою удалось освободиться отъ турецкаго ига Черногоріи, поставленной въ особо благопріятныя географическія условія, затѣмъ Греціи, при помощи Россіи—Румыніи и Сербіи, и наконецъ, благодаря понесеннымъ Великою славянскою имперіей колоссальнымъ жертвамъ, была послѣднею вырвана изъ цѣпкихъ когтей турецкаго произвола Болгарія.

Но южныя области нѣкогда великаго славянскаго царства царя Душана Сильнаго — Старая Сербія, или Новобазарскій санджакъ, Македонія, Ѳракія и Эпиръ

еще оставались въ рукахъ турокъ, упорно отказывавшихся осуществить давно обѣщанныя реформы.

По мѣткому опредѣленію г. Протопопова, много лѣтъ занимавшаго постъ русскаго консула въ Адріанополѣ, встрѣченнаго мною наканунѣ объявленія войны въ Софіи, хозяйничанье турокъ въ Македоніи и Ѳракіи напоминало „сарабанду кровожадныхъ обезьянъ“, обуреваемыхъ жаждою истребленія.

Сжигались селенія, насиловались женщины, убивались всѣ способные носить оружіе, на корню скашивались посѣвы, срубались виноградники и фруктовыя рощи, угонялся скотъ.

И все это совершалось съ молчаливаго одобренія центральной власти и ея просвѣщенныхъ руководителей-младотурокъ, стремившихся обезсилить христіанскій элементъ Европейской Турціи и на мѣсто тысячами бѣжавшихъ въ Сербію и Болгарію эмигрантовъ переселить мусульманъ изъ Малой Азіи, Босніи и Герцеговины.

Творившіяся по ту сторону пограничныхъ столбовъ вопіющія беззаконія не могли, конечно, не волновать общественнаго мнѣнія балканскихъ государствъ; имъ, и въ особенности Болгаріи, приходилось то и дѣло вступаться за гонимыхъ зарубежныхъ братьевъ, требовать отъ Турціи реформъ, автономіи провинцій и т. д.

Балканскія государства жили въ постоянномъ напряженіи, въ полной готовности къ ежеминутно могущей вспыхнуть войнѣ съ Турціей. Два раза — послѣ Беранской рѣзни на границѣ Черногоріи (лѣтомъ 1912 г.) и избіеній въ Кочане и Щипѣ (Македонія 1912) дѣло едва-едва не доходило до открытаго разрыва.

Еще въ 1908 году, во время путешествія по Старой Сербіи и Македоніи, я пришелъ къ убѣжденію, что война объединенныхъ балканскихъ государствъ съ Турціей неизбѣжна, и что иного способа разрѣшить

Македонскій и связанные съ нимъ вопросы не существуетъ.

Не говоря уже о томъ, что балканскіе народы болѣли душою за многовѣковыхъ страдальцевъ, они,—и опять таки на первомъ планѣ Болгарія,—экономически разорялись, въ силу необходимости оказывать постоянную поддержку македонцамъ и ѳракійцамъ, устраивать у себя на родинѣ тысячи эмигрантовъ и содержать въ мирное время армію въ усиленномъ составѣ, далеко превышающемъ финансовую способность страны, дабы только имѣть возможность въ любую минуту вступить въ борьбу съ Турціей.

Такое ненормальное положеніе долго тянуться не могло; нуженъ былъ лишь благопріятный политическій моментъ для всеобщаго выступленія балканскихъ державъ.

Помимо вышеприведенныхъ общихъ соображеній, у каждаго изъ балканскихъ государствъ имѣлись свои, достаточно вѣскія, побудительныя причины использовать затруднительное положеніе Оттоманской имперіи.

Болгарія давно уже мечтала открыть себѣ выходъ къ Эгейскому морю и возстановить границы „Великой Болгаріи“, намѣченныя Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Сербіи были необходимы для ея дальнѣйшаго развитія восточная половина населеннаго сербами Новобазарскаго санджака и часть Старой Сербіи до Куманова и Скопье (Ускюба).

Грецію положила не мало затратъ и усилій на освобожденіе Крита, и не скрывала своего давнишняго желанія присоединить острова Архипелага.

И, наконецъ, Черногорія, Берлинскимъ трактатомъ поставленная въ совершенно невозможныя для существованія условія, должна была рано или поздно вернуть себѣ взятое ею съ бою въ 1877 году Скутари и отторгнутыя у нея тѣмъ же трактатомъ плодородныя долины Гусинья и Плава.

Итакъ, горючаго матеріала на Балканахъ накопилось болѣе, чѣмъ достаточно.

Нужно было только использовать создавшуюся необычайно благопріятную для балканскихъ государствъ политическую обстановку, и объединиться для борьбы съ вѣковымъ врагомъ.

Къ серединѣ 1912 года Турція находилась въ критическомъ положеніи. Неудачная война съ Италіей подорвала престижъ младотурецкаго правительства въ глазахъ народа и окончательно разстроила, вслѣдствіе прекращенія внѣшней торговли, плачевные государственные финансы.

Рядъ аравійскихъ и албанскихъ возстаній обнаружилъ слабость турецкой арміи, увлеченной политиканствомъ и потерявшей даже подобіе военной дисциплины. Осложненія на русско-персидской границѣ въ связи съ вопросомъ объ Урміи и небывало острый по напряженности внутренній политическій кризисъ — вотъ условія, при которыхъ Турціи приходилось вступить въ борьбу съ балканской коалиціей.

Весь центръ тяжести успѣха славянскихъ государствъ лежалъ именно въ образованіи этой коалиціи, достаточно единодушной и прочной.

Ранѣе такая задача казалась не по плечу ни одному изъ наиболѣе видныхъ балканскихъ дипломатовъ.

Слишкомъ глубока была искусно посѣянная Австріей рознь между Сербіей (не забывшей разгрома ея Болгаріей при Сливницѣ въ 1883 году) и Болгаріей, между Сербіей и Черногоріей (дѣло о „бомбистахъ“, якобы подосланныхъ Сербіей для убійства князя Николая и его семьи, съ цѣлью посадить на черногорскій престолъ сербскаго княжича Георгія) и, наконецъ, между Болгаріей и Грецiей (разрывъ изъ-за погрома грековъ въ Бургасѣ).

Но царь Фердинандъ смѣло приступилъ къ объединенію недавнихъ политическихъ противниковъ. Пер-

вые же шаги его къ установленію болгаро-сербскаго тайнаго соглашенія увѣнчались успѣхомъ. Слишкомъ сильно было сознаніе общности насущныхъ интересовъ обоихъ государствъ.

При помощи королевы итальянской Елены состоялось примиреніе сербскаго и черногорскаго королей, и Черногорія присоединилась къ сербо-болгарскому соглашенію.

Наконецъ, къ нему примкнула и Греція.

Тогда образовался могучій наступательный и оборонительный балканскій союзъ, точно разграничившій права и обязанности своихъ участниковъ.

На страницахъ исторіи балканскихъ народовъ будетъ отмѣчено, что въ созданіи Балканскаго союза, этого великаго политическаго фактора будущаго, наряду съ царемъ Фердинандомъ, министрами союзныхъ балканскихъ государствъ и представителями славянской прессы, призывавшей къ объединенію, принимали самое плодотворное участіе и русскіе политическіе дѣятели на Ближнемъ Востокѣ—Н. В. Чарыковъ, нашъ посолъ въ Константинополѣ, и Н. Г. Гартвигъ, посланникъ въ Бѣлградѣ.

Образованіе Балканскаго союза держалось въ строжайшей тайнѣ и извѣстіе о немъ поразило міръ своей неожиданностью.

Турція не могла не подозрѣвать о готовящемся противъ нея выступленіи балканскихъ державъ, — но она не отдавала себѣ яснаго отчета въ обстановкѣ, и, переоцѣнивая собственныя силы, слишкомъ легкомысленно отнеслась къ силамъ противниковъ, полагая, что въ ихъ дѣйствіяхъ не будетъ должнаго единодушія, и что она успѣетъ провести мобилизацію арміи ранѣе, чѣмъ балканскія державы рѣшатся объявить войну. Въ непонятномъ ослѣпленіи, турецкіе государственные дѣятели сами словно стремились обострить конфликтъ

съ Болгаріей, Сербіей, Греціей и Черногоріей и довести его до скорѣйшаго разрыва.

Поводовъ къ войнѣ было создано Турціей великое множество.

По отношенію къ Болгаріи—категорическій отказъ въ автономіи Македоніи и въ наказаніи виновниковъ недавнихъ погромовъ въ Кочане и Щипѣ.

По отношенію Сербіи—наглое задержаніе мѣстными властями въ Салоникахъ сербскаго военнаго груза, провозившагося черезъ этотъ портъ съ разрѣшенія турецкаго правительства.

По отношенію Греціи—обстрѣлъ греческаго парохода турецкими войсками близъ порта Вати и отказъ въ удовлетвореніи греческаго флага.

И по отношенію Черногоріи—отказъ въ возмѣщеніи убытковъ разореннымъ недавнимъ погромомъ жителямъ Беране и Бѣлополья и въ наказаніи виновниковъ произведеннаго въ Беране, при участіи властей и регулярныхъ войскъ, всеобщаго избіенія.

Всѣми этими поводами широко воспользовалась печать балканскихъ государствъ, дабы разжечь никогда не угасавшій огонь ненависти къ Турціи.

Балканскіе народы потребовали войны.

Правительства вынуждены были имъ уступить.

Война стала неизбѣжной съ минуты на минуту, и къ ней стали готовиться съ лихорадочной поспѣшностью какъ державы Балканскаго союза, такъ и застигнутая врасплохъ неожиданно надвинувшимися грозными событіями Турція.

Порознь—борьба съ Турціей была бы невозможна для Греціи и Черногоріи, почти невозможна для Сербіи и довольно рискована для Болгаріи.

Но объединенныя силы балканскихъ союзныхъ государствъ могли твердо расчитывать на окончательный успѣхъ. Необходимо было только предупредить Турцію въ быстротѣ мобилизаціи, вырвать иниціативу

изъ ея рукъ, и не терять драгоцѣннѣйшаго залога успѣха дѣйствій всякой коалиціи — согласованности операцій и взаимной поддержки.

На первомъ планѣ среди войскъ Балканскаго союза слѣдуетъ поставить армію Болгаріи *), представляющую собою грозную силу не только по численности, но и по выдающемуся воинскому духу, прекрасной боевой подготовкѣ, однородности племенного состава, активнымъ тенденціямъ обученія и умѣлому руководству. Командный ея элементъ состоитъ изъ людей, въ совершенствѣ изучившихъ военное дѣло и получившихъ высшее образованіе въ Россіи или европейскихъ академіяхъ; офицерство стоитъ вполнѣ на высотѣ современныхъ требованій, и, при строгомъ соблюденіи дисциплины, пользуется уваженіемъ и довѣріемъ нижнихъ чиновъ; матеріалъ, которымъ комплектуется армія—прекрасенъ; высокая степень культурности болгарскаго народа довела до 95 процентъ грамотныхъ среди призывного контингента, что позволяетъ въ короткій срокъ пребыванія на дѣйствительной службѣ (два года въ пѣхотѣ и три въ другихъ родахъ оружія) достигать высокихъ результатовъ; „отечество“ для болгарина—далеко не пустой звукъ, а мотивъ, вызвавшій столкновеніе его родины съ „заклятымъ врагомъ христіанства“, затрогиваетъ самыя чуткія струны болгарскаго сердца.

Артиллерійскими припасами, запасами интендантскими и прочими болгарская армія снабжена вполнѣ достаточно; ею примѣнены всѣ новѣйшія усовершенствованія, какъ для связи (телефоны, искровой телеграфъ и т. д.), такъ и для развѣдыванія—аэростаты и аэропланы.

Общая численность болгарской арміи мирнаго времени составляла 55 000 человѣкъ; во время войны она

*) Подробности о болгарской арміи см. гл. Ш.

превысила 400.000 солдатъ при $7^1/_2$ тысячахъ офицеровъ и около 750 орудій.

Крупнымъ плюсомъ болгарской арміи являлось то обстоятельство, что мобилизація и сосредоточеніе на границѣ болгарскихъ войскъ заканчиваются въ нѣсколько дней, благодаря территоріальной системѣ комплектованія, широко развитой желѣзнодорожной сѣти и патріотизму населенія, безъ понуканій являющагося на призывные пункты даже ранѣе указаннаго въ повѣсткахъ срока.

На второмъ мѣстѣ, послѣ болгарской, должна быть поставлена сербская армія, состоящая въ мирное время изъ пяти пѣхотныхъ дивизій съ артиллеріей и кавалерійской дивизіи; численность ея колеблется между тридцатью и сорока тысячами; при объявленіи мобилизаціи, запасные перваго призыва доводятъ сербскія вооруженныя силы до 160.000 штыковъ, 6000 сабель и 450 орудій (считая крѣпостную артиллерію—до 570); второй призывъ запасныхъ даетъ еще 70.000 человѣкъ.

По военному духу и подготовкѣ сербы не уступаютъ болгарамъ, и свыше 200.000 болгарской арміи представляютъ собой внушительную силу.

Третья изъ союзныхъ армій, греческая, была послѣ ея разгрома турками кореннымъ образомъ реорганизована. Французская военная миссія усердно работала въ Греціи, совершенствуя ея военную подготовку. При помощи призыва запасныхъ, Греція развернула свои 30,000 мирнаго времени въ армію 150-тысячнаго состава при 400 орудіяхъ. Въ борьбѣ съ Турціей у грековъ проснулось желаніе отомстить ей за перенесенныя униженія, и позорныя сцены паническаго бѣгства изъ сферы огня цѣлыхъ дивизій уже болѣе не повторялись.

Четвертая изъ союзницъ, Черногорія, почти не имѣетъ постоянной арміи. Всѣ ея подданные обязаны военною службой, проходятъ полугодичный срокъ

обученія въ кадрахъ учебныхъ частей, зачисляются въ народное войско и по одному мѣсяцу въ году (черезъ годъ или два) призываются на учебные сборы. Вооруженіе народнаго войска Черногоріи составляютъ русскія ружья и пушки. Всего выставила Черногорія до 50.000 человѣкъ, не совсѣмъ подготовленныхъ для дѣйствій въ полѣ, но незамѣнимыхъ для горной войны, беззавѣтно храбрыхъ бойцовъ.

Совокупность вооруженныхъ силъ Балканскаго союза достигала внушительной цифры 800.000 штыковъ и сабель и свыше 1.500 орудій.

Что могла противопоставить коалиціонной арміи Оттоманская имперія?

Турецкая армія мирнаго времени несравненно сильнѣе численностью всѣхъ, взятыхъ вмѣстѣ, немобилизованныхъ армій союзныхъ балканскихъ государствъ.

Мы не будемъ подробно останавливаться на ея организаціи, но замѣтимъ, что она насчитываетъ свыше 300.000 человѣкъ такъ-называемаго низама, полевой арміи (14 армейскихъ корпусовъ).

Помимо разворачиванія батальоновъ низама въ военный составъ путемъ призыва запасныхъ, Турція можетъ мобилизовать армію второй линіи—редифъ, кадры для которой и всѣ запасы содержатся и въ мирное время, и ополченіе—мустафизъ.

Въ общемъ на бумагѣ Турція можетъ выставить въ поле 37 армейскихъ корпусовъ (по 2 или 3 дивизіи) общей численностью около полутора милліоновъ! Но нѣтъ сомнѣнія, что такой мобилизаціи Турціи никогда не осуществить по многимъ соображеніямъ финансоваго и политическаго свойства; слѣдуетъ предполагать, что дѣйствительно годныхъ для веденія современной войны войскъ Турція можетъ выставить до 800—900 тысячъ.

Принимая во вниманіе крайнюю расчлененность Оттоманской имперіи, ненадежность составныхъ частей

ея политической мозаики, полное отсутствіе надежныхъ и усовершенствованныхъ средствъ сообщенія между малоазіатскими и месопотамскими провинціями (главный и почти единственный источникъ комплектованія) и вытекающую изъ этого медленность производства мобилизаціи, мы можемъ объяснить себѣ, почему „Голіафъ"—турецкая армія—на Восточномъ театрѣ войны оказалась въ теченіе первыхъ 5 недѣль слабѣе „Давида"—Болгаріи.

Изъ 800—900 тысячъ Турціи пришлось выдѣлить значительныя части на охрану кавказской и персидской границъ, на гарнизонъ Смирны и Салоникъ, на поддержаніе порядка въ Албаніи, Аравіи и Месопотаміи, а остальныя войска раздѣлить на старосербскомъ (противъ Черногоріи и Сербіи), эпиро-ѳессалійскомъ (противъ Греціи) и македонско-румелійскомъ (противъ Болгаріи) театрахъ войны, имѣя въ тылу и на флангахъ всеобщее народное возстаніе и безпощадную партизанскую войну, объявленную своему вѣчному врагу македонскимъ населеніемъ.

При такихъ условіяхъ, ежеминутно опасаясь за свои сообщенія и выставляя для ихъ обезпеченія сильные отряды (что ослабляетъ ядро боевыхъ силъ), Турція не могла выставить противъ Болгаріи болѣе 200—250 тысячъ войскъ, въ качественномъ отношеніи неизмѣримо уступавшихъ болгарской арміи.

Кромѣ того, съ объявленіемъ войны турецкая армія была деморализована массовымъ бѣгствомъ изъ ея рядовъ военно-служащихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, впервые привлеченныхъ къ обязательной службѣ послѣ провозглашенія конституціи (ранѣе уплачивался военный налогъ).

Но для того чтобы использовать всѣ преимущества своего выгоднаго положенія, союзныя балканскія державы должны были дѣйствовать рѣшительно, энер-

гично провести мобилизацію армій и одновременно йтиере впъ наступленіе на всѣхъ театрахъ войны.

Этотъ планъ, выработанный генералами Саввовымъ и Фичевымъ *), и былъ приведенъ въ исполненіе участниками Балканскаго союза.

*) См. глава IV.

II.

Отъ Москвы до Софіи. Вооруженный народъ.

Положеніе въ серединѣ сентября стало чрезвычайно напряженнымъ. Чувствовалось, что война можетъ вспыхнуть даже раньше, чѣмъ закончится мобилизація союзныхъ армій.

Поэтому я съ нескрываемымъ удовольствіемъ принялъ предложеніе газеты „Утро Россіи“ отправиться на театръ предстоящей войны въ качествѣ ея корреспондента.

20-го сентября я выѣхалъ изъ Москвы съ полковникомъ фонъ-Дрейеромъ, корреспондентомъ „Новаго Времени“, съ которымъ познакомился еще на театрѣ итальяно-турецкой войны въ Триполи. На вокзалѣ — проводы уѣзжающихъ на родину офицеровъ и студентовъ; всѣ отходящіе на югъ поѣзда были переполнены запасными болгарами и сербами.

Вагонъ-ресторанъ былъ обращенъ въ подвижное офицерское собраніе, гдѣ шли оживленные разговоры, обсуждались вѣроятные планы военныхъ дѣйствій, и лейтъ-мотивомъ звучало:

— Боже, какъ бы только не опоздать!

Два дня пролетѣло незамѣтно въ оживленныхъ разговорахъ и обсужденіи плановъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій.

По прибытіи въ Одессу мы явились въ болгарское консульство для визированія паспорта, и получили любезное разрѣшеніе занять мѣсто на пароходѣ „Болгарія“, зафрахтованномъ для перевозки моремъ въ Варну около тысячи запасныхъ и сотни офицеровъ, находившихся въ Россіи.

День прошелъ въ ожиданіи погрузки на пароходъ, но тревожные слухи о крейсированіи турецкихъ миноносцевъ у береговъ Варны заставили болгарскаго консула въ Одессѣ запросить свое правительство о томъ, какое направленіе оно считаетъ менѣе рискованнымъ. Шифрованною телеграммой консульству было сообщено, что румынское правительство согласно пропустить черезъ свою территорію офицеровъ и ихъ багажъ транзитомъ.

Въ полночь съ 23 на 24 число около пятидесяти болгарскихъ офицеровъ, частью съ семействами, фонъ-Дрейеръ и я выѣхали на Унгени.

Румынскія власти, очевидно, заранѣе предупрежденныя, пропустили насъ не только безъ особыхъ формальностей, но даже безъ осмотра багажа.

Вечеромъ 24 числа мы проѣхали Яссы, столицу Молдавіи, а на разсвѣтѣ слѣдующаго дня уже подъѣзжали къ городу Плоешти, памятному пребываніемъ въ немъ штабъ-квартиры русской арміи въ войну 1877—78 гг.

Поросшія рѣдкимъ кустарникомъ и почти сплошь покрытыя кукурузными полями, безбрежныя равнины однообразно тянулись до самаго Дуная. Только изрѣдка попадавшіеся маленькіе отряды маневрировавшихъ въ окрестностяхъ румынскихъ войскъ оживляли общую унылую картину.

Трехчасовая вынужденная остановка въ Бухарестѣ дала намъ возможность осмотрѣть румынскую столицу, въ порывѣ національнаго самообольщенія именуемую румынами „Новымъ Парижемъ“.

„Новый Парижъ“ оказался несравненно ниже многихъ изъ русскихъ губернскихъ городовъ, не говоря уже о Кіевѣ или Одессѣ; противъ скромнаго на видъ королевскаго палаццо лежали неубранныя кучи мусора и щебня; жалкія клячи волокли, надрываясь, тяжелые и переполненныя до-нельзя коночные вагоны; только нѣсколько зданій на улицѣ Викторіи да памятникъ Братіано напоминали европейскіе города.

Болгарскіе офицеры, пользуясь случаемъ, отправились группами осматривать Бухарестъ; изъ уваженія къ румынскому нейтралитету, имъ было рекомендовано отстегнуть и оставить на вокзалѣ сабли. Толпа любопытныхъ сопровождала повсюду офицеровъ въ непривычной для румынскаго глаза военной формѣ.

За Бухарестомъ промелькнули форты его укрѣпленнаго лагеря, стада овецъ показались на пастбищахъ, снова зажелтѣли кукурузныя поля, и часамъ къ четыремъ дня вдали блеснула полоска Дуная, встрѣченная громовымъ „ура“ изъ всѣхъ вагоновъ. Подъ звуки болгарскаго гимна „Шуме Марица“, поѣздъ миновалъ Журжево и по длинной узкой дамбѣ, соединяющей румынскій берегъ Дуная съ Рамаданскимъ островомъ, подкатилъ къ пристани.

Пароходъ, рейсирующій между Рамаданомъ и Рущукомъ, уже стоялъ наготовѣ. На высотахъ противоположнаго берега мутно-желтаго Дуная виднѣлись зданія Рущука, казармы, церкви и къ самой рѣкѣ спускавшаяся желѣзнодорожная линія.

Съ каждымъ оборотомъ колеса приближался болгарскій берегъ. Вотъ уже видно, какъ изъ казармы выбѣгаютъ солдаты и машутъ фуражками, вотъ доносится первый привѣтъ родины—„ура“ съ поста пограничной стражи,—и въ отвѣтъ съ нашего парохода полились бодрящіе звуки національнаго гимна, подхваченнаго всѣми присутствующими.

На пароходной пристани офицеровъ и насъ радушно

встрѣчаютъ всѣ городскія власти, во главѣ съ окружнымъ, „околійскимъ“, начальникомъ; офицерство забираетъ свой багажъ и отправляется въ распоряженіе рущукскаго коменданта, а насъ, военныхъ корреспондентовъ, любезно провожаютъ въ заранѣе отведенные, по телеграммѣ изъ Бухареста, номера гостиницы „Европа“. Оставшійся на пристани багажъ поручается попеченію ополченцевъ, въ штатской одеждѣ при высокихъ сапогахъ и военной фуражкѣ, съ русской берданкой въ рукахъ, несущихъ всю полицейскую и внутреннюю службу въ Рущукѣ.

Профессоръ химіи, преподаватель софійской гимназіи, нынѣ рядовой рущукской дружины, становится часовымъ къ нашему багажу и улыбается, глядя намъ вслѣдъ; директоръ мужской гимназіи, нынѣ добровольный секретарь окружного начальника, даетъ указанія нашему чичероне, предсѣдателю земской управы; для отправленія корреспонденціи къ намъ прикомандировывается богатый купецъ, владѣлецъ десятка домовъ, въ мирное время первый по оборотамъ съ Румыніей коммерсантъ Рущука, а нынѣ рядовой полицейской команды...

По словно вымершимъ городскимъ улицамъ мы подходимъ къ отелю „Европа“, всѣ слуги котораго призваны на военную службу. Хозяйка зажигаетъ намъ лампу и съ гордостью говоритъ о своемъ мужѣ:

— Онъ у меня молодецъ, ему и всѣ лѣта вышли, а онъ добровольно записался въ ополченіе. Сейчасъ послали его на румынскую границу нести пограничную службу...

Все утро и день 26 сентября прошло въ официальныхъ визитахъ къ коменданту, генералъ-майору Драндаревскому, околійскому начальнику и прочимъ мѣстнымъ властямъ. Вездѣ мы встрѣчали самый любезный пріемъ, но никакъ не могли добиться отвѣта на волновавшій насъ, наиболѣе существенный вопросъ—какимъ способомъ ѣхать дальше—въ Софію?

Перевозка войскъ Рущукскаго гарнизона къ пунктамъ сосредоточенія третьей арміи была въ полномъ ходу, и ею былъ занятъ весь подвижной составъ желѣзнодорожнаго узла; ѣхать съ воинскими эшелонами было невозможно—потому что они двигались къ Горному Раховцу, въ противоположномъ къ Софіи направленіи, а товаро-пассажирское движеніе по всей странѣ было прекращено съ перваго дня мобилизаціи. Послѣ долгихъ переговоровъ по телефону между околійскими начальниками Рущука и Систова мы рѣшили добраться до Систова на пароходѣ, а оттуда по желѣзной дорогѣ до Вратцы и на Софію.—„Отъ Систова поѣзда каждый день ходятъ по нормальному росписанію".

Мобилизація нарушила мирное теченіе жизни Рущука, перваго по торговымъ оборотамъ города Болгаріи; всѣ магазины были заперты, на обезлюдѣвшихъ улицахъ почти не встрѣчалось прохожихъ; даже извозчики съ ихъ лошадьми были реквизированы для военныхъ надобностей.

Многіе дома грустно стояли съ заколоченными досками окнами—хозяева были призваны въ войска, а семьи выѣхали въ деревню.

Печально бродили по опустѣвшему городу нѣсколько типичныхъ русскихъ мужичковъ въ смазныхъ сапогахъ, съ котомкой за плечами.

— Вы кто такіе будете, братцы?

— Мы? Мы, значитъ, коновалы. А вы съ Россіи?

— Да, изъ Москвы.

— Вотъ, видишь, баринъ,—какое дѣло приключилось. Мы каждый годъ сюда пріѣзжаемъ, лошадей лѣчить,—а тутъ мобилизація. Всѣхъ коней забрали, лѣчить некого... Мы къ консулу—не денегъ просить, а такъ билетъ хоть выправь намъ даровой, палубный, на нашемъ же русскомъ пароходѣ, на Рени и въ Одессу—а онъ говоритъ: убирайтесь къ чорту. Ей-Богу!

— Такъ что же вы дѣлать будете?

— Пока поголодаемъ,—а тамъ съ Россіи деньги вышлютъ. И зачѣмъ это нашего консула держатъ здѣсь, прости Господи!

На городской площади, въ скверѣ красовался стильный памятникъ павшимъ за родину чинамъ пятаго герцога Пармскаго полка (сербо-болгарская война). У подножья высокаго гранитнаго обелиска, увѣнчаннаго орломъ съ распущенными крыльями, стоялъ знаменщикъ, прижимая къ груди полковое знамя; на боковыхъ граняхъ обелиска были помѣщены прекрасно исполненные барельефы.

При любезнѣйшемъ содѣйствіи рущукскаго адвоката, Ангела Тодорова, мы детально ознакомились съ ходомъ реквизиціонныхъ работъ въ этомъ центрѣ военнаго округа, включающаго всю Сѣверную Болгарію.

Всѣ труды по сбору отъ населенія всего потребнаго для войскъ — сапогъ, муки, вина, лошадей, полушубковъ, буйволовъ, сукна, бѣлья, фуража и т. д.—были возложены на реквизиціонную комиссію, образованную изъ выборныхъ представителей города.

Комиссія опредѣлила наличность запасовъ въ магазинахъ и у частныхъ лицъ, разсчитала количество, строго необходимое самимъ владѣльцамъ, и предложила сдать все остальное пріемщикамъ.

И жители Рущука (какъ и во всей Болгаріи) отдали буквально все свое достояніе, больше даже, чѣмъ намѣчено было комиссіей.

Также реквизована была и рабочая сила. Всѣ хлѣбопеки, портные, сапожники и т. д. образовали артели для удовлетворенія войсковыхъ нуждъ.

Частныя пекарни были закрыты, и хлѣбъ сталъ выдаваться населенію по запискамъ изъ реквизиціонныхъ складовъ.

Мы посѣтили склады бѣлья и различныхъ теплыхъ вещей, пожертвованныхъ жителями, обошли весь опу-

стѣлый городъ и заглянули въ полицейскую казарму близъ пристани.

Врядъ ли гдѣ-либо въ мірѣ нашелся бы такой интеллигентный составъ полиціи!

На простыхъ нарахъ, прикрытыхъ шинелями, отдыхали смѣнившіеся съ поста „стражари". При нашемъ входѣ всѣ поднялись съ мѣста, привѣтствуя русскихъ гостей.

— Вотъ профессоръ химіи — вы его видѣли вчера на пристани.

— Спасибо вамъ, что покараулили наши вещи!

— Очень радъ,—смѣется профессоръ. Видите ли вы теперь, господа, что значитъ вооруженный народъ! У насъ не осталось никого, кто такъ или иначе не содѣйствуетъ достиженію общенародной задачи. Кто можетъ стрѣлять—всѣ въ войскахъ, кто не можетъ—въ обозахъ; мы, постарше, въ полиціи, а полицейскіе—въ полкахъ. Взаимная выручка!

— Помогай вамъ Богъ. Съ такимъ высокимъ общенароднымъ подъемомъ побѣда обезпечена.

— Да, ни мы, ни наши дѣти въ ней не сомнѣваемся!

Изъ полицейской казармы мы прошли въ мужскую гимназію имени наслѣднаго князя Бориса, гдѣ временно были расквартированы двѣ дружины (батальона) второго Искерскаго пѣхотнаго полка.

Роты уже строились во дворѣ для отправленія на вокзалъ:

— Но вѣдь это наши, наши солдаты! — не могъ я сдержать невольно вырвавшагося восклицанія.

Да, это были типичные русскіе солдаты изъ южныхъ губерній. Офицеры бесѣдовали между собою въ углу двора.

Мы представились.

— Рады, рады васъ видѣть. Сегодня отправляемся въ походъ. Давно ждали его! Скоро увидимся на боевомъ полѣ!

Горнистъ заигралъ „сборъ“.

— Наши сигналы!

— Да, все ваше, русское,—и команды, и сигналы, и форма одежды, и духъ нашихъ славныхъ учителей—русскихъ,—пожалъ намъ руки старый капитанъ.—Богъ дастъ, мы, ученики, окажемся достойны васъ, нашихъ освободителей!

— Смирно!

Командиръ батальона подошелъ къ выстроеннымъ ротамъ.

— Здорово, братцы!

— Здравія желаемъ, господинъ полковникъ—прозвучалъ отчетливый молодецкій отвѣтъ.

Прекрасная выправка, лихой видъ, безукоризненное равненіе только что мобилизованнаго полка свидѣтельствовали о высокомъ военномъ духѣ составлявшихъ его 75% запасныхъ.

— У меня въ ротѣ два родныхъ и четыре двоюродныхъ брата,—провожалъ насъ къ выходу капитанъ. Хорошая рота—всѣ почти изъ нашего села и ближайшихъ деревень. Здорово будемъ драться!

Роты двинулись на вокзалъ. У каждаго солдата въ дуло винтовки былъ вставленъ миніатюрный пучекъ полевыхъ цвѣтовъ—послѣдній привѣтъ матери, жены, сестры, дочери или невѣсты... И эти букетики болгарскіе войники хранили, какъ святыню, до самаго конца войны, и раненые, умирая, цѣловали засохшіе, облетѣвшіе родные цвѣты...

Никто не провожалъ ихъ на вокзалъ—проводы были воспрещены, дабы не ослаблять высокаго подъема духа защитниковъ отечества тяжелыми сценами прощанья съ оставляемыми, быть можетъ навѣки, семьями. Только мѣрные шаги молодцоватыхъ, высоко несущихъ голову солдатъ гулко раздавались по опустѣвшимъ улицамъ словно вымершаго города, да пучки цвѣтовъ въ дулахъ винтовокъ сливались издали разноцвѣтною, пестрою лентой...

Три четверти этихъ уходившихъ на войну, какъ на праздникъ, безсознательныхъ героевъ несли въ дулахъ винтовокъ свои надмогильные цвѣты...

И если моя книга когда-нибудь попадетъ въ руки оставшихся въ живыхъ офицеровъ славнаго второго Искерскаго полка, да примутъ они мой сердечный привѣтъ и искреннее преклоненіе передъ ихъ доблестью!

Первый, встрѣченный мною, и радушно меня встрѣтившій полкъ, на моихъ глазахъ шедшій съ гордо поднятымъ челомъ на великое всенародное дѣло, онъ вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть боя подъ Эреклеромъ, безъ выстрѣла атакуя, казалось, неприступныя позиціи турокъ,—онъ отбилъ рядъ отчаянныхъ атакъ подъ Бунаръ-Гиссаромъ, и, потерявъ почти всѣхъ своихъ офицеровъ и три четверти состава, попрежнему былъ грозенъ, какъ раненый левъ...

Съ такими войсками можно творить чудеса!

И что-то подступаетъ у меня къ горлу, и болитъ сердце—когда я невольно, набрасывая эти строки, вспоминаю пережитое всего восемъ лѣтъ тому назадъ...

Къ вечеру маленькій пароходикъ австрійскаго общества, пыхтя и свистя, медленно потянулъ насъ вверхъ по Дунаю.

Широко разлившаяся послѣ долгихъ дождей мутная рѣка затопила низменности румынскаго берега и безчисленные островки и отмели.

Густой молочный туманъ заставлялъ двигаться съ опаской, и когда что-то тревожно зашуршало подъ килемъ ветхаго суденышка, капитанъ счелъ за благо остановиться на якорѣ и, не взирая на протестъ пассажировъ, ожидать разсвѣта въ лабиринтѣ наводненныхъ островковъ.

Къ пяти часамъ утра 27 сентября мы подходили къ историческому мѣсту переправы черезъ Дунай въ 1877 году. На лѣвомъ берегу виднѣлись изъ-за кустовъ крыши Зимницы, на правомъ показался взбѣгающій на

гору городокъ Свищовъ, какъ болгары называютъ Систово. Мы поровнялись съ живописной бухтой. Два бѣлыхъ обелиска рѣзко выдѣлялись на темнозеленомъ фонѣ.

— Здѣсь совершилась переправа нашихъ освободителей черезъ Дунавъ,—указалъ намъ на памятники болгаринъ, возвращавшійся на родину изъ Россіи.

Моросилъ мелкій дождь. На пристани захудалаго городка насъ встрѣтилъ высланный околійскимъ начальникомъ приставъ.

— Пожалуйте въ гостиницу.

— А поѣздъ когда уходитъ?

— Поѣзда сегодня не будетъ. Движеніе остановлено, составъ весь угнали къ Вратцѣ, для перевозки войскъ изъ Виддина.

Нельзя сказать, чтобы это извѣстіе насъ слишкомъ обрадовало.

— Что же намъ дѣлать?

— Пожалуйте въ гостиницу. Тамъ васъ ожидаетъ русскій агентъ.

Блеснулъ лучъ смутной надежды. По грязной, скользкой глинѣ поплелись мы въ примитивную гостиницу, сѣли за столъ въ общей комнатѣ и съ грустью начали изобрѣтать способъ двинуться дальше.

Заѣхали! Не возвращаться же въ Рущукъ!

Но черезъ часъ, при любезной помощи агента русскаго пароходства по Дунаю, А. В. Григоренко, испросившаго у коменданта запряженный тройкой экипажъ, мы уже готовились къ выѣзду на станцію „Левскій“, откуда порожній составъ долженъ былъ насъ доставить въ Софію.

Передъ самымъ отъѣздомъ явились два офицера, присланные отъ имени Систовскаго коменданта привѣтствовать русскихъ братьевъ по оружію.

Пятьдесятъ верстъ по великолѣпно содержимому шоссе было сдѣланы нами въ три часа съ небольшимъ,

и къ полудню, миновавъ совершенно опустѣлое село Драгомирово, мы прибыли на станцію „Левскій".

На наше счастье, со стороны Варны подходилъ порожній составъ.

Моментъ—и наши вещи были вкинуты въ офицерскій вагонъ. Поѣздъ тронулся—не спѣша, на каждой остановкѣ пропуская встрѣчные поѣзда.

Одинъ за другимъ двигались намъ навстрѣчу войсковые эшелоны. За недостаткомъ вагоновъ, люди ютились на открытыхъ платформахъ, укутываясь палаточными полотнищами отъ непрерывно моросящаго дождя.

Въ темнотѣ разъѣздовъ далеко разносились солдатскія пѣсни, полныя любви къ родинѣ, пѣсни о боевыхъ подвигахъ легендарныхъ борцовъ.

Проголодавшіеся, промокшіе и продрогшіе люди единодушнымъ хоромъ пѣли:

— Кто падетъ въ бою за свободу —
— Тотъ не умретъ—тотъ будетъ вѣчно жить!

Счастливая, счастливая Болгарія!

А въ окнахъ нашего поѣзда мелькали станціонные огни—Порадимъ, Плевна—святыя имена...

За полночь мы подошли къ станціи Мездра-Вратца. Тутъ предстояла пересадка въ другой составъ, шедшій въ Софію. Нашъ отправлялся въ Виддинъ.

Изъ этой крѣпости, расположенной на самой румынской границѣ, вывозилась вся крѣпостная артиллерія, назначенная въ адріанопольскій осадный паркъ.

Вывозилась подъ большимъ секретомъ—но скройтека крупнокалиберное орудіе отъ любопытнаго глаза!

Вся сѣверная граница Болгаріи была обнажена, и войска Рущукской военной инспекціи вошли въ составъ третьей арміи Радко Димитріева. Недаромъ царь Фердинандъ инкогнито ѣздилъ къ королю Карлу въ Бухарестъ, и между Румыніей и Болгаріей было заключено негласное соглашеніе о румынскомъ нейтралитетѣ.

За это „доброе сосѣдство“ Румыніи была обѣщана, въ видѣ компенсаціи, полоса отъ Силистріи до Дуранъ-Кумакскаго залива (въ 5 километрахъ отъ нынѣшней румынской границы).

Дождь не прекращался. Въ полумракѣ слабо освѣщенной станціи скучились на мокрой платформѣ сотни двѣ запасныхъ, явившихся для отправки въ Софію.

— Братцы, помогите русскимъ перенести вещи,— крикнулъ имъ проводникъ нашего вагона.

Въ одну минуту насъ устроили въ переполненномъ до-нельзя поѣздѣ, ожидавшемъ отправленія на Софію.

— Вы откуда, молодцы?

— Въ Румыніи на работахъ были. Наши всѣ явились, даже тѣ, кому и не полагалось. Всѣ дѣла оставили.

Только часовъ около шести нашъ поѣздъ тронулся въ путь. Линія вилась вдоль долины рѣки Искера, переходя съ одного берега на другой. Въ окнахъ мелькали живописные горные виды. Туннели то и дѣло поглощали извивавшійся змѣйкою поѣздъ и долго дымились послѣ его прохода.

Къ полудню 28 сентября мы, наконецъ, прибыли въ Софію, потративъ болѣе семи дней на путешествіе отъ Москвы до болгарской столицы.

На вокзалѣ—ни души. Абсолютное отсутствіе носильщиковъ, извозчиковъ,—никого...

Оставивъ вещи на вокзалѣ, мы отправились въ городъ пѣшкомъ, шлепая по огромнымъ лужамъ, и не безъ затрудненій нашли пристанище въ лучшей (если судить по цѣнамъ) изъ софійскихъ гостиницъ, „Грандъ-Хотелѣ България“.

III.

Въ Софіи. Нѣсколько словъ о болгарской арміи.

На улицахъ—рѣдкіе прохожіе, въ магазинахъ — по одному приказчику, опустѣли площади, и обезлюдѣли скверы.

Только рѣзкіе голоса мальчишекъ, продающихъ газеты—вѣрнѣе не газеты, а бюллетени размѣромъ въ полулистъ писчей бумаги, — нарушаютъ непривычную уличную тишину, да иногда продребезжитъ избѣжавшій реквизиціи извозчикъ на хромоногой клячѣ.

За угломъ гдѣ-то барабанъ рѣзко бьетъ тревогу. Что случилось? Почему всѣ бросаются стремглавъ къ перекрестку?

Барабанщикъ выбиваетъ дробь, оглядываясь по сторонамъ.

Вокругъ него тѣснятся сперва вездѣсущіе мальчишки съ газетами, затѣмъ случайные прохожіе, и, наконецъ, солидные мѣстные лавочники и обыватели.

Толпа собралась внушительная.

Тогда барабанщикъ укладываетъ свои палки въ гнѣздо на перевязи и громко читаетъ вынутую изъ сумки бумагу:

„Отъ городского управленія:

„Съ завтрашняго утра хлѣбъ будетъ выдаваться по кило на человѣка изъ хлѣбопекаренъ: на Торгов-

ской улицѣ: Петко Атанасова, Митко Дончева и т. д.— слѣдуетъ длинный списокъ—по запискамъ отъ кметства.

„Объявляется, что съ сего дня сербскія деньги ходятъ по всей Болгаріи наравнѣ съ болгарскими.

— Напоминается всѣмъ, что за умышленное поднятіе цѣнъ на съѣстные припасы виновные предаются военному суду.

— Отъ реквизиціонной комиссіи:—представить къ десяти часамъ утра....

Долго еще продолжается чтеніе офиціальнаго бюллетеня, выпускаемаго городскимъ кметствомъ (управою), а черезъ нѣсколько минутъ бой барабана уже слышится на другомъ перекресткѣ.

Мобилизація болгарской арміи закончилась—энергично шло ея сосредоточеніе къ пограничнымъ пунктамъ. Объявленіе войны ожидалось съ минуты на минуту.

Съ перваго же момента прибытія въ Софію насъ начало томить одно желаніе—поскорѣе къ войскамъ—настолько удручающе вліяло вынужденное бездѣйствіе въ опустѣломъ городѣ и общество отовсюду слетѣвшихся иностранныхъ журналистовъ, топтавшихся въ цензурномъ бюро, на почтѣ и телеграфѣ, и ежеминутно пристававшихъ къ намъ съ разспросами:

— Скажите: скоро насъ повезутъ въ армію?

— Вы русскіе, отъ васъ у болгаръ нѣтъ секретовъ. Скажите: что предполагаютъ дѣлать болгары? Куда направится главный ударъ?

И въ отвѣтъ на заявленіе, что мы нисколько не лучше ихъ освѣдомлены въ болгарскихъ секретахъ, а если и были бы освѣдомлены, то не стали вредить арміи раскрытіемъ ея картъ—недоумѣнное пожиманіе плечъ и нескрываемая враждебность.

Въ бюро военной цензуры всѣ формальности были закончены—оставалось приготовиться къ отъѣзду.

Но нашъ непосредственный отъѣздъ зависѣлъ отъ

отъѣзда турецкаго посланника и членовъ оттоманской миссіи.

Нѣсколько дней прошло въ томительномъ ожиданіи конца дипломатическихъ проволочекъ; третьяго октября съ аукціона были проданы лошади турецкаго министра, а четвертаго турецкіе представители покинули Софію.

Оставались только сутки до объявленія войны.

Въ восемь часовъ вечера пятаго октября пустынная Софія внезапно ожила. Зазвонили радостнымъ благовѣстомъ колокола городскихъ церквей, толпы горожанъ и окрестныхъ селяковъ запрудили площади.

Громовое „ура“ не умолкая перекатывалось изъ одного конца города въ другой.

Музыка играла народный гимнъ, и „Шуми Марица“ подхватывалось всѣми участниками патріотической манифестаціи.

— Да живе Русия!—долго звучало передъ русской миссіей, и нашъ посланникъ, А. В. Неклюдовъ, неоднократно выходилъ на балконъ благодарить манифестантовъ.

На перекресткахъ былъ расклеенъ манифестъ о войнѣ, только что прочитанный въ церквахъ всей Болгаріи.

— Исчерпавъ всѣ способы миролюбія, повелѣваемъ нашимъ войскамъ вступить въ турецкіе предѣлы,—читаетъ вслухъ, водя пальцемъ по тексту еще влажной афиши, старикъ, пришедшій изъ Княжева.

— „Ура!“ заглушаетъ его слова - это идетъ македонская добровольческая дружина, и на всемъ ея пути живыя шпалеры машутъ шапками. „Ура, македонцы!“

Долго жданный моментъ наступилъ. Объявленіе войны было всенароднымъ праздникомъ Болгаріи.

Сосредоточеніе болгарскихъ армій вполнѣ закончилось къ вечеру пятаго октября, и въ Старой Загорѣ царемъ Фердинандомъ былъ отданъ приказъ о переходѣ въ наступленіе.

Какими силами располагала Болгарія въ этотъ моментъ?

Населеніе Болгаріи исчисляется равнымъ, приблизительно, четыремъ милліонамъ (территорія до войны 96½ тыс. □ километровъ); въ мирное время ежегодно выставляется имъ около 25—30 тысячъ подлежащихъ призыву, и на дѣйствительной службѣ числится 3.500 офицеровъ и 55.000 нижнихъ чиновъ.

Вооруженныя силы Болгаріи состоятъ изъ полевой арміи съ ея запасомъ (всѣ подданные отъ 20 до 40 лѣтъ), народнаго ополченія (отъ 40 до 60 лѣтъ) и формируемыхъ для пополненія убыли въ военное время запасныхъ войскъ.

Полевая армія состоитъ изъ 36 пѣхотныхъ полковъ по 2 бат. и пулеметной командѣ съ 2 пулеметами, сведенныхъ въ 9 дивизій (во время войны были сформированы 10-ая и 11-ая пѣхотная и 12-ая добровольческая-македонская дивизіи); каждой дивизіи придано по полевому артиллерійскому полку въ 36 орудій и гаубичной батареѣ; конница насчитываетъ 11 полковъ по 3 и 4 эскадрона, всего 37 эск.

Горная и крѣпостная артиллерія, инженерныя, обозныя, санитарныя войска и 16 ротъ пограничной стражи дополняютъ составъ болгарской арміи, обмундированной и обученной по русскому образцу.

Всего въ мирное врéмя состоитъ въ рядахъ болгарской арміи 72 батальона и 37 эскадроновъ съ соотвѣтствующей артиллеріей и вспомогательными частями.

Во время мобилизаціи пѣхотные полки формируютъ третій и четвертый батальоны и выдѣляютъ кадры для сформированія 18 резервныхъ полковъ, также четырехбатальоннаго состава.

Конница, естественно, не можетъ значительно усилиться въ военное время, и ограничивается формированіемъ „дополняющихъ эскадроновъ“ — по два въ четырехъ-эскадронномъ полку (№№ 2, 3, 4 и 5) и по одному въ трехъ-эскадронномъ (№№ 1, 6, 7, 8, 9, 10 и 11), доводя свой составъ до 52 эскадроновъ, или 8.000 сабель.

Недостатокъ въ болгарской арміи конницы неоднократно и существенно сказывался на ходѣ военныхъ дѣйствій.

Мобилизація и пополненіе убыли въ войскахъ были обезпечены солиднымъ запасомъ прошедшихъ черезъ ряды арміи лицъ (ежегодно отпускается въ запасъ до 30,000 человѣкъ); пополненіе офицерами основано на производствѣ въ подпоручики запаса прослушавшихъ курсъ софійской школы молодыхъ людей со среднимъ и высшимъ образованіемъ, на производствѣ за военныя заслуги во время войны и призывѣ запасныхъ и отставныхъ офицеровъ. Значительная убыль среди офицеровъ заставила широко примѣнять производство нижнихъ чиновъ за военныя отличія, и эта мѣра оказалась вполнѣ удачной, благодаря прекрасной военной подготовкѣ унтеръ-офицерскаго состава.

Мобилизація болгарской арміи была проведена блестяще. Этому много способствовала территоріальная система комплектованія и высокій подъемъ духа среди населенія. Число явившихся на призывъ—случай положительно небывалый—превысило всѣ разсчеты, и во многихъ городахъ избытокъ явившихся не могъ получить своевременно винтовокъ и былъ сведенъ въ дополняющія дружины для пополненія убыли послѣ первыхъбоевъ.

Предположенія германскаго справочника „Veltze“ были превзойдены, и Болгарія во время войны сформировала множество дополнительныхъ частей пѣхоты и артиллеріи, переименовать и указать которыя въ данное время мы еще не въ состояніи.

Мы можемъ только отмѣтить, что Болгарія, по имѣвшимся о ней до войны свѣдѣніямъ, выставляла:

А. Дѣйствующая армія—144 батальона, 36 пулеметныхъ командъ, 52 эскадрона, 81 скорострѣльную полевую, 18 скор. горныхъ, 9 скор. гаубичныхъ, 9 поршнев. горныхъ и 9 поршневыхъ гаубичныхъ батарей, а всего 160.000 винтовокъ, 144 пулемета, 8.000 сабель, 324 скор. полевыхъ, 90 скор. горныхъ и 54 поршнев. горныхъ орудій, 36 скорострр. и 54 поршневыхъ гаубицы, — въ общемъ до 5.000 офицеровъ и 250.000 нижн. чиновъ.

Б. Резервная армія—72 батальона, 27 поршневыхъ полевыхъ батарей, или 72.000 винтовокъ и 162 орудія, и

В. Ополченіе—72 батальона, или 50.000 винтовокъ.

Всѣ вышеперечисленныя силы (включая ополченіе) приняли участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, причемъ резервныя части были или влиты въ полевыя дивизіи, или образовали самостоятельныя тактическія соединенія (10 и 11 дивизіи).

По предположеніямъ изслѣдователей болгарскихъ вооруженныхъ силъ, совокупность ихъ должна была дать 7.500 офицеровъ и 375.000 нижнихъ чиновъ. Цифры эти, несомнѣнно, были Болгаріей превзойдены. Но болгарская армія, какъ я уже упоминалъ выше, была грозною силой не только по своей численности, но также по выдающейся боевой подготовкѣ и высокому воинскому духу.

Главный ея составной элементъ — запасные, нисколько не уступали своимъ младшимъ товарищамъ ни въ дисциплинированности, ни въ выносливости, ни даже въ стрѣльбѣ, а, тѣмъ болѣе, въ сознательномъ отношеніи къ своему долгу.

Причиной этого отраднаго явленія слѣдуетъ считать то, что въ Болгаріи запасные призываются въ солидно поставленные подвижные сборы и отбываютъ большіе маневры въ составѣ мобилизованныхъ частей, а также и то, что защита интересовъ отечества для

болгарскаго селяка не только тяжелая повинность, а и сознательно выполняемый священный долгъ гражданина.

Генеральный штабъ и высшій командный составъ болгарскихъ войскъ на $^3/_4$ состоятъ изъ лицъ, прошедшихъ русскую военную школу; въ каждой бригадѣ пѣхоты находился во время войны офицеръ генеральнаго штаба, помогавшій своими совѣтами старымъ бригаднымъ командирамъ, отличнымъ солдатамъ, но недостаточно ознакомленнымъ съ веденіемъ современнаго боя.

Среди вообще прекрасно знающихъ свое дѣло болгарскихъ офицеровъ выдавались артиллеристы, упорнымъ трудомъ поставившіе болгарскую артиллерію на одно изъ первыхъ въ Европѣ мѣстъ.

Унтеръ-офицеры оказались настолько подготовленными, что безъ колебаній и грубыхъ ошибокъ командовали не только ротами, но, за убылью офицеровъ, даже батальонами, руководя не только огнемъ или наступленіемъ, но и самоокапываніемъ (2-й Искерскій полкъ подъ Бунаръ-Гиссаромъ, 3-й полкъ въ бою подъ Чаталджей).

Неприхотливость и выносливость болгарскаго народа, 95% грамотныхъ среди рядовыхъ и крѣпкая спайка вполнѣ однородныхъ по составу взводовъ, ротъ, дружинъ и полковъ дополняли тѣ благопріятныя условія, при которыхъ болгарской арміи предстояло вступить въ борьбу съ Турціей.

Краткую характеристику по родамъ оружія можно набросать слѣдующимъ образомъ:

Болгарская пѣхота обладала неудержимымъ наступательнымъ порывомъ, въ началѣ войны (Эскиполосъ, Эреклеръ) заставлявшимъ ее пренебрегать требованіями современной тактики (густыя цѣпи, недостаточная огневая подготовка), что вызывало напрасныя потери. Зато она была увѣрена въ конечномъ успѣхѣ и

рвалась въ атаку „на-ножъ“, которую не могли выдерживать турки.

Примѣненіе къ мѣстности и самоокапываніе во второмъ періодѣ (начиная съ пятидневнаго боя подъ Бунаръ-Гиссаромъ и Люле-Бургасомъ) были выше похвалъ.

Болгарская артиллерія выказала себя съ лучшей стороны, прекрасно маневрируя и быстро переходя отъ пристрѣлки на пораженіе. При экономной тратѣ снарядовъ она наносила огромныя потери противнику.

Болгарская кавалерія, не имѣющая конной артиллеріи, была слишкомъ малочисленна для выполненія самостоятельныхъ задачъ, и только занятіе Демотики и Родосто было совершено ею безъ содѣйствія пѣхоты.

Развѣдываніе велось удовлетворительно, благодаря живому участію въ немъ населенія и деморализаціи противника. На счастье болгарской конницы, превосходившая ее болѣе, чѣмъ въ пять разъ, численностью турецкая кавалерія систематически уклонялась отъ встрѣчи въ полѣ, не выдвигалась за линію пѣхотныхъ сторожевыхъ частей, а при отступленіи уходила первою.

Вооружена была болгарская армія лучше турецкой—французской системы артиллерійская матеріальная часть оказалась неизмѣримо выше германской, принятой турками. Первая обладала крупнымъ преимуществомъ — автоматической установкой шрапнельной трубки, исключающей возможность ошибки и не допускающей точнаго опредѣленія дистанціи отъ батареи противника по упавшей на землю трубкѣ, не снабженной дѣленіями. Какъ и турецкая, болгарская полевая артиллерія имѣла гранату, и прекрасно ею пользовалась для разрушенія земляныхъ укрытій.

Зато турецкое ружье имѣло остроконечную пулю, по дистанціи прямого выстрѣла почти въ полтора раза превышавшую настильность полета пули болгарской винтовки.

Но чего недоставало турецкой арміи — это воинскаго духа.

Ея офицерскій составъ, увлеченный политикой, забылъ о военномъ дѣлѣ и потерялъ духовную связь съ солдатомъ; рознь между офицерами, принадлежащими къ младотурецкой партіи, и офицерами съ образованіемъ полковой учебной команды („алайли“) дошла до того, что первые не подавали руки вторымъ.

Солдаты оставались, какъ и встарь, тупой, невѣжественной и легко подверженной паникѣ массой, лѣнивой и недисциплинированной.

Желанія воевать у нихъ не было ни малѣйшаго—и на войну ихъ вели обманомъ, раздавая холостые патроны, какъ будто для маневровъ (я находилъ ихъ въ сумкахъ раненыхъ и убитыхъ на всемъ пути до Визы); плохое продовольствіе довело турецкія войска до мародерства, въ первые же дни кампаніи выродившагося въ беззастѣнчивый грабежъ и насилія надъ мирнымъ населеніемъ.

Турецкая армія была еще до войны обречена на пораженіе.

IV.

Начало войны. Планы военныхъ дѣйствій. Генералъ Савовъ и командующіе арміями.

Пятаго октября вечеромъ въ Главной квартирѣ былъ объявленъ манифестъ, повелѣвающій болгарскимъ войскамъ вступить на турецкую территорію.

На другой день утромъ, въ храмѣ „Свети Краль“ въ Софіи, состоялось торжественное молебствіе.

Царица Элеонора и весь кабинетъ министровъ присутствовали на богослуженіи. Среди тысячной толпы, запружавшей входъ въ тѣсную церковъ, нельзя было встрѣтить человѣка, не держащаго въ рукахъ манифеста съ объявленіемъ войны, раздававшагося народу безплатно на всѣхъ перекресткахъ. Взволнованныя лица молящихся и слезы на глазахъ женщинъ, только что проводившихъ на жестокую, кровавую борьбу своихъ мужей, сыновей и братьевъ, свидѣтельствовали о серьезности переживаемаго страною момента.

На площади выстроились македонскіе добровольцы со своими знаменами; сформированный изъ нихъ отрядъ, силой въ 7—8 тысячъ, долженъ былъ вечеромъ того же дня выступить къ границѣ, чтобы войти въ составъ сербско-болгарской западной арміи, наступающей отъ Кюстендиля къ югу, въ Македонію.

Среди толпы, сгрудившейся на площади, изъ устъ въ уста передавались самые сенсаціонные слухи объ

уже начавшихся военныхъ дѣйствіяхъ; событія въ окраскѣ экспансивныхъ разсказчиковъ принимали самые невѣроятные размѣры: говорилось уже чуть ли не о занятіи, если не Адріанополя, то, по крайней мѣрѣ, Киркилиссе.

Уважаемые читатели легко представятъ себѣ наше возмущеніе, вызванное распоряженіемъ цензурнаго бюро—сидѣть въ томительномъ бездѣйствіи въ Софіи, когда войска уже перешли границу, и въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Софіи (у Горной Джумаи) идетъ бой между наступающей по долинѣ рѣки Струмы колонной и турецкимъ гарнизономъ Джумаи...

Насъ все заставляли ожидать то объявленія войны, то перехода границы, то „особаго распоряженія“ изъ Главной квартиры въ Старой Загорѣ.

Оставалось питаться городскими нелѣпыми слухами о несуществовавшихъ еще крупныхъ дѣлахъ, и сидѣть на запертыхъ чемоданахъ, ежеминутно ожидая отправленія къ арміи, перешедшей въ наступленіе.

Несмотря на то, что почти всѣ лошади были забраны реквизиціоннымъ путемъ для войсковыхъ нуждъ, мнѣ удалось, при любезномъ содѣйствіи поступившаго ко мнѣ добровольцемъ-ординарцемъ Жоржа Людсканова, пріобрѣсти великолѣпнаго коня на заводѣ его родственника, заказать въ два дня форменное кавалерійское сѣдло, и я былъ готовъ во всеоружіи выступить въ походъ изъ надоѣвшей до-нельзя Софіи къ славнымъ боевымъ полямъ, не разъ орошеннымъ русской кровью.

Къ моменту объявленія войны болгарскія вооруженныя силы были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Армія генерала Иванова, укомплектованная войсками второго Филиппопольскаго военно-инспекціоннаго округа, и потому названная второю, сосредоточилась

близъ селенія Харманлы, на желѣзнодорожной линіи, ведущей къ Адріанополю.

Она была составлена 3 пѣхотными дивизіями: *) Третьей, генерала Сарафова, восьмой, генерала Киркова, и девятой, генерала Сиракова, въ общемъ около 72.000 штыковъ.

Назначеніемъ второй арміи было обложеніе Адріанополя и парализованіе дѣйствій заключеннаго въ этой крѣпости-лагерѣ свыше 25.000-го турецкаго гарнизона.

Къ юго-востоку предполагалось выдвинуть на Демотику отдѣльный конный отрядъ генералъ-лейтенанта Назлымова (полки №№ 1—4 по 6 эск.), въ составѣ 24 эскадроновъ.

У желѣзнодорожной станціи Стральджа (линія Ямболъ-Бургасъ) была сосредоточена третья армія генерала Радко Димитріева, предназначенная для нанесенія рѣшительнаго удара полевымъ силамъ восточной арміи турокъ и соятавленная изъ 3 пѣхотныхъ дивизій третьей Рущукской инспекціи — четвертой, генерала Бояджіева, пятой, генерала Христова, и шестой **), генерала Тенева; въ общемъ до 64.000 штыковъ.

Первая армія генерала Кутинчева, составленная изъ 2 дивизій софійскаго военно-инспекціоннаго округа, была сосредоточена у города Ямбола; ей было назначено содѣйствовать выполненію третьей арміей поставленной ей задачи движеніемъ въ разрѣзъ между силами турокъ въ Адріанополѣ и Лозенградѣ. Въ составъ первой арміи были включены первая дивизія ***), генерала Тошева, и десятая (новосформированная) ****), генерала Бражеринова; въ общемъ до 30.000 штыковъ.

---

*) Всѣ дивизіи, кромѣ шестой, имѣли по три бригады — 24 батальона.

**) Шестая дивизія имѣла 2 бригады = 16 батальоновъ.

***) Не вся.

****) 2 бригады.

Сосредоточеніе армій было выполнено въ глубокой тайнѣ, и даже жены высшихъ штабныхъ офицеровъ не подозрѣвали о томъ, гдѣ могутъ находиться ихъ мужья — настолько умѣло былъ соблюденъ этотъ колоссально важный секретъ.

Такъ, на вечерѣ у русскаго военнаго агента, Ю. Д. Романовскаго, супруга начальника штаба первой арміи, полковника Попадопова, горько сѣтовала, что ей ничего неизвѣстно о мужѣ съ его отъѣзда изъ Софіи.

Только такимъ путемъ, путемъ охраненія военной тайны отъ самыхъ близкихъ лицъ, и возможна достигнутая Болгаріей скрытность сосредоточенія и внезапность перехода въ наступленіе.

Вотъ съ кого слѣдовало бы брать намъ примѣръ, ибо кто не помнитъ слѣдующихъ телеграммъ, украшавшихъ собою въ теченіе всей русско-японской войны столбцы „Новаго Времени“, невинно отводившаго имъ почетное мѣсто, не подозрѣвая о томъ, что по нимъ тайная агентура японцевъ ведетъ точный учетъ и скорости движенія нашихъ воинскихъ поѣздовъ, и состава прибывающихъ къ маньчжурскимъ арміямъ подкрѣпленій:

— Переваливъ черезъ Байкалъ, шлемъ привѣтъ роднымъ и знакомымъ! 13 батарея 189-й атиллерійской бригады.

— Привѣтъ изъ-за Урала! Пластуны N-скаго батальона.

— Прибывъ на передовыя позиціи, высоко поднимаемъ бокалы за оставшихся въ Россіи родныхъ и друзей! Интенданты такого-то корпуса.

Кому не извѣстны были въ Россіи за мѣсяцъ-другой до выступленія полковъ въ походъ не только часъ ихъ посадки на поѣздъ, но и самый маршрутъ ихъ перевозки, на которомъ красовалось отпечатанное красной краской „весьма секретно“; мужья передавали женамъ, жены проговаривались подругамъ и прислугѣ,

отъ прислугъ извѣстіе разносилось по всему свѣту, несомнѣнно не минуя тѣхъ, кому надлежало наблюдать за мобилизаціей корпусовъ внутренней Россіи и Западнаго края и за сосредоточеніемъ войскъ къ театру военныхъ дѣйствій.

Помимо умѣлаго соблюденія секрета, тайна сосредоточенія болгарскихъ войскъ была прикрыта со стороны противника выдвинутой на границу конницей и обезпечена сочувствіемъ мѣстнаго населенія, среди котораго не могло найтись не только ни одного измѣнника, но даже и невольнаго пособника турокъ.

Наоборотъ, о турецкихъ войскахъ болгарамъ было извѣстно буквально все отъ безчисленныхъ дезертировъ-христіанъ и бѣглецовъ изъ разоряемыхъ турками селеній.

И въ этомъ отношеніи обстановка чрезвычайно благопріятствовала болгарской арміи, облегчая выполненіе задуманнаго ею наступательнаго плана кампаніи.

Быстрота мобилизаціи и сосредоточенія болгарскихъ войскъ застала турокъ совершенно неподготовленными.

Укрѣпленія Киркилиссе не были закончены и вооружены, Адріанополь — недостаточно снабженъ продовольствіемъ, сосредоточеніе восточной арміи на фронтѣ Адріанополь—Киркилиссе не выполнено, редифныя дивизіи только подходили къ линіи Чорлу—Сарай...

Положеніе граничило съ критическимъ.

Фантастическій планъ фонъ-деръ-Гольца о переходѣ въ наступленіе противъ Болгаріи, въ направленіяхъ отъ Джумаи на Софію и отъ Тымрыша на Филиппополь лопнулъ, какъ мыльный пузырь, и Турціи предстояло одновременно отпарировать главный ударъ Болгаріи, направленный на Киркилиссе и далѣе, на Константинополь, задержать сербскую армію въ окрестностяхъ Митровицы, отстоять Скутари и Бераны отъ Черногоріи и отразить движеніе съ юга греческой арміи.

Естественно, что съ этой непосильной задачей не могли справиться ни главнокомандующій всѣми арміями Оттоманской имперіи, Назимъ-паша, бывшій военный министръ (ранѣе сотрудникъ фонъ-деръ-Гольца), ни командующій восточной арміей Абдуллахъ-паша (также сотрудникъ фонъ-деръ-Гольца, получившій высшее образованіе въ Германіи), ни Эссадъ-паша въ Эпирѣ, ни Махмудъ-Шевкетъ-паша на сербскомъ театрѣ войны.

Планъ кампаніи союзниковъ, составленный генералами Саввовымъ и Фичевымъ при содѣйствіи сербскаго военнаго министра Путника, заключался въ слѣдующемъ:

Черногоріи было указано первою открыть военныя дѣйствія и отвлечь часть вниманія Турціи на ея западный фронтъ; подъ прикрытіемъ мобилизованной болгарской арміи нѣсколько сербскихъ дивизій должны были черезъ Софію передвинуться по желѣзной дорогѣ къ Кюстендилю, чтобы совмѣстно съ частью болгарскихъ войскъ дѣйствовать въ направленіи на Ускюбъ, а три отдѣльныя сербскія арміи должны были наступать на Куманово и далѣе къ Ускюбу, на Беране, для соединенія съ черногорскими войсками, и въ Сѣверную Албанію; греческимъ арміямъ было поручено занять Янинскій вилайетъ и Салоники.

На долю черногорской, сербской, греческой и сводной болгаро-сербской арміи выпали второстепенныя задачи — отвлеченіе на себя части турецкихъ силъ и ослабленіе дѣйствующихъ на главномъ театрѣ войны оттоманскихъ войскъ; рѣшить участь всей кампаніи могъ только исходъ единоборства Болгаріи и Турціи на румелійскомъ театрѣ.

Планъ Болгаріи сталъ ясенъ нашимъ читателямъ уже изъ наброска сосредоточенія ея армій къ моменту объявленія войны.

Онъ былъ разсчитанъ единственно на быстроту выполненія.

Вторая армія должна была послужить кольцевымъ заслономъ со стороны Адріанополя, а третья армія, поддержанная первою, должна была быстро двинуться къ югу, черезъ Лозенградъ (Киркилиссе), къ столицѣ имперіи, Константинополю, прикрытому только чаталджинской оборонительной линіей.

Этотъ планъ былъ выполненъ болгарскими войсками блестяще, и если имъ не удалось еще въ началѣ ноября вступить въ Цареградъ,—„тому современемъ послѣдуютъ пункты“...

Фактическимъ главнокомандующимъ болгарскими арміями являлся генералъ Савовъ, состоявшій при царѣ Фердинандѣ въ качествѣ „помощника“.

Военную карьеру Савовъ началъ со времени освободительной войны, поступивъ въ 1878 г. въ вольноопредѣляющіеся.

Въ 1879 г. онъ окончилъ военное софійское училище, а въ 1881 г. былъ отправленъ въ русскую академію генеральнаго штаба.

По окончаніи образованія, въ 1885 году Савовъ попалъ прямо на театръ войны, и въ сербско-болгарскую кампанію сразу выдвинулся.

Съ этого времени Савовъ быстро шелъ по іерархической лѣстницѣ, и уже въ 1887 г. былъ товарищемъ военнаго министра, а съ 1891 г. по 1894 г.—военнымъ министромъ.

Въ 1903 г., во время стамбуловцевъ, онъ снова былъ призванъ на министерскій постъ.

Но тутъ генерала постигла крупная непріятность. Онъ оказался причастнымъ къ расхищенію казенныхъ денегъ членами выдвинувшей его стамбуловистской партіи, и до настоящаго времени совокупно съ ними находится подъ слѣдствіемъ, не совсѣмъ добровольно выйдя въ отставку нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Несмотря на это обвиненіе, Савовъ былъ призванъ

царемъ руководить всѣми операціями болгарскихъ армій, какъ выдающійся организаторъ.

Популярный лишь среди своихъ партійныхъ единомышленниковъ, Саввовъ дѣйствительно знаетъ военное дѣло,—но онъ эгоистъ до мозга костей, и ради того, чтобы выдвинуть себя на первый планъ, не стѣсняется нарушать иниціативу подчиненныхъ и препятствовать имъ приводить въ исполненіе ихъ вполнѣ цѣлесообразные планы.

Генералу Саввову инкриминируется неудачное вмѣшательство въ операцію подъ Адріанополемъ и настойчивое, абсолютно не оправдываемое обстановкой, требованіе—взять штурмомъ сѣверо-восточные редуты на хребтѣ у Арнаутъ-Кіоя.

Несмотря на всѣ возраженія генерала Иванова, командующаго второй арміей, и генерала Вельчева, начальника боевого участка, штурмъ былъ произведенъ и, конечно, окончился неудачей, оплаченной около 3.000 безцѣльныхъ жертвъ.

Но вмѣшательство генерала Саввова въ руководство боемъ подъ Чаталджей граничило съ преступленіемъ.

Вся тяжесть вины въ этой первой крупной боевой неудачѣ побѣдоносныхъ войскъ генерала Радко Димитріева всецѣло падаетъ на генерала Саввова, позавидовавшаго лаврамъ побѣдителя при Лозенградѣ и въ Пятидневномъ бою...

Генералъ Радко Димитріевъ является самою крупной фигурой болгарской арміи. Это—по прозванію, данному ему войсками, „болгарскій Скобелевъ“. Генералу теперь 53 года.

Поступивъ въ войну 1877—78 года добровольцемъ-проводникомъ въ л. гв. уланскій Ея Величества полкъ, Радко Димитріевъ совершилъ весь походъ съ полкомъ и выдвинулся своей беззавѣтной личной храбростью и военными способностями.

Подготовленный оцѣнившими и полюбившими его

уланскими офицерами, Радко Димитріевъ, по окончаніи курса Софійскаго училища, поступилъ въ Константиновское военное училище, а затѣмъ окончилъ нашу академію генеральнаго штаба.

Вернувшись на родину, онъ въ сербско-болгарскую войну былъ помощникомъ начальника штаба западнаго отдѣльнаго корпуса и участвовалъ въ сраженіяхъ при Драгоманѣ, Планицѣ и Пиротѣ.

Но водоворотъ политическихъ событій захватилъ капитана Димитріева, и онъ долженъ былъ эмигрировать въ Россію послѣ того, какъ подъ угрозой смерти вырвалъ у князя Александра Баттенбергскаго отреченіе отъ престола, явившись къ нему во дворецъ съ тремя соучастниками офицерскаго заговора.

Въ Россіи Радко Димитріевъ десять лѣтъ прокомандовалъ ротой въ 15-омъ гренадерскомъ Тифлисскомъ полку, былъ преподавателемъ тактики въ Тифлисскомъ училищѣ и лишь въ 1898 году получилъ возможность вернуться въ Болгарію, навсегда сохранивъ лучшія, благодарныя о Россіи воспоминанія и неразрывную съ нею связь.

Энергичный и обладающій чрезвычайной личной храбростью и боевымъ хладнокровіемъ, находчивый и умѣющій вліять на солдата, генералъ высоко популяренъ среди войскъ и народа. Популярность его неоднократно вызывала недовѣріе придворныхъ сферъ, опасавшихся неограниченнаго вліянія генерала на подчиненныхъ.

Но эта популярность пріобрѣтена Радко Димитріевымъ не путемъ недостойныхъ поблажекъ или дешеваго саморекламированія,—а тѣмъ, что „Нашъ Радко“, какъ зоветъ его вся Болгарія, раздѣляетъ всѣ труды походной жизни съ солдатомъ, непритязателенъ въ пищѣ и квартирѣ, довольствуется изъ солдатскаго котла, неизвѣстно когда отдыхаетъ, сурово преслѣдуетъ дурное обращеніе съ нижними чинами и лично вникаетъ во всѣ ихъ нужды.

И потому за нимъ, какъ на праздникъ, идутъ на вѣрную смерть десятки тысячъ людей, слѣпо ему довѣряющихъ.

Взятіе Лозенграда, побѣда надъ превосходными силами турокъ на линіи Бунаръ-Гиссаръ—Люле-Бургасъ вознесли этого народнаго героя на вершину заслуженной имъ славы, и даже проигранное—не по его винѣ—сраженіе 4—5 ноября подъ Чаталджей не заставило поблекнуть лавры его побѣднаго вѣнка.

Командующій первой арміей, генералъ Кутинчевъ въ началѣ своей жизни работалъ на поприщѣ, ничего общаго не имѣющемъ съ войной—былъ учителемъ первоначальной школы въ Рущукѣ.

Во время сербско-болгарской войны Кутинчевъ уже командовалъ 1-й дружиной 5-го Дунайскаго полка, а при Сливницѣ принялъ командованіе полкомъ, замѣнивъ раненаго командира, и участвовалъ при взятіи Драгомана, Цариброда и Пирота.

Прекрасный боевой генералъ, В. И. Кутинчевъ не совсѣмъ подготовленъ къ самостоятельному рѣшенію крупныхъ стратегическихъ задачъ. Поэтому ему былъ назначенъ въ качествѣ начальника штаба, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ болгарскаго генеральнаго штаба, полковникъ Попадоповъ, бывшій военный агентъ въ Петербургѣ, съ русскими войсками перенесшій всю кампанію 1904—05 гг. въ Манчжуріи.

Въ бояхъ подъ Лозенградомъ, Люле-Бургасомъ и Чаталджей войска первой арміи генерала Кутинчева дѣйствовали превосходно.

Командующій второй арміей, генералъ Ивановъ также окончилъ русскую академію генеральнаго штаба, какъ и Димитріевъ и Савовъ, и въ сербско-болгарскую войну отличился въ бою подъ Царибродомъ.

Послѣ войны генералъ Ивановъ былъ военнымъ министромъ съ 1896 г. по 1899 г.

Въ послѣдней кампаніи на войска генерала Иванова

была возложена задача — не теряя понапрасну силъ, парализовать вредное вліяніе Адріанопольской крѣпости ея обложеніемъ. Эта задача была командующимъ второй арміей выполнена вполнѣ цѣлесообразно, и всѣ атаки турокъ, имѣвшія цѣлью пробиться въ юго-восточномъ направленіи, были съ большими для противника потерями отбиты войсками обложенія, солидно укрѣпившими кольцо своихъ позицій на окружающихъ Адріанополь высотахъ.

V.

Въ Главной квартирѣ. Печать и цензура. Паденіе Лозенграда.

Послѣ десятидневнаго томительнаго сидѣнья въ Софіи, военныхъ атташе и корреспондентовъ наконецъ рѣшили доставить въ Старую Загору, гдѣ находилась Главная квартира болгарской арміи.

На вокзалѣ, переполненномъ пестрой толпой, царила неописуемая суматоха. Яркія мундиры иностранныхъ военныхъ атташе рѣзко выдѣлялись на тускломъ фонѣ однообразныхъ пиджаковъ и сѣрыхъ походныхъ кителей; въ прицѣпленномъ къ хвосту поѣзда вагонѣ нетерпѣливо ржали и стучали копытами купленныя мною и корреспондентомъ „Новаго Времени“ лошади.

Передъ отъѣздомъ появились неизбѣжные въ подобныхъ случаяхъ фотографы.

Съ опозданіемъ на часъ, вмѣсто десяти утра—въ одиннадцать, но все же поѣздъ тронулся.

Замелькали поля, холмы, ручьи и лѣса. Понемногу начался подъемъ на Ихтиманскій хребетъ.

У каждаго изъ желѣзнодорожныхъ мостовъ лѣпились шалаши карауловъ, составленныхъ изъ ополченцевъ; опираясь на винтовку, стояли, зорко глядя вдаль, бородачи, съ крестами и медалями на груди; у костровъ хлопотали кашевары. На разъѣздахъ мы обгоняли поѣзда съ различными запасами и транспортами „Краснаго Креста“.

Въ вагонъ-ресторанѣ невольно привлекалъ общее вниманіе представительный пожилой гусаръ, съ одной звѣздочкой „подпоручика на кавалеріята“ на погонахъ; рядомъ съ нимъ занялъ мѣсто бывшій министръ Такевъ, облеченный въ мундиръ подпоручика армейской пѣхоты; гусаръ оказался болгарскимъ посланникомъ при германскомъ дворѣ, Стефаномъ Станчевымъ, добровольно явившимся въ армію, хотя, какъ дипломатическій представитель, онъ отнюдь не подлежалъ призыву.

Всеобщая милитаризація болгарскихъ желѣзныхъ дорогъ, заставившая весь желѣзнодорожный персоналъ превратиться въ унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей и поручиковъ, захватила и министра путей сообщенія и почтъ Франгя, произведеннаго, для пущей авторитетности, сразу въ генералы, хотя онъ никогда въ жизни не былъ военнымъ. Добродушный новоиспеченный генералъ весьма былъ доволенъ своимъ воинскимъ званіемъ и щеголялъ въ австрійской курткѣ съ генеральскими погонами.

Глубокой ночью, вмѣсто обѣщанныхъ семи часовъ вечера, поѣздъ прибылъ въ Старую Загору. Военные агенты въ заранѣе приготовленныхъ автомобиляхъ были доставлены въ отведенныя имъ, по распоряженію коменданта, квартиры, а корреспондентамъ было рекомендовано остаться на ночь въ вагонахъ.

На разсвѣтѣ, утомленные проведенной въ самомъ неудобномъ полусидячемъ положеніи безсонной ночью, мы рѣшили дѣйствовать самостоятельно, не ожидая отеческаго попеченія мѣстныхъ властей, у которыхъ и своего дѣла было по горло. Станціонный комендантъ выдалъ сходни, изъ конскаго вагона были выгружены лошади, и, посѣдлавъ ихъ, мы отправились въ Старую Загору отыскивать себѣ пристанище, пока по городу еще не разсѣялась саранча иностранныхъ корреспондентовъ.

Положеніе наше было весьма затруднительно; почти всѣ дома были заняты офицерами Главной квартиры и различныхъ штабовъ; гостиницы поражали своей убогостью и неряшливостью.

Но спасителемъ нашимъ явился любезнѣйшій товарищъ городского головы, И. К. Праматаровъ, долгое время прожившій въ Россіи, куда онъ вынужденъ былъ бѣжать отъ прелестей стамбуловскаго режима. Онъ самъ подошелъ ко мнѣ на улицѣ, предложилъ сойти съ коня и осмотрѣть его домъ.—„Выбирайте любую комнату. Для русскаго офицера я готовъ служить, чѣмъ угодно“.

Черезъ полчаса, при содѣйствіи мѣстнаго полицейскаго пристава, какимъ-то чудомъ раздобывшаго телѣгу съ хромоногой клячей, наши вещи были доставлены съ вокзала и водворены въ гостиной праматаровскаго дома.

Устроившись и приведя себя въ порядокъ, мы отправились въ цензурное бюро, не безъ гордости посматривая на почтенныхъ иностранныхъ корреспондентовъ, съ унылымъ видомъ бродящихъ по улицамъ и на чистѣйшемъ англійскомъ языкѣ разспрашивающихъ старозагорскихъ жителей: „Нѣтъ ли у васъ свободной комнаты?“

Въ „цензурната секція“ насъ „поставили въ извѣстность“, что никакого представленія корреспондентовъ начальнику штаба главнокомандующаго ни сегодня ни завтра не предвидится, что намъ будутъ сообщаться лишь официальные бюллетени, что никуда изъ Старой Загоры выѣзжать мы не имѣемъ права впредь до особаго разрѣшенія, и что вся наша почтовая переписка, какъ и указано, впрочемъ въ инструкціи, подлежитъ предварительной цензурѣ господъ профессоровъ химіи, механики и ботаники, облеченныхъ въ солдатскіе мундиры и, несмотря на свободомысліе ихъ прежнихъ либеральныхъ воззрѣній, призванныхъ, при помощи красныхъ чернилъ, бороться съ журналистами.

Хотя, собственно говоря, профессора зоологіи и астрономіи и не особенно были компетентны въ стратегическихъ соображеніяхъ, зато въ недостаткѣ усердія ихъ винить было нельзя, и строгое соблюденіе не только дѣйствительныхъ военныхъ секретовъ, но и „секретовъ полишинеля“ было надежно обезпечено.

Вступала въ силу знаменитая инструкція для представителей печати, перечисляющая все то, что военнымъ корреспондентамъ запрещается сообщать въ свои газеты:

1. Организація, дислокація и число войскъ, всѣ подготовительныя къ выполненію различныхъ операцій мѣры и проекты ихъ.

2. Перемѣщеніе войскъ, штабовъ, командnаго состава, этапныхъ пунктовъ и резервовъ.

3. Названія войсковыхъ частей, нумерація ихъ, имена командировъ частей, если сообщеніе этихъ свѣдѣній способно облегчить развѣдочную службу противника.

4. Вооруженіе войскъ и укрѣпленій, санитарное состояніе арміи и ея продовольствіе.

5. Дѣйствительность стрѣльбы противника и ея мѣткость.

6. Подготовка и движеніе войскъ и подкрѣпленій къ театру военныхъ дѣйствій.

7. Состояніе и провозоспособность желѣзныхъ дорогъ и шоссейныхъ и другихъ путей въ тылу арміи.

8. Свѣдѣнія о противникѣ, добытыя путемъ тайной развѣдки.

9. Имена убитыхъ и раненыхъ и число ихъ ранѣе появленія офиціальнаго бюллетеня.

10. Сообщеніе неблагопріятныхъ для болгарской арміи военныхъ свѣдѣній и критика дѣйствій военнаго начальства.

Прочтя этотъ перечень, читатель пойметъ, насколько была затруднена дѣятельность военнаго кор-

респондента, поставившаго себѣ главной задачей своевременно освѣдомлять русское общество обо всемъ, происходящемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, и безпристрастно оцѣнивать событія на основаніи выработаннаго военной наукой критеріума.

По существу этой драконовской инструкціи, для представителей прессы осталось только писать о погодѣ или сочинять заранѣе хвалебныя оды.

Но, положа руку на сердце, я признаю, что болгарскій способъ охраненія военныхъ тайнъ мнѣ кажется куда болѣе симпатичнымъ, чѣмъ итальянскій, съ которымъ я близко познакомился во время пребыванія въ Триполи въ качествѣ военнаго корреспондента „Утра Россіи".

Тамъ съ любезной, до приторности сладкой улыбкой ваши письма взвѣшивались, оплачивались марками, расписка украшалась витіеватой подписью, а самое письмо бросалось въ корзину или мѣшокъ, откуда оно уже шло не въ Россію, а въ Римъ, и въ четырехъ изъ пяти случаяхъ или погибало въ рукахъ ретивыхъ цензоровъ, или приходило въ редакцію послѣ двухнедѣльной задержки съ боковымъ разрѣзомъ на конвертѣ, заколотымъ, безъ особыхъ конвенансовъ, англійской булавкой.

Изъ цензурнаго бюро мы рискнули, вдвоемъ съ полковникомъ Дрейеромъ, проникнуть въ строжайше охраняемую Главную квартиру, расположившуюся въ зданіи мужской гимназіи имени Вазова.

Часовые пропустили насъ благодаря военной формѣ безпрепятственно, несмотря на строжайшій запретъ,— но и въ Главной квартирѣ насъ ждало разочарованіе. Чтобы не раздражать представителей европейской прессы, болгарскія военныя власти не могли предоставить намъ исключительнаго права отправиться къ войскамъ ранѣе общаго разрѣшенія, ожидаемаго на-дняхъ.

Въ утѣшеніе намъ было сказано:

— „Само собою, господа, понятно, что со временемъ русскіе военные корреспонденты, тѣмъ болѣе, офицеры, будутъ лучше оріентированы, чѣмъ западноевропейскіе коллеги, но это произойдетъ, такъ сказать, явочнымъ порядкомъ".

Первый день, проведенный въ Старой Загорѣ, произвелъ на насъ самое благопріятное впечатлѣніе.

Чистенькій, прекрасно распланированный городъ еще сохранилъ нѣкоторые слѣды турецкаго владычества; острая игла бѣлаго минарета „джаміи" теряется въ сосѣдствѣ съ золотыми куполами новыхъ храмовъ старая баня „хаммамъ" неуклюже выперла на середину новой, отлично мощеной улицы и съ недоумѣніемъ смотритъ подслѣповатыми старушечьими глазами своихъ тусклыхъ окошекъ на кипящую вокругъ нея новую жизнь...

Шагъ за шагомъ Турція вытѣсняется изъ Европы, и уже пробилъ тотъ часъ, когда и первый этапъ вторженія османовъ на европейскую территорію—Румелія, ставшая послѣднимъ этапомъ ихъ историческаго послѣдовательнаго отступленія, перейдетъ вновь въ христіанскія руки.

Молодой городъ быстро растетъ. Телефонъ, канализація, водопроводъ — все заведено и правильно функціонируетъ. Два банка—народный и земледѣльческій—производятъ широкія операціи въ округѣ, ведущемъ значительную хлѣбную торговлю; съ каждымъ годомъ развивается экспортъ мѣстнаго вина, по качеству не уступающаго лучшимъ винамъ Крыма и Черноморья.

Населеніе Старой Загоры смѣшанное — турки совершенно ассимилировались съ болгарами и сохранили только феску на головѣ да шаровары у женщинъ; взаимоотношенія національностей не оставляютъ желать лучшаго, и даже въ настоящую минуту между мусульманами и христіанами не замѣчается никакого антагонизма.

Заговоривъ объ антагонизмѣ, я по ассоціаціи идей невольно перехожу на отношеніе болгаръ къ плѣннымъ туркамъ. Я былъ пораженъ, увидѣвъ въ старозагорскихъ казармахъ первую партію плѣнныхъ турокъ, взятыхъ въ бояхъ при Тымрошѣ и Діовленѣ.

Караулившіе ихъ ополченцы обращались со вчерашнимъ заклятымъ врагомъ какъ съ гостемъ, дѣлясь съ ними своимъ хлѣбомъ и угощая табакомъ. Ни малѣйшей враждебности не проскальзывало въ отношеніяхъ „стражарей“ и плѣнныхъ.

Вспомнивъ мои познанія въ турецкомъ языкѣ, я вступилъ въ бесѣду съ плѣнными аскерами 36 пѣхотнаго полка, довѣрчиво признавшимися, что ихъ рота растерялась послѣ того, какъ былъ убитъ бинбаши (майоръ), командиръ табора, а юзбаши (ротный) смертельно раненъ,—и сдалась въ плѣнъ.

— Мы боялись, что болгары насъ убьютъ или выколютъ глаза, — говорилъ мнѣ худощавый и горбоносый типичный турокъ изъ Бруссы, — а они насъ накормили и даже бить не стали. Пэкъ эйи адамларъ — отличные люди,—похвалилъ онъ конвойныхъ.

Въ отношеніи Россіи болгарское населеніе Старой Загоры—сплошь горячіе и убѣжденные руссофилы.

Въ центрѣ города, въ скверѣ, поставленъ памятникъ погибшимъ героямъ болгарскаго ополченія, подъ командой лихого полковника Калитина оборонявшимъ Старую Загору, тогда Эски-Загра, противъ несравненно превосходныхъ силъ турокъ.

Именемъ павшаго въ неравномъ бою за знамя на самыхъ улицахъ Эски-Загры полковника Калитина названо богатое село въ двухъ верстахъ отъ города, и сказаніе объ этомъ геройскомъ подвигѣ благоговѣйно передается болгарами изъ рода въ родъ.

Ко мнѣ неоднократно подходили на улицахъ старики-ополченцы, украшенные Георгіемъ и медалями за Освободительную войну, и съ ласковой улыбкой

крѣпко жали руку, привѣтствуя въ лицѣ русскаго офицера далекую, но родную Россію, „освободительницу“, о которой безъ умиленія не можетъ вспоминать не испорченное австроугоднической политикой болгарское сердце.

Въ гостепріимной семьѣ радушно меня пріютившаго Праматарова я чувствовалъ себя словно въ Россіи. Со стѣны на меня смотрѣлъ слегка нахмурившійся Царь Освободитель (о, если бы онъ могъ только увидѣть, на какую высоту поднялось его дѣтище — Болгарія, если бы могъ прослѣдить за первыми боевыми успѣхами созданной имъ болгарской арміи, довершающей имъ начатое великое дѣло,—какой радостной улыбкой озарилось бы его лицо!), въ углу висѣла икона съ теплящейся лампадой, и только походные чемоданы и сѣдла на полу моей комнаты напоминали о томъ, что я нахожусь на театрѣ военныхъ дѣйствій, готовымъ каждую минуту выѣхать подъ стѣны адріанопольскихъ фортовъ.

Шестого октября утромъ, на другой же день по объявленіи манифеста царя Фердинанда, болгарскія войска перешли турецкую границу на македонскомъ театрѣ войны, одновременно — въ долинѣ рѣки Струмы — 12-я македонская дивизія генерала Генева, — въ Тымрышской казѣ — сводная бригада пѣхоты и двѣ батареи, и въ Кырджалійскомъ округѣ—вторая пѣхотная дивизія генерала Ковачева, а сербская армія съ 7-й дивизіей генерала Тодорова двинулась на Куманово.

На главномъ восточномъ театрѣ боковымъ авангардомъ второй арміи генерала Иванова уже шестого числа былъ занятъ, послѣ непродолжительной перестрѣлки, укрѣпленный пунктъ Куртъ-кале (Волчья крѣпость), запирающій перевалъ изъ долины Марицы въ долину Арды.

Въ этой первой стычкѣ на главномъ театрѣ войны

отличился Шейновскій пѣхотный полкъ, безъ выстрѣла атаковавшій каменный блокгаузъ и взорвавшій его пироксилиновыми шашками вмѣстѣ съ непожелавшими сдаться защитниками.

Въ тотъ же день, 6-го октября, безъ выстрѣла была занята неповрежденная желѣзнодорожная станція Мустафа-паша и лежащій на обоихъ берегахъ Марицы городъ.

Важный въ стратегическомъ отношеніи мостъ черезъ рѣку Марицу былъ только слегка попорченъ, и его немедленно исправили, а запасовъ изъ Мустафа-паши турки вывезти не успѣли.

Склады кое-гдѣ были подожжены, но пожаръ удалось потушить въ самомъ началѣ.

Въ это же время, въ глубокой тайнѣ, совершалось стремительное наступленіе третьей и первой армій къ Киркилиссе—Лозенграду.

Начало войны было прекрасно для Болгаріи. Оно предвѣщало удачный ея исходъ.

Турки были застигнуты врасплохъ.

На второй день войны были заняты города: Тымрышъ (взято три горныхъ орудія и 100 плѣнныхъ), Джумая (свыше 200 плѣнныхъ и большіе запасы) и Малко-Тырново (къ востоку отъ Киркилиссе).

Наступленіе интенсивно продолжалось по всему фронту.

Въ Главной квартирѣ напряженно ожидалось извѣстіе объ исходѣ боя подъ Лозенградомъ, куда двинулись обѣ маневренныя арміи Болгаріи, и гдѣ ихъ должна была встрѣтить, на заранѣе укрѣпленной позиціи, восточная армія Абдулла-паши.

Въ Старой Загорѣ уже восьмого числа стало извѣстно, что главныя силы перешли границу, а девятаго распространился слухъ о первой крупной побѣдѣ; два дня населеніе, а тѣмъ паче военные корреспонденты, волновались фантастическими сенсаціями, — и

наконецъ, около полудня одиннадцатаго числа, по городу разнеслась радостная вѣсть:

— „Лозенградъ палъ. Путь на Цареградъ открытъ. Взято множество орудій и плѣнныхъ. Армія турокъ разбѣжалась. Ведется энергичное преслѣдованіе. Болгарскія потери ничтожны".

Подробности этого во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнаго боя, предрѣшившаго исходъ кампаніи, будутъ предложены въ главѣ о взятіи Лозенграда.

Весь день одиннадцатаго октября былъ сплошнымъ праздникомъ. Жители Старой Загоры обнимались на улицахъ и поздравляли другъ друга; на перекресткахъ собирались толпы народа, съ жаднымъ любопытствомъ слушая невѣроятныя измышленія солдатъ Главной квартиры, фантазировавшихъ на тему:

— Како падналъ Лозенградъ.

По ихъ разсказамъ, былъ плѣненъ турецкій наслѣдникъ престола, съ нимъ Махмудъ-Мухтаръ-паша, сотня генераловъ и цѣлыхъ пятьдесятъ тысячъ турокъ. О трофеяхъ—и говорить нечего. Тысячи пушекъ, и такъ далѣе.

На другое утро въ соборѣ состоялось молебствіе. У входа въ церковь выстроился эскадронъ лейбъ-гвардейскаго полка, и собрались всѣ наличные генералы Главной квартиры.

Савовъ и Фичевъ ожидали царя Фердинанда у воротъ церковной ограды.

Среди корреспондентовъ было ликованіе, не уступавшее народному торжеству,

Лозенградъ палъ—рухнуло главное препятствіе къ ихъ отправленію на театръ военныхъ дѣйствій.

Скрытность сосредоточенія и нацѣливанія маневренныхъ армій сослужила свою службу,—и корреспонденты уже не могли повредить успѣху дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій.

Вѣдь надъ ихъ головами продолжалъ висѣть Да-

мокловъ мечъ изгнанія изъ арміи и даже преданія военно-полевому суду за нарушеніе хотя бы ничтожнѣйшаго изъ правилъ драконовской инструкціи, а мѣрой предупредительной являлись—строжайшая военная цензура и крайняя медленность доставки не только почтовой, но и телеграфной корреспонденціи.

Со временемъ читатели ознакомятся съ постановкой почтово-телеграфной службы въ болгарскихъ войскахъ и увидятъ, сколько огорченій пришлось пережить военнымъ корреспондентамъ, тратившимъ сотни рублей на то, чтобы ихъ срочныя телеграммы по двѣ недѣли плелись изъ подъ Чаталджи до Ямбола, черезъ Лозенградъ, на буйволахъ...

Но тогда—никто объ этомъ и не думалъ.

Счастливый моментъ приближался — можно было разсчитывать, что вечеромъ же намъ позволятъ отправиться къ далеко ушедшимъ впередъ арміямъ.

Къ девяти часамъ утра подкатилъ царскій автомобиль. За Фердинандомъ изъ кареты вышли наслѣдный князь Борисъ, капитанъ Тырновскаго полка, и князь Кириллъ, поручикъ. Всѣ трое въ полной походной формѣ—пальто съ пуговицами и погонами защитнаго тусклаго цвѣта.

Толпа народа переполняла небольшой старозагорскій соборъ. Шпалерами по пути царскаго прохода стояли офицеры главной квартиры. Выдѣлялся блестящей гусарской венгеркой сербскій полковникъ Лешанинъ, состоящій при царѣ Фердинандѣ.

Присутствовали почти всѣ иностранные корреспонденты, и невольно обращалъ на себя вниманіе представитель С.-Пб. Телеграфнаго Агентства г. Суринъ, ради торжественнаго случая нацѣпившій на курточку велосипедиста погоны русскаго подполковника въ отставкѣ, а на сѣрую мягкую каскетку офицерскую кокарду.

Царь и сыновья стали у праваго клироса.

Митрополитъ Старой Загоры Меѳодій, старикъ, хорошо помнящій Освободительную войну и горячій руссофилъ, умиленно служилъ молебенъ.

Съ хоръ неслось стройное, чисто-русское пѣніе.

Русскіе мундиры, православная служба, все невольно переносило домой, въ Россію, все такъ и твердило о родствѣ единаго Бога исповѣдующихъ славянскихъ народовъ.

Молебенъ подходилъ къ концу.

На глазахъ у престарѣлаго митрополита стояли слезы, когда онъ дрожащимъ голосомъ обратился къ царю съ привѣтственнымъ словомъ:

— „Господу угодно было благословить христолюбивое воинство блестящей побѣдой.

„Шесть дней войны истекли — и наши доблестныя войска разбили нечестивыхъ агарянъ.

„Палъ Лозенградъ, и совершилось, казалось, невозможное даже для величайшихъ героевъ!

„Съ такими достойными сынами родины, царь, ты можешь твердо, уповая на Бога, довершить великое дѣло освобожденія зарубежныхъ братьевъ.

„И да нарекутъ тебя Царемь-Освободителемъ, и съ Божіею милостью—Императоромъ Великой Цѣлокупной Болгаріи!“

Фердинандъ и князья подошли къ кресту и приняли благословеніе растроганнаго величіемъ минуты старика-митрополита.

Церковь опустѣла.

— Скажите, полковникъ—слова митрополита Меѳодія объ „императорѣ“ сказаны подъ вліяніемъ минуты, или они отражаютъ собою настроеніе „въ сферахъ“?

— Нѣтъ, ничего подобнаго, — отвѣтилъ мой собесѣдникъ. — Никто, пока, еще и не помышляетъ объ „имперіи“ Болгарской. Быть можетъ, у нѣкоторыхъ энтузіастовъ и появилась такая идея, — но она весьма преждевременна. Надо раньше разбить турокъ, затѣмъ

разбить козни враждебной намъ европейской дипломатіи и создать объединенную Болгарію, затѣмъ поработать еще добрый десятокъ лѣтъ, — а тогда будетъ видно, какую роль призвана играть Болгарія на Балканахъ.

— Роль Пруссіи въ Германскомъ союзѣ.

— Давай Богъ, чтобы такъ,—крѣпко пожалъ мою руку полковникъ.

Толпа восторженными кликами „ура“ провожала царя, уѣзжавшаго въ свой поѣздъ, поставленный на запасномъ пути Старо-Загорскаго вокзала.

Популярность царя Фердинанда выросла въ глазахъ народа мгновенно, послѣ первыхъ же боевыхъ успѣховъ.

Даже тѣ, кто еще наканунѣ войны рѣзко выражали неудовольствіе его австрофильской политикой, примиренно говорили:

— Но зато какой онъ прекрасный дипломатъ! За созданіе Балканскаго союза и своевременное объявленіе войны ему можно все простить. Исторія Болгаріи къ его имени несомнѣнно прибавитъ эпитетъ:

— „Царь Освободитель“.

VI.

Отъ Старой Загоры до Мустафа-паши.

Только четырнадцатаго числа корреспондентамъ томившимся въ Главной квартирѣ, были розданы свидѣтельства на право проѣзда къ тѣмъ арміямъ, въ которыя они были назначены.

Свыше 80 иностранныхъ и русскихъ представителей печати получили предписаніе отправиться въ Мустафа-пашу, штабъ-квартиру второй арміи, и не выѣзжать никуда далѣе двухъ верстъ отъ города, подъ угрозой высылки не только съ театра военныхъ дѣйствій, но даже изъ предѣловъ Болгаріи. Ликованіе смѣнилось глубокимъ разочарованіемъ, и, мало-помалу, представители иностранной печати начали покидать армію. Бѣгство началось съ итальянцевъ и австрійцевъ, окруженныхъ всеобщимъ недовѣріемъ и плохо замаскированнымъ недоброжелательствомъ. Штабъ второй арміи возложилъ цензурованіе депешъ и телеграммъ всѣхъ 80 корреспондентовъ на одного единственнаго офицера, перегруженнаго, къ тому же, работой по должности начальника развѣдывательнаго отдѣленія.

Вполнѣ естественно, что несчастный майоръ, обремененный разспросами плѣнныхъ и дезертировъ, составленіемъ секретныхъ отчетовъ и схемъ, не могъ справиться съ непосильной задачей, нервничалъ, приди-

рался къ корреспондентамъ и вычеркивалъ у нихъ самыя невиннѣйшія и благонамѣреннѣйшія вещи. Единственно, кому при такомъ режимѣ жилось припѣваючи, это корреспондировавшему въ одну бульварную петербургскую газетку небезызвѣстному Брешко-Брешковскому.

Этотъ фантазеръ былъ весьма доволенъ запрещеніемъ выѣзжать изъ Мустафа-паши, и сидя, въ цензурномъ бюро, набрасывалъ такія „красочныя картины“ боевъ, имъ „лично наблюдавшихся“, что вся цензура рыдала у него на плечѣ:

— О, если бы всѣ такъ писали, какъ вы!

Но и Брешковскому пришлось поссориться съ цензорами, находившими, что онъ „слишкомъ много пишетъ, читать некогда“.

Тогда онъ переселился въ Петербургъ и „описанія боевъ“ стали у него еще „красочнѣе“.

Но наиболѣе солиднымъ русскимъ газетамъ было разрѣшено, въ видѣ исключенія, имѣть своихъ представителей при первой и третьей арміяхъ.

Эти крупныя преимущества немедленно стали извѣстны среди русскихъ и иностранныхъ коллегъ, и ихъ отношенія къ „избранникамъ судьбы“ приняли крайне обостренный характеръ.

Собирались даже подписи для коллективнаго протеста. Поэтому мы рѣшили ускорить отъѣздъ и еще въ Старой Загорѣ отдѣлиться отъ докучнаго космополитическаго общества.

У меня и В. Н. ф. Дрейера были прекрасныя верховыя лошади, купленныя въ Софіи, наши добровольные ординарцы, еще въ Софіи предложившіе свои услуги—Жоржъ Людскановъ и Митко Пипевъ—племянникъ министра внутреннихъ дѣлъ и сынъ владѣльца одного изъ крупныхъ софійскихъ магазиновъ, также запаслись лошадьми на заводѣ своего родственника.

Для багажа были наняты двуколка и конюхъ.

Мы приготовились къ выступленію.

Но куда? Гдѣ искать третью армію, наступающую къ Царьграду?

Рѣшено было, дабы ничего не упустить, выѣхать сперва къ Адріанополю, осмотрѣть линію его обложенія, затѣмъ двинуться къ Лозенграду, и нагонять армію на ея маршѣ между Лозенградомъ и Чаталджей.

Предстоялъ трудный и не совсѣмъ безопасный походъ верстъ въ триста съ лишнимъ, частью по совершенно пустынной мѣстности.

Послѣ полудня четырнадцатаго числа мы выступили изъ Старой Загоры, сердечно простившись съ гостепріимными хозяевами.

Первый переходъ въ пятьдесятъ верстъ до Тырново-Сеймена, по великолѣпно содержимому шоссе, былъ сдѣланъ нашимъ маленькимъ отрядомъ въ шесть часовъ.

Черезъ желѣзнодорожный Марицкій мостъ у Тырново-Сеймена насъ пропустили по запискѣ начальника ополченскаго караула, и мы расположились квартиробивакомъ въ зданіи пустого пивного склада, близъ самаго вокзала.

Рано утромъ былъ объявленъ подъемъ.

Холодокъ бодрилъ. Ясное солнечное утро обѣщало отличный день. Ярко блестѣли воды Марицы, и красиво раскинулся по амфитеатру береговыхъ высотъ чистенькій, потонувшій въ зелени садовъ городокъ.

На желѣзнодорожной станціи—узлѣ путей отъ Старой Загоры и Филиппополя къ Мустафа-пашѣ—кипѣла работа. Выгружались интендантскіе и артиллерійскіе припасы для усиленія главнаго тылового магазина второй арміи, и высаживались пополняющія дружины, далѣе направлявшіяся походнымъ порядкомъ.

На жалкой, грязной площади станціоннаго поселка стояла любопытная бронекупольная батарея полевыхъ

орудій, установленныхъ въ блиндированныя подвижныя башенки. Орудія завязли по оси, и, казалось, всѣ силы міра не вывезутъ ихъ изъ топи.

По размытому дождями проселку, внезапно смѣнившему шоссе, тянулись толпой во образѣ колонны маршевыя команды, шедшія на пополненіе десятаго пѣхотнаго полка.

Мы поздоровались съ офицерами—и внезапно услышали громкое, тысячеголосое „ура!“

— „Ура“ нашимъ учителямъ—русскимъ!

— „Ура“ родной русской арміи!

Тронутые совершенно неожиданной овацiей, мы крѣпко пожали руки офицерамъ и помахали фуражками толпѣ запасныхъ.

„Ура“ смолкло лишь тогда, когда мы поспѣшили крупной рысью положить разстояніе между нами и колонной.

Крутыми и рѣдкими по красотѣ перевалами извилистая дорога взбиралась на хребетъ, отдѣляющій Сейменъ отъ Харманлы.

Въ водоворотѣ событій наша багажная двуколка отстала, и на помощь къ ней были высланы племянникъ министра и берлинскій студентъ, къ вечеру благополучно ее доставившіе въ Мустафа-пашу.

Въ Харманлы,—типичномъ турецкомъ городѣ съ узкими и кривыми переулочками, мы вышли на прекрасное софійско-адріанопольское шоссе.

Вся дорога, до самаго горизонта, была занята длинными змѣйками войскъ. Въ колоннахъ по отдѣленіямъ шла пѣхота, дребезжали батареи и артиллерійскіе парки, растягивавшіеся чуть ли не на версту, тянулись полевые госпитали болгарскаго Краснаго Креста, вопія къ небу о своей скудости и убожествѣ.

Сколоченные на скорую руку ящики заключали самые необходимые медикаменты и инструменты; на тяжелыхъ грузныхъ арбахъ, запряженныхъ апатичными

буйволами, были навалены груды простыхъ деревянныхъ столовъ и табуретокъ, и торчали шесты палатокъ, обмотанные парусиной. Единственный врачъ и два-три санитара шли пѣшкомъ за своимъ обозомъ...

Выкормивъ начавшихъ уставать коней въ „ханѣ“ близъ селенія Кибибчево, мы около одиннадцати часовъ утра подъѣзжали къ турецкой границѣ.

Узкая долина извилистаго ручейка служила нейтральной полосой. Пересохшій ручей составлялъ фактическую пограничную линію.

На болгарской сторонѣ стояла казарма съ пробитыми въ стѣнкахъ бойницами; впереди, на скатѣ, въ двухъ-трехъ мѣстахъ были вырыты отлично примѣненные къ мѣстности стрѣлковые окопы.

Къ мосту подходила голова пѣхотной колонны.

— Съ переходомъ на турецкую землю поздравляю васъ, братцы,—крикнулъ ѣхавшій по обочинѣ шоссе командиръ батальона.

Дружное „ура“ заглушило его слова. Многіе махали шапками. Люди прибодрились; отсталые стали догонять ушедшихъ впередъ.

На турецкой сторонѣ бѣлѣлъ каменный блокгаузъ съ вышкой для часового.

Наши лошади, менѣе, чѣмъ въ однѣ сутки, сдѣлавшія 105 верстъ отъ Старой Загоры, черезъ Тырново-Сейменъ, до Мустафа-паши, начали замедлять шагъ.

Но городъ уже былъ близко. Справа показалась станція, окруженная биваками и госпиталями; въ предмѣстьи скучились остановившіяся на привалъ дружины; у длиннаго каменнаго моста черезъ Марицу стояли часовые, а на шестахъ надъ мостомъ тихо плескалось полотнище съ надписью въ честь прибытія въ Мустафа-пашу царя Фердинанда:

— „Добре дошелъ, Царь-Освободитель!“

На узкомъ каменномъ мосту аробные транспорты цѣплялись колесами за лафеты артиллерійскихъ орудій,

перевозимыхъ на ту сторону рѣки; дружины съ музыкой вступали на мостъ, и звуки марша смѣшивались въ общую разноголосицу съ криками погонщиковъ, ржаніемъ коней и скрипомъ неуклюжихъ немазаныхъ колесъ.

Насъ прижали къ каменному парапету.

Глубоко внизу бурлили мутныя, желтоватыя воды Марицы, омывая десятокъ громадныхъ камней, оторванныхъ взрывомъ динамитнаго патрона.

Но поврежденіе оказалось несущественнымъ, и болгарамъ удалось быстро перекрыть провалъ деревяннымъ настиломъ.

За мостомъ, въ большомъ зданіи турецкой каймакаміи, гдѣ помѣщались присутственныя мѣста городка, расквартировался штабъ второй арміи. Во дворѣ пыхтѣлъ автомобиль и ординарцы держали въ поводу лошадей.

Рядомъ, въ бывшемъ домѣ турецкаго городскаго управленія, „Идарэ-и-беледійэ“, расположилось болгарское городское кметство.

Мы отдали своихъ лошадей въ конюшню штабнаго эскадрона и отправились, по указанію даннаго намъ изъ кметства проводника, отыскивать квартиру.

Задача была не изъ легкихъ, потому что турки при очищеніи Мустафа-паши успѣли перебить стекла и выломать двери въ большинствѣ домовъ, а въ уцѣлѣвшихъ квартирахъ расположились чины штаба и новой мѣстной администраціи.

Перейдя мостъ, мы, послѣ недолгихъ розысковъ, избрали себѣ помѣщеніе въ домѣ болгарскаго школьнаго учителя, Тодора Петкова.

„Госпожа“ встрѣтила выпавшихъ ей на долю постояльцевъ весьма ласково и гостепріимно. Ея исхудалое лицо хранило слѣды долгихъ безсонныхъ ночей и выплаканныхъ слезъ.

— У нея турки увели мужа заложникомъ,—сказалъ намъ проводникъ, когда хозяйка вышла изъ комнаты.

— Куда увели?

— Въ Адріанополь, по-нашему Одринъ. Туда, въ Одринъ, погнали цѣлыхъ двѣ тысячи лучшихъ людей— священниковъ, учителей, торговцевъ, какъ только по ту сторону границы, въ свободной Болгаріи, начали готовиться къ войнѣ. Живы ли теперь наши несчастные братья, мы не знаемъ, но если еще живы, то да пошлетъ имъ Господь скорую и безболѣзненную кончину... Всѣ мы оплакиваемъ ихъ, какъ мертвыхъ... Да что—мертвыхъ! Имъ хуже, чѣмъ мертвымъ — ихъ сейчасъ жгутъ факелами, подъ кожу вбиваютъ гвозди, кипяткомъ ошпариваютъ, соленой водою поятъ — мстятъ на нихъ паденіе Лозенграда!

— О, мы знаемъ, что такое турецкій застѣнокъ,— многіе изъ насъ тамъ въ свое время перебывали...

Вечерѣло, и багрово-красный закатъ золотилъ стройные минареты мечетей.

На мосту продолжалось вавилонское столпотвореніе. Старики-ополченцы въ сермягахъ и опанкахъ, со старой берданкой въ рукахъ, тщетно силились навести порядокъ въ этомъ хаосѣ буйволовъ, арбъ, людей и лошадей.

Въ саду каймакаміи валялись груды мелко исписанныхъ красивымъ „носталикомъ“ офиціальныхъ бумагъ, и легкій вѣтерокъ поднималъ, крутилъ и сносилъ эти донесенія, рапорты, отношенія, предписанія и циркуляры турецкихъ мудировъ и каймакамовъ въ Марицу. Поверхность рѣки порой сплошь покрывалась образчиками турецкой каллиграфіи.

На узкихъ городскихъ улицахъ не уставалъ толпиться народъ, возбужденно привѣтствуя проходящія войска. Многіе похлопывали по стальному тѣлу провозимыя орудія, лаская своихъ защитниковъ.

То тутъ, то тамъ вспыхивало привѣтственное „ура“. Чувствовалось опьяненіе свободой, чувствовалось неудержимое желаніе пѣть, кричать, шумѣть во всю;

всего только недѣля прошла съ момента вступленія освободителей на землю, порабощенную пятивѣковой неволей...

И толпа, въ которой были и почтенные сѣдобородые старцы, вела себя, какъ выпущенные на свободу школьники, суетясь, волнуясь и ликуя.

Въ лучшей изъ городскихъ мечетей былъ устроенъ складъ интендантскихъ припасовъ, и часовые ходили по устланному цыновками полу каменныхъ сводчатыхъ галлерей.

Ни одного мусульманина не осталось въ Мустафа-пашѣ: всѣ бѣжали съ семьями въ Адріанополь, бросая имущество.

Страшны были не болгарскія войска, дисциплинированныя и проникнутыя гуманнымъ чувствомъ къ побѣжденному врагу—страшна была месть освожденнаго отъ пятивѣкового кошмара многострадальнаго населенія.

На окраинѣ города живыми свидѣтелями поспѣшнаго бѣгства турокъ изъ Мустафа-паши оставались брошенные зарядные ящики и патронныя двуколки.

Цѣлый казарменный городокъ былъ распланированъ на высотахъ лѣваго берега Марицы. Стекла были выбиты, но бараки цѣлы. Къ ихъ дезинфекціи и ремонту уже приступали.

Нарядное офицерское собраніе — въ Мустафа-пашѣ еще въ мирное время была расквартирована кавалерійская бригада и два пѣхотныхъ полка съ артиллеріей—стояло нетронутымъ.

Когда болгары вступили въ Мустафа-пашу, на дверяхъ собранія была найдена приколотая кнопками записка, написанная по-французски:

— Оставляемъ вамъ наше собраніе и просимъ имъ временно пользоваться, пока мы не вернемся изъ Адріанополя и не пригласимъ васъ слѣдовать за нами въ Стамбулъ, въ качествѣ военно-плѣнныхъ.

Съ почтеніемъ майоръ Фуадъ-бей.

Майоръ Фуадъ-бей демонстрировалъ свое остроуміе совершенно напрасно; вмѣсто потери драгоцѣннаго времени на писаніе записки, ему болѣе приличествовало наблюсти за подрывными работами на мосту черезъ Марицу, гдѣ невѣжественные саперы, на счастье болгаръ, не сумѣли заложить динамитные патроны, и изъ четырехъ взорвался только одинъ.

VII.

Подъ Адріанополемъ.—Военная авіація въ болгарской арміи.

На разсвѣтѣ намъ подали коней. Надо было воспользоваться пребываніемъ въ Мустафа-пашѣ, чтобы познакомиться съ обложеніемъ Адріанополя.

Поѣздка наша держалась въ строгой тайнѣ отъ завистливыхъ „коллегъ“, обреченныхъ на безвыѣздное сидѣнье въ городѣ, и штаба второй арміи, который не одобрилъ бы такого ослушанія его категорической инструкціи.

Морозное утро. Затянувшіяся тонкою корочкой льда лужицы похрустываютъ подъ копытами весело фыркающихъ, отдохнувшихъ за ночь коней.

Пока мы пробираемся по узкимъ закоулкамъ городского предмѣстья, вдали тяжело бухаютъ удары осадныхъ орудій. Началась обычная дуэль батарей обложенія и осажденной крѣпости.

Эти глухіе удары дѣйствуютъ не только на наши нервы, но и на коней, прислушивающихся къ разгорающейся перестрѣлкѣ. Скорѣе впередъ, къ боевой линіи, отъ которой насъ отдѣляютъ еще почти двадцать верстъ грязныхъ проселочныхъ дорогъ!

Широкой рысью мы проходимъ по правому берегу Марицы, обгоняя санитарный транспортъ „Краснаго Креста“, медленно тянущійся на понурившихъ голову буйволахъ, минуемъ селеніе Черменъ съ двумя харак-

терными для каждаго мусульманскаго мѣстечка минаретами, острыми иглами, впивающимися въ небо, и продолжаемъ шлепать по жидкому мѣсиву хлопающей подъ копытами грязи, вдоль линіи желѣзной дороги, охраняемой ополченцами и служащей для доставки различныхъ припасовъ,—до Кадикіоя, послѣдней станціи передъ Адріанополемъ.

Въ Кадикіоѣ уже близко слышна перестрѣлка; къ артиллерійскому огню примѣшивается ружейная трескотня, и иногда рѣзко врывается назойливое татаканье пулеметовъ.

Высокій перевалъ еще скрываетъ Адріанопольскую долину, но бой чувствуется,—онъ близокъ; вотъ перевязочный пунктъ въ одной изъ лощинъ, вблизи ручейка, вотъ расположенные въ укрытой отъ обстрѣла котловинѣ батальоны резерва...

Скорѣе—на перевалъ! Но измученные кони неровно дышатъ, взбираясь на крутой подъемъ и безсильно спотыкаются на завалившихъ дорогу камняхъ.

Нетерпѣніе наше растетъ съ каждой минутой, и, какъ бы въ отвѣтъ на него, все ближе и ближе раздаются орудійные выстрѣлы, а надъ хребтомъ, отдѣляющимъ насъ отъ осадныхъ батарей, уже бѣлѣютъ въ безоблачной синевѣ красивые дымки разрывовъ посланныхъ навстрѣчу адріанопольскими батареями шрапнелей...

Но еще нѣсколько минутъ, и мы на перевалѣ.

Впереди и вокругъ—чарующая панорама: слѣва широкая долина Марицы, окаймленная зелеными садами и полями; желтѣютъ пески рѣчныхъ острововъ, бѣлой ниткой тянется шоссе; справа, верстахъ въ шести, серебрится Арда, а впереди, при сліяніи ея и Марицы, въ сизой дымкѣ еще не разошедшагося утренняго тумана неясно видны даже въ сильный призматическій бинокль смутныя очертанія четырехъ минаретовъ мечети султана Селима, главной мечети Адріанополя.

Въ рощицѣ, неподалеку отъ насъ, расположился артиллерійскій паркъ. Впереди, верстахъ въ двухъ-трехъ, высокій курганъ, опоясанный редутомъ, и на немъ наблюдательный пунктъ.

Еще четверть часа, и мы, оставивъ коней на попеченіе ординарцевъ, поднимаемся на курганъ. Жалобно посвистываютъ на излетѣ рѣдкія пули, мягко шлепающіяся въ размытую дождемъ землю.

Насъ радушно встрѣчаетъ командиръ третьей бригады восьмой Тунджанской дивизіи, занимающей участокъ между рѣками Марицей и Ардой, начальникъ его штаба, молодой майоръ, и командиръ 51 пѣхотнаго полка,—всѣ превосходно говорятъ по-русски.

Рядомъ, въ окопѣ,—телефонъ, связывающій всѣ отдѣльныя части между собою, а на курганѣ, у подзорной трубы,—наблюдатель.

Съ этой высоты прекрасно видна долина Марицы съ покинутымъ турками еще два дня тому назадъ Юрушемъ, виноградниками, окружающими Адріанополь, и селеніемъ Марашъ, гдѣ расположены западныя турецкія оборонительныя позиціи.

На горизонтѣ видны адріанопольскіе минареты, цѣлое море черепичныхъ кровель и стройные ряды пирамидальныхъ тополей. Правѣе, по хребту, расположены крѣпостныя батареи, окутанныя медленно расползающимися облачками шрапнельныхъ разрывовъ.

Далеко за Марицей поднимается къ небу густая струя дыма—горитъ село, подожженное отступающими турками; на высотахъ повсюду, куда ни обратится взглядъ, видны осадныя батареи, окружающія Адріанополь неразрывнымъ кольцомъ.

Расположенный въ долинѣ городъ оцѣпленъ со всѣхъ сторонъ болгарскими войсками, захватившими командующія надъ нимъ высоты, несмотря на упорное сопротивленіе турокъ; подъ стремительнымъ натискомъ не разъ атаковавшей въ штыки болгарской пѣхоты

адріанопольскій гарнизонъ былъ вынужденъ пядь за пядью уступать свои передовыя позиціи.

Пока любезный полковой командиръ указываетъ мнѣ расположеніе войскъ и батарей на своемъ участкѣ, изъ сосѣдняго окопа выходитъ молодой поручикъ, лѣвой рукою придерживая забинтованную правую руку.

— Я сейчасъ вернусь, господинъ полковникъ,— словно извиняясь въ чемъ-то, говоритъ офицеръ, поровнявшись съ нами.

— Чѣмъ тебя ранили?

— Шрапнельной пулей. Пустяки. Пусть только докторъ посмотритъ, цѣла ли кость.

— Ну, иди съ Богомъ,—и полковникъ поцѣловалъ его въ лобъ.—Поздравляю съ первой раной, боевымъ крещеніемъ.

— Это мой племянникъ,— обернулся къ намъ командиръ полка.

Огонь крѣпостной артиллеріи замѣтно усилился, и дымки разрывовъ стали приближаться къ кургану.

— Нащупываютъ наши резервы,—сойдите, пока-что, въ окопъ, господа.

Но въ отвѣтъ на турецкіе снаряды загремѣли батареи обложенія, и скоро надъ холмами, прилегающими къ Адріанополю, стали сливаться въ одно сплошное облако дымки разрывовъ.

Привязной аэростатъ, высоко поднявшійся въ воздухѣ, по телефону корректировалъ стрѣльбу осадныхъ батарей.

— Наши продвигаются двумя направленіями — по долинѣ Марицы къ Марашу и по долинѣ Арды. Сегодня турки пытались сдѣлать вылазку, но были отбиты, и врядъ ли скоро снова сунутся.

Несмотря на сильный орудійный огонь, ясно стало слышно характерное жужжанье пропеллера, такъ врѣзавшееся мнѣ въ память за время пребыванія въ Три-

поли. Я сталъ невольно всматриваться въ небо, отыскивая еле замѣтную точку—аэропланъ.

— Вотъ онъ—типа Фармана,—указалъ майоръ на приближавшійся отъ Адріанополя бипланъ. — У насъ ихъ теперь есть достаточное количество, больше десятка,—пригодятся и для развѣдки и для бомбардированія фортовъ.

Пробывъ еще съ полчаса на редутѣ, мы сѣли на коней и проѣхали укрытой отъ обстрѣла лощиной къ одной изъ осадныхъ батарей, методично посылавшей свои тяжелые гостинцы турецкимъ фортамъ.

На пути наше вниманіе привлекъ пѣхотный солдатъ, раненый въ голову и бодро шедшій безъ всякой посторонней помощи на перевязочный пунктъ. Изъ-подъ бинта, обвязывавшаго его голову, капала кровь.

Поровнявшись съ нами, раненый, подтянулся и лихо, видимо, щеголяя своей выправкой, отдалъ честь.

Въ этомъ дѣлѣ мнѣ пришлось впервые увидѣть болгарскаго солдата въ боевой обстановкѣ. Съ той поры я видѣлъ его неоднократно безропотно умирающимъ на позиціи или въ полевомъ госпиталѣ, молчаливо переносящимъ адскую пытку перевозки на тряскихъ телѣгахъ по грязнымъ, изрытымъ колеями проселкамъ, или терпѣливо бредущимъ съ раздробленной ногой цѣлыхъ четыре версты до перевязочнаго пункта.

Но первое впечатлѣніе всегда остается сильнѣе остальныхъ, и мнѣ никогда не забыть полнаго героической простоты отвѣта встрѣченнаго мною недалеко отъ редута раненаго въ ногу, невзрачнаго пѣхотнаго солдатика:

— Почему меня не несутъ на носилкахъ? Я и такъ дойду. Стоитъ ли ради меня двухъ человѣкъ вызывать изъ строя!—и, истомленный усталостью и болью, страдалецъ ложится передохнуть на грязную землю, снова

встаетъ и молчаливо прыгаетъ дальше, опираясь на винтовку...

Въ лощинѣ, между курганомъ и батареей, очевидно, находился раньше турецкій бивакъ; застала ли бивакировавшія на немъ войска врасплохъ ночная атака болгарской пѣхоты,—не знаю, но только весь изрытый палаточными окопами четыреугольникъ былъ усѣянъ красными фесками, брошенными обоймами съ неразстрѣлянными патронами и разнымъ мелкимъ мусоромъ.

Несомнѣнно, что тутъ были оставлены въ охватившей турокъ паникѣ палатки, снаряженіе и оружіе, но эти трофеи были подобраны войсками.

Оставивъ коней у зарядныхъ ящиковъ, мы поднялись на позицію гаубичной батареи, обстрѣливавшей западные форты Адріанополя и передовыя позиціи турокъ.

Въ маленькомъ окопѣ, шагахъ въ трехстахъ впереди и правѣе орудій, находился командиръ батареи, наблюдатель-офицеръ и ординарецъ. Съ этого пункта ясно было видно, какъ турецкіе снаряды рвались надъ залегшими на хребтѣ впереди насъ стрѣлковыми цѣпями; иногда гранаты или поставленныя на ударъ шрапнели подымали цѣлые столбы темнобурой пыли.

Прекрасно окопавшіяся и укрытыя въ складкахъ мѣстности роты почти не несли потерь отъ артиллерійскаго огня; наоборотъ, туркамъ, очевидно, приходилось туго, потому что около полудня стало видно, что ихъ передовыя части отступаютъ по всему фронту; красныя фески начали оттягиваться къ Марашу, подъ прикрытіе огня своей артиллеріи.

Но съ батареи не было видно праваго фланга боевого участка, на которомъ мы находились; рѣка Арда была скрыта сосѣднимъ хребтомъ, параллельнымъ ея теченію.

Еще версты двѣ вправо, и мы спѣшиваемся на высотѣ, занятой штабомъ правофланговой бригады той

же восьмой дивизіи. Тотъ же любезный пріемъ встрѣчаетъ насъ и здѣсь.

Пока начальникъ штаба указываетъ по картѣ отчетливо видимыя въ бинокль турецкія батареи, совершенно открыто поставленныя на противоположной высотѣ, по телефону приходитъ донесеніе, что двумя ротами, наступавшими по лѣвому берегу Арды, турки выбиты изъ селенія Эпчели.

Командиръ полка посылаетъ приказаніе занять и приспособить для обороны эту деревню, а командирамъ ротъ объявляетъ благодарность.

За широко разлившейся Ардой, вблизи самаго Адріанополя, горитъ, какъ костеръ, село Черекіой, подожженное, по всей вѣроятности, попавшей въ сарай съ сѣномъ гранатой.

По извилистой дорогѣ подтягиваются три или четыре новоприбывшія батареи; командиры ихъ являются къ начальнику участка за приказаніями и общей оріентировкой. Перестрѣлка постепенно затихаетъ, — очевидно, турки убѣдились въ безрезультатности своихъ усилій, и отошли подъ прикрытіе крѣпостныхъ батарей; пора и намъ возвращаться за двадцать верстъ назадъ, въ Мустафа-пашу, иначе насъ застанетъ непріятная темнота и холодная ночь.

Кратчайшій путь — шоссе — лежитъ на лѣвомъ берегу Марицы.

Подъѣзжаемъ къ опустѣвшему селенію, спускаемся къ берегу рѣки и подъ аккомпанементъ посвистывающихъ пуль ищемъ брода. Лошади упираются, не желая входить въ холодную воду. Наконецъ мы находимъ болѣе мелкое мѣсто и благополучно переходимъ широко разлившуюся Марицу.

Еще три часа ѣзды перемѣннымъ аллюромъ,—и по неимовѣрно плохой мостовой турецкаго городка, сложенной изъ кое-какъ брошенныхъ булыжниковъ, мы добираемся до каменнаго моста и нашей квартиры.

Адріанополь, старинный городъ Византійской имперіи, получившій имя отъ императора Адріана, лежитъ при сліяніи рѣкъ Марицы, Тунджи и Арды, запирая всѣ главныя сухопутныя сообщенія между Балканами и Босфоромъ, Мраморнымъ моремъ и Дарданеллами.

Черезъ этотъ узелъ путей проходитъ также и наиболѣе важная въ стратегическомъ отношеніи желѣзнодорожная линія Софія—Константинополь.

Въ силу своего крупнаго административнаго и стратегическаго значенія, Адріанополь былъ заботливо укрѣпленъ еще въ глубокой древности. Въ 1361 году Адріанополь былъ взятъ войсками турецкаго султана Мурада I и служилъ первой столицей османовъ-завоевателей на европейскомъ берегу, до завоеванія Константинополя.

Въ русской военной исторіи Адріанополь встрѣчается два раза: въ 1829 году онъ сдался безъ боя графу Дибичу, послѣ чего въ немъ былъ заключенъ Адріанопольскій трактатъ (2 сент. 1829 г.), отдавшій Россіи Анапу, Ахалцихъ и Ахалкалаки, освободившій Румынію, Грецію и Сербію и открывшій проливы—Босфоръ и Дарданеллы—для русскаго флота, и вторично—въ 1878 году, когда онъ былъ занятъ 8 января кавалерійской бригадой генерала Струкова.

Укрѣпленія Адріанополя продолжали въ послѣднее время совершенствоваться по указаніямъ германскихъ инструкторовъ

Поясъ изъ тридцати долговременныхъ фортовъ и батарей окружилъ городъ радіусомъ отъ трехъ до девяти километровъ; общій периметръ укрѣпленной линіи равенъ 40—45 верстамъ.

Часть фортовъ передѣлана изъ старыхъ редутовъ, но значительная часть сооружена въ позднѣйшее время и вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ современной военной науки.

Между фортами и батареями проведены укрытые

ходы сообщенія, впередъ выдвинуты редуты и стрѣлковые окопы; всѣ укрѣпленія снабжены проволочными загражденіями, въ нѣкоторыхъ устроены капониры для обстрѣла рвовъ; орудія установлены укрыто, казармы и погреба казематированы и перекрыты бетономъ.

Всѣ отдѣльныя укрѣпленія связаны телефономъ, а штабъ крѣпости — безпроволочнымъ телеграфомъ непосредственно съ Константинополемъ.

На вооруженіи крѣпости состояло до 250 орудій различнаго типа, и въ мирное еще время былъ расквартированъ штабъ и большинство частей четвертаго пѣхотнаго корпуса, общей численностью до 25,000 человѣкъ.

Наиболѣе сильно былъ укрѣпленъ сѣверо-восточный фронтъ крѣпости, у Арнаутъ-Кіоя, и наименѣе сильно — юго-западный секторъ обороны между рѣками Марицей и Ардой.

Но вся крѣпость Адріанополь имѣетъ одинъ важнѣйшій недостатокъ — она расположена въ котловинѣ при сліяніи трехъ рѣкъ, и превосходно наблюдается, а форты ея обстрѣливаются съ окружающихъ Адріанополь высотъ, почти безъ сопротивленія занятыхъ болгарами еще 10 октября.

Объявленіе войны застало Адріанополь врасплохъ, и запасы не были дополнены до требуемой по разсчетамъ нормы.

Кромѣ того, мирное населеніе въ 40,000 внезапно было вдвое увеличено окрестными мусульманами, спасавшимися въ крѣпость передъ приближеніемъ болгарскихъ войскъ.

Эти 80,000 голодныхъ ртовъ явились страшной обузой для гарнизона въ 25,000 штыковъ *), и комендантъ Адріанополя, Шукри-паша, дважды присылалъ

*) По нѣкот. источникамъ, до 35,000, не считая 40 (?) эскадроновъ бѣжавшей въ Адріанополь во время Лозенградскаго разгрома конницы.

парламентеровъ къ командующему второй арміей, генералу Иванову, прося разрѣшенія выпустить мирное населеніе.

Оба раза эта просьба встрѣчала категорическій отказъ, потому что не въ интересахъ болгарскихъ войскъ было усиливать обороноспособность крѣпости.

По донесеніямъ дезертировъ, энергичный комендантъ уже съ перваго дня обложенія реквизировалъ всѣ наличные запасы продовольствія у населенія, но все-же ему пришлось постепенно уменьшать суточную выдачу хлѣба и мяса гарнизону, и съ начала января войска стали продовольствоваться смѣшаннымъ изъ разныхъ сортовъ муки хлѣбомъ, по $^1/_3$ килограмма въ сутки на человѣка.

На четвертый день обложенія болгарамъ удалось перервать водопроводъ, снабжавшій городъ питьевой водой; гарнизону и населенію осталось пользоваться мутными и нездоровыми водами Марицы и Тунджи.

11-я и 8-я турецкія пѣхотныя дивизіи дважды пытались прорвать линію обложенія, къ 15-му октября оковавшую Адріанополь сплошнымъ кольцомъ, — но обѣ вылазки—на сѣверо-восточномъ и юго-западномъ фронтѣ—были съ большими для турокъ потерями отбиты.

Послѣ этихъ неудачныхъ вылазокъ турки ограничились пассивной обороной, и на адріанопольскомъ фронтѣ наступило затишье.

Лишь однажды, по личному приказанію генерала Саввова, несмотря на всѣ доводы командующаго арміей, генерала Иванова, и начальника сѣверовосточнаго сектора обложенія, генерала Вельчева, одиннадцатой (сформиров. во время войны) дивизіи было приказано штурмовать турецкіе редуты близъ Арнаутъ-кіоя.

Неудачная попытка прорвать линію обороны на самомъ сильномъ ея участкѣ обошлась дивизіи Вельчева въ 3,000 убитыхъ и раненыхъ.

И снова на адріанопольскомъ фронтѣ по цѣлымъ недѣлямъ ни та ни другая сторона не производила ни одного выстрѣла.

Иногда только одной изъ шести четырехъ-орудійныхъ осадныхъ батарей, поставленныхъ на высотахъ въ секторѣ между Марицей и Тунджей, отдавалось приказаніе пострѣлять по Адріанополю, и батареи выпускали по 5—6 снарядовъ на орудіе.

Одной изъ этихъ батарей командовалъ, какъ мнѣ передавали, русской службы штабсъ-капитанъ Муромцевъ, вышедшій въ запасъ арміи на время балканской войны.

Понемногу болгары начали оттягивать изъ-подъ Адріанополя свои третью и девятую полевыя дивизіи и замѣнять ихъ двумя дивизіями сербской арміи второго призыва и новосформированной изъ ополченцевъ и запасныхъ одиннадцатой дивизіей генерала Вельчева.

Въ концѣ перваго періода кампаніи роль Адріанополя сводилась къ тому, что крѣпость приковывала къ себѣ до 60,000 союзныхъ войскъ, преимущественно второй очереди, преграждая кратчайшій путь подвоза продовольствія и артиллерійскихъ припасовъ къ оперирующимъ подъ Чаталджей войскамъ.

Во время перемирія болгарамъ было разрѣшено, въ силу особаго соглашенія, провозить черезъ Адріанополь поѣзда съ интендантскими запасами и продовольствіемъ.

Эти поѣзда — случай, не имѣющій прецедента въ военной исторіи — пропускались черезъ осажденную крѣпость подъ охраной гарнизона, истомленнаго голодовкой, но не помышлявшаго о разграбленіи находящихся въ его полной власти непріятельскихъ транспортовъ.

На общемъ печальномъ фонѣ турецкой военной несостоятельности тѣмъ рѣзче выдѣляется прекрасное

поведеніе войскъ доблестнаго Шукри-паши, поставленныхъ въ особо неблагопріятныя условія.

Германскіе офицеры, несомнѣнно, находились въ Адріанополѣ. Одинъ молодой лейтенантъ даже найденъ былъ убитымъ въ бою при селеніи Марашъ, одѣтымъ въ форму германской пулеметной команды, — но они также состояли и при восточной арміи Абдуллаха-паши, а, между тѣмъ, не предотвратили ея двукратнаго разгрома.

Доблесть адріанопольскаго гарнизона какъ нельзя болѣе подчеркиваетъ способность турокъ энергично обороняться на укрѣпленныхъ позиціяхъ (Измаилъ, Карсъ, Плевна) и свидѣтельствуетъ, что оттоманскій солдатъ самъ по-себѣ еще далеко не утратилъ боевыхъ качествъ, завѣщанныхъ ему предками.

Но онъ нуждается въ умѣломъ руководствѣ, — и тамъ, гдѣ оно существуетъ, въ Адріанополѣ, Скутари и Янинѣ, турецкія войска еще заставляютъ вспоминать о прежнихъ боевыхъ подвигахъ.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Мустафа-паши намъ пришлось встрѣтиться въ одномъ изъ маленькихъ ресторановъ, выросшихъ, какъ грибы послѣ дождя, на первой же недѣлѣ по вступленіи болгаръ въ Мустафу, съ группой русскихъ авіаторовъ, добровольно вступившихъ на болгарскую военную службу.

Какихъ только надеждъ на успѣхъ своего рода оружія не было у этихъ фанатиковъ авіаціи!

— Адріанополь падетъ отъ бомбъ, которыми мы засыпемъ городъ и крѣпость. Тутъ уже дюжина аппаратовъ — Фарманъ, Блеріо, Альбатросъ, — русскихъ летчиковъ больше половины — Ефимовъ, Орловъ изъ Москвы, Ивановъ изъ Одессы и другіе.

— Мы можемъ каждый по десятку бомбъ въ одинъ полетъ выбросить, да раза три слетать въ складъ, въ Мустафу, за новымъ запасомъ.

— Представьте себѣ панику, если мы будемъ по 300 бомбъ въ день бросать въ городѣ и крѣпости!

— Уже и теперь всѣ разбѣгаются по домамъ, а войска прячутся, какъ услышатъ пропеллеръ!

Время развѣяло эти мечтанія, какъ дымъ...

Послѣ нѣсколькихъ блестящихъ полетовъ, должны были покинуть болгарскую армію „по независящимъ обстоятельствамъ“ Т. Ефимовъ и М. Лерхе, съ которыми болгары не пожелали подписать соглашенія.

Болгарскіе офицеры, не давая остальнымъ русскимъ летчикамъ работать изъ чувства профессіональной конкуренціи, что вызвало отъѣздъ большинства русскихъ авіаторовъ въ первомъ же періодѣ войны, стали самостоятельно пробовать заграничные аэропланы. Но, въ силу ихъ недостаточной опытности, въ самое короткое время были разбиты три „Альбатроса“ и „Бристоль“ (всѣ фармановскаго типа). Рядъ этихъ неудачъ закончился тяжелой катастрофой: поручикъ Таракчи, упавъ съ аэропланомъ Блеріо въ Мустафа-пашѣ, заживо сгорѣлъ при взрывѣ бензина.

Къ концу перваго періода войны, кромѣ шести исправныхъ аэроплановъ, были въ распоряженіи болгарской арміи еще девять двумѣстныхъ моноплановъ Блеріо, присланныхъ изъ Россіи, но послѣдніе, въ силу своего неисправнаго состоянія, для полетовъ не годились, и потому пребывали даже безъ укрытія и надзора.

По этому поводу слѣдуетъ упомянуть, что, при содѣйствіи небезызвѣстнаго русскаго авіатора А. А. Васильева, въ Болгарію и Сербію были доставлены никуда негодные аппараты, словно разные русскіе предприниматели старались сплавить туда свое авіаціонное хламье.

Были посланы 2 одноплана „Блеріо“, которые не могли летать; 2 трехмѣстныхъ аэроплана и 5 старыхъ „Блеріо“ безъ двигателей, безъ крыльевъ; далѣе были

куплены у насъ 5 „Фармановъ“, и за нихъ заплачено 250,000 франковъ, въ то время какъ самая большая цѣна имъ 125,000 франковъ.

Тѣмъ не менѣе, болгарскіе летчики поднимались, съ грѣхомъ пополамъ, въ хорошую погоду, кружили надъ Адріанополемъ, бросали не взрывавшіяся бомбы собственнаго издѣлія и прокламаціи къ населенію и войскамъ, особаго эффекта не производя, и, послѣ того какъ три пули попали въ крылья аппарата Т. Ефимова, держались на высотѣ не ниже полутора верстъ.

Русскій летчикъ Покровскій, офицеръ запаса, горько печаловался намъ (уже на обратномъ пути черезъ Мустафа-пашу въ Россію), что болгары словно умышленно затрудняли работу русскихъ летчиковъ, препятствуя ихъ полетамъ и назначая для нихъ туманные и бурные дни; ничего не было подготовлено: бомбы не взрывались, запасныхъ частей для двигателей не было, во главѣ всего авіаціоннаго дѣла стоялъ совершенно незнакомый съ авіаціей военный инженеръ...

Не было, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что аэропланы не принимали никакого участія въ дѣйствіяхъ полевыхъ армій, гдѣ они были особенно нужны.

Съ колоссальнымъ опозданіемъ Главная квартира наконецъ рѣшила исполнить настойчивое требованіе генерала Радко Димитріева, и выслала ему, уже въ періодъ боевъ подъ Чаталджей, четыре аппарата.

Въ распоряженіе командующихъ третьей и первой арміями эти аппараты, послѣ ряда злоключеній въ пути, прибыли уже послѣ заключенія перемирія...

VIII.

На воздушномъ шарѣ.—Къ Лозенграду.

Теплый солнечный полдень 18-го октября.

Вдали, за виноградниками, широко разбросавшимися по безчисленнымъ островамъ Марицы, смутно видны тонкія иглы минаретовъ адріанопольскихъ мечетей. Крѣпость молчитъ, — молчатъ и батареи обложенія, неразрывнымъ кольцомъ опоясавшія осажденный городъ.

Не слышно ни звука, ни шелеста листьевъ въ пожелтѣвшихъ дубовыхъ рощахъ по обѣ стороны ведущаго къ Адріанополю шоссе. Только копыта моего коня выбиваютъ дробь по отлично укатанному твердому грунту.

Я тороплюсь,—надо догнать далеко ушедшихъ впередъ товарищей по путешествію, еще въ девять часовъ утра выѣхавшихъ изъ Мустафа-паши. Иначе, по милости цензора, цѣлыхъ три часа читавшаго мои телеграммы и письма, придется ночевать въ чистомъ полѣ—перспектива совсѣмъ не изъ пріятныхъ.

Кажется, что я ѣду по мирной странѣ, — такъ обманчиво тихо вокругъ. Но каждую минуту могутъ снова заговорить крѣпостныя и осадныя орудія, скрытно подберутся вдоль виноградниковъ красныя фески, и на передовыхъ позиціяхъ вспыхнетъ упорная перестрѣлка. Недаромъ за притаившимся противникомъ непрерывно

наблюдаетъ высоко поднявшійся въ воздухѣ привязной аэростатъ.

— А что, если я попрошу разрѣшенія подняться на этомъ пузырѣ и посмотрѣть съ птичьяго полета на Адріанополь?

Но тотчасъ же эта заманчивая идея вытѣсняется весьма пессимистическимъ соображеніемъ:

— Не позволятъ ни въ какомъ случаѣ. И просить не стоитъ.

Однако, пора сворачивать влѣво, къ сѣверу, въ объѣздъ передовыхъ позицій, окружающихъ городъ и выдвинутые далеко впередъ его пока-что безмолвные форты и батареи.

Прекрасное шоссе смѣняется отвратительной грязной тропой, изрытой глубокими колеями, — слѣдами провезенныхъ по пахоти на десяткахъ буйволовъ тяжелыхъ дальнобойныхъ орудій. Достаю изъ полевой сумки компасъ и рѣшаю покинуть извилистую дорогу. Надо держать направленіе прямо на сѣверо-востокъ.

Перевалъ за переваломъ—скользкіе, вязкіе, утомительные. Въѣзжаю на одинъ изъ холмовъ, чтобы хоть какъ-нибудь оріентироваться на крайне пересѣченной мѣстности, и, къ моему искреннему удивленію, внезапно вижу шагахъ въ трехстахъ внизу, въ лощинѣ, спустившійся къ землѣ сферическій аэростатъ.

Человѣкъ сорокъ солдатъ удерживаютъ его на лямкахъ, не безъ комфорта расположившись на зеленой полянѣ; неподалеку привязанъ къ вбитымъ въ землю кольямъ запасный газгольдеръ, стоитъ двуколка, и около нея два офицера просматриваютъ на свѣтъ только что изготовленные негативы.

Спускаюсь съ холма, подъѣзжаю и спѣшиваюсь. Мою лошадь принимаетъ одинъ изъ солдатъ.

— Капитанъ Казанджіевъ,—называетъ себя старшій изъ офицеровъ.—Добро пожаловать, русскій товарищъ. Это — мой помощникъ, фотографъ по спеціальности.

— Ну, какъ вы сюда добрались?

Разсказываю милѣйшему капитану, окончившему русскую воздухоплавательную школу, всѣ перипетіи моего путешествія и съ восторгомъ принимаю его предложеніе—подняться съ нимъ на шарѣ.

— А я васъ объ этомъ не рѣшался и просить.

— Пустяки. Для русскаго офицера—очень радъ.

Подсаживаемый солдатами, перелѣзаю черезъ высокій бортъ корзины и усаживаюсь на скамейкѣ; весь полъ корзины заваленъ мѣшками съ пескомъ.

Капитанъ очищаетъ себѣ мѣсто и выбрасываетъ половину балласта.

— На пояса! Приготовься къ подъему!

Корзина тихо отдѣляется отъ земли.

— Отдавай!

Ни малѣйшаго толчка. Плавно, медленно шаръ поднимается надъ лощиной. Я смотрю на часы — безъ четверти два.

Земля понемногу опускается подъ нами куда-то внизъ, а шаръ словно стоитъ на мѣстѣ. Вотъ приплюснулся первый перевалъ, и открылась долина съ разбросанными по ней биваками и коновязями, вотъ мало-по-малу сгладились очертанія окрестныхъ холмовъ, блеснули на солнцѣ воды Марицы, испещренныя желтыми отмелями, еще нѣсколько минутъ — и узкая, извилистая лента рѣки Тунджи связалась съ Марицей, а справа засеребрилась полноводная Арда.

Муравьями закопошились внизу карикатурно-маленькіе пигмеи, стараясь удержать на лямкахъ блокъ каната, привязаннаго къ лебедкѣ; какъ на чертежѣ, въ правильной проекціи, стали видны сверху брошенные турками редуты и прекрасно примѣненныя къ мѣстности, искусно маскированныя батареи обложенія.

Въ шести-семи верстахъ впереди окруженный зеленой сѣтью виноградниковъ, Адріанополь занялъ всю долину при сліяніи Тунджи и Марицы.

Невооруженнымъ глазомъ отчетливо можно было разобраться въ морѣ багряно-красныхъ черепичныхъ кровель, бѣлоснѣжныхъ минаретовъ и вдвинувшихся въ узкіе и кривые городскіе переулки тяжелыхъ куполовъ мечетей, сверху похожихъ на щиты гигантскихъ черепахъ. И надъ всѣмъ этимъ хаосомъ горделиво царили выложенные бирюзовымъ фаянсомъ стройные минареты джаміи султана Селима...

Очаровательная панорама и глубокое безмолвіе словно отдыхающихъ отъ трехдневной перестрѣлки батарей невольно заставляли забыть о войнѣ, и только предложенный капитаномъ бинокль напомнилъ мнѣ о настоящей цѣли подъема надъ осажденнымъ Адріанополемъ.

Съ высоты въ 300 метровъ ясно были видны передовыя позиціи турокъ, форты Айналы, Хедерлыкъ и разбросанныя между ними батареи и редуты западнаго фронта.

Капитанъ извлекъ изъ придѣланнаго къ корзинѣ кармана подробную карту Адріанополя, съ масштабомъ около двухсотъ саженъ въ дюймѣ, раздѣленную на квадраты.

— Эту детальную карту, съ нанесенными на ней точнѣйшимъ образомъ укрѣпленіями и даже указаніемъ числа орудій на батареяхъ нашему военному вѣдомству продалъ одинъ изъ бывшихъ въ Адріанополѣ иностранныхъ инструкторовъ.

— По ней мы корректируемъ стрѣльбу и указываемъ цѣли для осадныхъ батарей. Стоитъ увидѣть сверху выгодную цѣль—колонну на походѣ, открыто стоящую батарею, случайно обнаружить резервы—и я по телефону передаю прямо на батареи:

— Въ квадратѣ В 28—турецкій таборъ. И тотчасъ на этотъ квадратъ розданной всѣмъ батареямъ карты направляется сосредоточенный огонь, буквально засыпающій снарядами всю площадь квадрата.

Около получаса мы пробыли на высотѣ, и ни одного выстрѣла не было сдѣлано ни съ той ни съ другой стороны.

— Это вамъ не везетъ, — замѣтилъ Казанджіевъ. — Вчера весь день была стрѣльба, стрѣляли и по моему шару, да неудачно. Только одного изъ солдатъ неопасно ранили шрапнельной пулей.

По телефону было отдано приказаніе подтянуть шаръ, и мы стали также плавно спускаться. Черезъ пять-шесть минутъ корзина тихо коснулась земли.

— Сердечно васъ благодарю, — пожалъ я руку капитану.

— Не за что,—отвѣчалъ онъ. — Я—русскій ученикъ, аэростатъ „София“ мною лично построенъ по русскому образцу, онъ даже крытъ лакомъ по рецепту полковника Ю. Н. Германа,—и лакъ оказался настолько хорошъ, что въ теченіе семи сутокъ намъ еще ни разу не пришлось наполнять шара изъ запаснаго газгольдера.

Распрощавшись съ любезнымъ капитаномъ, я поспѣшилъ догонять моихъ спутниковъ.

Только подъ вечеръ, уже въ темнотѣ и ведя спотыкающагося коня въ поводу, мнѣ посчастливилось напасть на ихъ слѣдъ и присоединиться къ нимъ въ полуразрушенномъ турецкомъ домѣ деревни Бююкъ-Измаильча, покинутой бѣжавшимъ въ Адріанополь мусульманскимъ населеніемъ, расположенной въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мостовой переправы черезъ Тунджу.

Утро девятнадцатаго октября было туманное и ненастное. Шагахъ въ тридцати едва были видны смутныя очертанія домовъ и деревьевъ.

Огромные аробные транспорты, заночевавшіе у Бююкъ-Измаильча, преграждали дорогу.

Въ туманѣ глухо раздавались удары осадныхъ орудій.

Нѣсколько часовъ возились мы въ густой мглѣ, отыскивая переправу черезъ Тунджу. Двуколка вязла въ размытой пахоти и трясинахъ болотистыхъ ручейковъ, ежеминутно задерживая движеніе.

Дороги или отсутствовали вовсе, или нами были безнадежно потеряны; приходилось идти по компасу, рискуя, вмѣсто переправы, попасть на турецкіе аванпосты.

Наконецъ передъ нами въ туманѣ выросла какая-то масса людей и лошадей.

— Кто тутъ стоитъ?

— Батарейный резервъ шестой осадной батареи. Куда васъ къ Адріанополю несетъ?

— Намъ на переправу надо.

— Мосты какъ разъ въ другую сторону. Вамъ придется, господа, ѣхать обратно,—подошелъ офицеръ.

Мы безнадежно развели руками.

— Гдѣ ихъ найти въ такой туманъ!

— Ничего, я вамъ дамъ проводника.

Черезъ часъ, безцѣльно проплутавъ раньше три часа въ хаосѣ долинъ и хребтовъ праваго берега Тунджи, мы спускались въ красивую рѣчную долину, окаймленную съ одной стороны крутымъ скалистымъ обрывомъ, а съ другой—свѣжимъ, сочнымъ пастбищемъ, гдѣ паслось, безъ пастуховъ, тысячи двѣ головъ мелкаго и крупнаго скота.

Туманъ, зло подшутивъ надъ нами, разсѣялся.

Черезъ извилистую ленту мутной Тунджи были перекинуты два деревянные моста.

Мы отпустили проводника, сунувъ пятилевовую серебряную монету въ руку энергично отъ нея отказывавшемуся солдату. У моста насъ остановили часовые.

— Ваши пропуски приготовьте.

— Капитанъ Бояджіевъ — подошелъ къ намъ командиръ понтонной роты, завѣдующій переправой.

— Съ кѣмъ имѣю честь?

Мы представили удостовѣренія, выданныя Главной квартирой.

— Очень пріятно. Пожалуйста, господа—ко мнѣ на бивакъ—черезъ тотъ мостъ вамъ ближе будетъ, да и отдохнете у меня часочекъ.

Версту тянулась дорога вдоль извилинъ Тунджи по сплошному саду оливковыхъ деревьевъ и виноградниковъ.

Къ полудню стало жарко, и послѣдніе хлопья тумана разсѣялись на окружающихъ Тунджу высотахъ. Послѣ часового привала на мельницѣ, облюбованной понтонерами для квартиро-бивака, и весьма недурного обѣда изъ консервовъ и солдатской „чорбы“ съ жареной курицей, мы тронулись въ дальнѣйшій путь, сопровождаемые любезнымъ Бояджіевымъ.

— Хорошо у васъ на мельницѣ, капитанъ! И отлично кормите людей.

— Чего же мнѣ стѣсняться—улыбнулся капитанъ. Вы огороды видѣли?—Мои. Стада барановъ и рогатый скотъ видѣли? Мои. Все мнѣ осталось—когда здѣшнее турецкое населеніе бѣжало въ Адріанополь. Половину расхватали болгары изъ окрестныхъ селъ,—а это наше. Время отъ времени посылаемъ подарки въ сосѣдніе полки,—но и у нихъ скота въ изобиліи. Всѣмъ хватитъ.

Перейдя черезъ рѣку по мосту на козлахъ, дорога стала круто взбираться въ гору.

Повсюду въ деревняхъ расположились войска, и кипѣла жизнь. Стучали топоры на постройкахъ бараковъ и конюшенъ, фыркали и играли лошади, ожидая очереди у водопоя, мѣстныхъ жителей сгоняли командами на уборку турецкихъ труповъ, еще валявшихся то тутъ, то тамъ по сторонамъ дороги.

Въ штабѣ девятой Плевненской дивизіи, стоявшемъ въ Ортакчи, насъ ожидалъ самый радушный пріемъ. Немедленно была отведена лучшая квартира въ домѣ греческаго попа, и едва только мы успѣли устроить

лошадей и разобрать вещи, на терраскѣ поповскаго домика загремѣли тарелки, ножи и вилки.

Цѣлая процессія солдатъ штаба дивизіи явилась съ судками, заключавшими въ себѣ ужинъ изъ трехъ блюдъ—роскошь, отъ которой мы уже давно отвыкли.

Намъ оставалось только воспользоваться гостепріимно-предложеннымъ пиромъ и по окончаніи его отправиться въ штабъ благодарить генерала и офицеровъ.

— А какъ вы доберетесь до Лозенграда? У васъ конвой есть? спросилъ начальникъ дивизіи.

— Нѣтъ,—только двое добровольцевъ.

— Такъ я назначу конныхъ стражниковъ, чтобы довели васъ и двуколку до третьей арміи. А пока—отдыхайте.

Но отдохнуть было затруднительно. До поздней ночи у попа толпился народъ, желавшій взглянуть на русскихъ офицеровъ. Многіе помнили русскихъ еще по 1878 году.

Въ концѣ концовъ мы безъ церемоніи указали гостямъ и хозяину на дверь и возлегли на походныя кровати.

— Завтра еще пятьдесятъ верстъ до Лозенграда—послѣдній переходъ!

— Дай Богъ, чтобы хорошая погода была!

Но утро двадцатаго числа сулило великія испытанія. Ночью разразилась сильнѣйшая гроза, и проливной дождь окончательно размылъ грунтовыя дороги.

При выходѣ изъ Ортакчи наша двуколка завязла въ канавкѣ, и стражники съ цыганомъ-конюхомъ начали дружными усиліями вытаскивать ее изъ цѣпкой трясины.

— Оставайтесь при двуколкѣ. Когда удастся вамъ дойти до Лозенграда, явитесь къ коменданту. Доставите благополучно—по десяти левовъ на брата.

И мы тронулись налегкѣ къ Лозенграду.

Вѣтеръ срывалъ фуражку, несмотря на подбородный ремешекъ; дождь буквально рѣзалъ лицо; окоченѣлыя руки едва держали поводья...

Копыта коней хлюпали по размытой глинѣ, скользя въ ежеминутно встрѣчаемыхъ промоинахъ.

Въ лощинахъ бурлили настоящія рѣчки; кое-гдѣ вода доходила подъ брюхо конямъ, и тѣ боязливо фыркали и упирались.

У селенія Гевгели мы хотѣли остановиться на четверть часа дать отдыхъ измученнымъ невозможной дорогой лошадямъ.

Но во всей деревнѣ не было дома съ цѣлой крышей. Стояли опустѣлыя, полуобгорѣлыя хижины, гдѣ было не лучше, чѣмъ на дворѣ. Бѣжавшіе въ Адріанополь мусульмане подожгли свое село—пусть не достается болгарамъ!

Глубокія колеи обозначали дорогу къ Лозенграду.

По этимъ ужаснымъ путямъ войска третьей и первой армій совершили свои блестящіе форсированные переходы подъ проливнымъ дождемъ, въ пять дней дойдя отъ Ямбола и Стральджи до Лозенграда! И глядя на пахоти, обратившіяся въ сплошныя болота,—я не могъ даже представить себѣ, какъ только что мобилизованныя арміи, на 75% составленныя изъ запасныхъ, вынесли эти пять форсированныхъ сорокаверстныхъ переходовъ, не растаявъ по пути наступленія...

И не только не растаявъ, но на плечахъ пѣхоты вывозя изъ топей всю свою артиллерію и парки—тамъ, гдѣ наши лошади зачастую останавливались посреди грязныхъ лужъ, безнадежно опустивъ головы:

— Лучше тутъ подохнуть, чѣмъ дальше тащиться по этой дорогѣ!

И только послѣ двухъ-трехъ ударовъ шпорами и стекомъ измученныя животныя покорно шли впередъ...

Вереницы аробныхъ транспортовъ запружали дорогу, спускавшуюся въ долину Чениджке. Флегматичные

буйволы медленно перебирали ногами, пережевывая на ходу свою жвачку; завернувшись въ рогожи, дремали подъ дождемъ погонщики...

Оставалось еще верстъ двадцать до Лозенграда.

Въ богатомъ селѣ Іенидже насчитывалось раньше до трехъ тысячъ жителей—цѣлый городокъ, населенный болгарами и греками.

Но отступавшіе турки выместили свою злобу на неповинномъ мирномъ населеніи, перебивъ почти всѣхъ жителей; женщинъ захватили въ плѣнъ...

И на опустѣлыхъ улицахъ только изрѣдка, робко, выглядывала изъ окна чья-нибудь голова и снова пряталась; по улицамъ бродили сразу раздобрѣвшія собаки, скаля зубы на проѣзжающихъ,—и было тихо, какъ на кладбищѣ...

За селомъ—нѣчто неописуемое.

Турки хотѣли, очевидно, строить шоссе, и сверхъ уже существовавшей дороги навалили горы песку, окаймленныя кучами щебня.

Проливные дожди размыли груды заготовленнаго матеріала въ непроходимую топь. Съ трудомъ, шагъ за шагомъ, едва вытаскивая копыта, продвигались наши кони по этому „шоссе".

На окраинѣ Іенидже—первые свѣжіе слѣды разгрома турецкихъ войскъ, разбитыхъ подъ Лозенградомъ.

Перевернутый колесами вверхъ, лежитъ зарядный ящикъ. Шесть лошадей такъ и полегли вокругъ, еще связанныя другъ съ другомъ дышломъ и неразорвавшимися постромками. У одной вырванъ весь бокъ гранатой, лопнувшей посерединѣ запряжки, у другой снесено полъ-черепа...

Вывалились на дорогу новенькіе патроны скорострѣльной артиллеріи—красныя шрапнели и желтыя гранаты.

Дальше—сплошь все поле изрыто окопами и густо

усѣяно людскими и конскими трупами, раскиданными въ самыхъ причудливыхъ позахъ.

Оскаленные зубы рѣзко бѣлѣютъ на смуглыхъ лицахъ арабовъ и сирійцевъ, широко разбросавшихъ руки въ придорожныхъ канавахъ.

Цѣлыя кучи патроновъ валяются на дорогѣ, преграждая путь...

Полный разгромъ такъ и рисуется глазу при видѣ этой картины.

Свыше сотни зарядныхъ ящиковъ и десятка два орудій насчитывались на протяженіи трехъ-четырехъ верстъ.

Здѣсь находился лѣвый флангъ турецкой позиціи подъ Лозенградомъ, бѣжавшій послѣ прорыва первой дивизіей генерала Тошева оборонительной линіи Лозенградъ—Адріанополь.

Еще нѣсколько верстъ, и мы подъѣзжаемъ къ Лозенграду. Большой городъ раскинулся по долинѣ и холмамъ, окруженнымъ сплошной сѣткой виноградниковъ, давшихъ Лозенграду его болгарское названіе.

Свистокъ паровоза. На желѣзнодорожномъ вокзалѣ кипитъ работа. Выгружаютъ какіе-то запасы, маневрируетъ порожній составъ.

Городъ былъ переполненъ обозами, маршевыми командами и ранеными; на улицахъ царилъ образцовый порядокъ, на перекресткахъ стояли полицейскіе изъ ополченцевъ; всѣ почти магазины, принадлежащіе грекамъ и болгарамъ, продолжали торговлю, какъ будто ничего особеннаго за послѣднюю недѣлю и не произошло.

Любезный комендантъ Лозенграда, генералъ Петровъ, отвелъ намъ квартиру въ домѣ богатаго грека, одного изъ крупнѣйшихъ негоціантовъ города, ранѣе яраго туркофила, а теперь „искреннѣйшаго друга“ болгаръ. Измученныя лошади были приняты въ конюшню полицейской стражи, и мы поплелись, насквозь промокшіе и продрогшіе, къ Трифандопуло.

Пріемъ намъ былъ оказанъ далеко не любезный:

— Никого не пущу! У меня и такъ офицеры стоятъ!

Но черезъ двѣ-три минуты, вслѣдъ за энергичнымъ объясненіемъ, въ гостиной Трифандопуловскаго дома ласкающе запылалъ огонь въ желѣзной печкѣ; вокругъ печки сушилось до послѣдней нитки промокшее одѣяніе, и мы, попивая самимъ хозяиномъ принесенное кофе, любовались литографированнымъ портретомъ царя Фердинанда, приклееннымъ въ большой золоченой рамѣ поверхъ добродушно сонной физіономіи султана Мохаммедъ-Решада.

— А я увѣренъ, что у этого типа портретъ Фердинанда еще до войны былъ припрятанъ въ подвалѣ, на всякій случай,—побѣдятъ болгары—успѣетъ наклеить.

— А въ запасѣ у него остался второй султанскій портретъ, на случай, если турки снова займутъ Лозенградъ.

Наши юноши-добровольцы даже возмутились.

— Этому не бывать никогда! Что нами занято, не отдадимъ!

Вечеръ мы провели среди офицеровъ Лозенградскаго гарнизона, въ собраніи турецкаго офицерскаго клуба.

Разговоръ нашъ естественно, вращался около недавно разыгравшихся событій, увѣнчавшихъ первую же недѣлю кампаніи ошеломляющимъ успѣхомъ.

Путь къ Цареграду, казалось намъ тогда, былъ свободенъ.

IX.

Лозенградъ (9—11 октября).

Второй послѣ Адріанополя городъ Ѳракіи, Лозенградъ, или Киркилиссе, уже давно обратилъ на себя вниманіе оттоманскихъ стратеговъ, руководимыхъ германскими совѣтниками. Еще въ мирное время Киркилиссе было занято сильнымъ гарнизономъ, составленнымъ изъ седьмой дивизіи низама, одной артиллерійской бригады въ 16 батарей и нѣсколькихъ кавалерійскихъ полковъ; въ Киркилиссе также находился и штабъ третьяго армейскаго корпуса.

Съ цѣлью установить связь между Лозенградомъ и общей желѣзнодорожной магистралью Константинополь—София, всего годъ тому назадъ была закончена постройкой вѣтвь отъ него до Баба-Эски.

Лозенградъ предполагалось обратить въ укрѣпленный лагерь по образцу адріанопольскаго, построить восемь фортовъ и рядъ промежуточныхъ батарей и редутовъ съ общимъ периметромъ въ двадцать километровъ, но война, такъ внезапно объявленная Болгаріей, застала Турцію неподготовленной: изъ восьми фортовъ были закончены только двѣ долговременныя батареи, расположенныя одна къ востоку, другая—къ западу отъ города.

Въ теченіе мобилизаціоннаго періода турки поспѣшили стянуть къ Лозенграду до сорока четырехъ тысячъ войскъ—весь третій армейскій корпусъ и части

перваго (Константинополь) и шестнадцатаго (Афіунъ-Карагиссаръ и Конія); главное командованіе принялъ на себя бывшій *морской* министръ Махмудъ-Мухтаръ-паша, сынъ великаго визиря Гази Мухтара-паши, а комендантомъ города былъ назначенъ Хильми-паша.

Турецкія войска заняли сильно укрѣпленныя позиціи впереди и къ западу отъ Лозенграда, прикрываясь скалистыми гребнями горъ; шестнадцатый армейскій корпусъ, спѣшно вытребованный Махмудъ-Мухтаромъ изъ Константинополя, двигался отъ порта Мидіи черезъ Визу по восточной дорогѣ къ Бунаръ-Гиссару.

Съ его прибытіемъ подъ Лозенградомъ должно было сосредоточиться до 75,000 войскъ, и оборона крайне важнаго въ стратегическомъ отношеніи праваго фланга Адріанополь-Киркилисской линіи была бы надежно обезпечена.

Являлась необходимость предупредить сосредоточеніе турецкихъ силъ внезапностью наступленія.

6 го октября передъ фронтомъ болгарскихъ войскъ былъ прочтенъ манифестъ объ объявленіи войны, и немедленно сосредоточенныя у Стральджи и Ямбола пять дивизій третьей и первой арміи, въ общемъ около 100,000 штыковъ, форсированными переходами двинулись къ границѣ.

Армія генерала Кутинчева направлялась въ разрѣзъ между Адріанополемъ и Киркилиссе, на Селіолу, имѣя цѣлью прорвать оборонительную линію турокъ и содѣйствовать третьей арміи генерала Радко Димитріева въ овладѣніи Лозенградомъ.

Указанія военной науки опредѣляютъ среднюю скорость передвиженія арміи изъ нѣсколькихъ корпусовъ—10 или 15 верстъ въ день, при благопріятныхъ условіяхъ—дорогахъ, удобныхъ для похода, и т. д.

На всемъ протяженіи отъ Балканъ до Лозенграда дороги были размыты десятидневными ливнями, обратившими пахоти въ непроходимыя трясины.

Но необходимость предупредить сосредоточеніе силъ противника заставило генераловъ Радко Димитріева и Кутинчева повести свои войска, почти безъ дорогъ, со скоростью 35 и 40 верстъ въ сутки.

По непролазной грязи, прекрасныя войска третьей и первой армій, буквально на плечахъ людей вывозя артиллерію и обозы, уже на третьемъ переходѣ вступили на турецкую территорію, нарушая всѣ предположенія Абдуллаха-паши.

Укомплектованная почти на три четверти запасными, болгарская армія выдержала пять форсированныхъ переходовъ по самой затруднительной для движенія мѣстности, исключительно благодаря тренированности войскъ, ежегодно участвовавшихъ въ продолжительныхъ подвижныхъ сборахъ въ мобилизованномъ по штатамъ военнаго времени составѣ, великолѣпному ихъ военному духу, не позволявшему никому отставать отъ своихъ боевыхъ товарищей, и прекрасно развитой въ болгарской арміи взаимной поддержкѣ родовъ оружія, сказавшейся въ помощи пѣхоты, непрестанно на лямкахъ вытаскивавшей изъ болотъ и овраговъ свою артиллерію.

Перейдя границу восьмого октября, третья армія двунулась одновременно по шести направленіямъ къ Лозенграду, стремясь охватить глубокими обходами правый и лѣвый фланги турецкаго расположенія.

9-го октября пятая пѣхотная дивизія генерала Христова, имѣя во главѣ второй Искерскій полкъ, стремительно атакуетъ передовую позицію турокъ у Эреклера.

Турецкая пѣхота занимала, казалось, неприступную для фронтальной атаки позицію на скалистомъ и обрывистомъ хребтѣ,

Тѣмъ не менѣе, второй Искерскій полкъ, не ожидая артиллерійской подготовки удара и результата обходовъ фланговыхъ колоннъ, штыковою атакой очи-

щаетъ отъ турокъ Эреклерскія высоты; въ это же время на Эскиполосъ ведется атака частями четвертой пѣхотной дивизіи генерала Бояджіева, а на селенія Гечкенли и Селіолу нацѣливается ударъ шестой дивизіи генерала Тенева и войскъ первой арміи генерала Кутинчева—первой дивизіи генерала Тошева и десятой—генерала Бражеринова.

Ни трехъярусная оборона крутыхъ склоновъ скалистыхъ хребтовъ, представлявшихъ собою прекрасныя природныя укрѣпленія, ни усиленный огонь не стѣснявшейся въ патронахъ скорострѣльной артиллеріи турокъ не оказались способны задержать болгарскія войска, рвавшіяся въ штыковую атаку — ударъ „на-ножъ“.

Могущественная болгарская артиллерія, по достоинству считающаяся одной изъ лучшихъ артиллерій европейскихъ армій, своимъ мѣткимъ огнемъ буквально засыпавшая турецкія батареи дождемъ гранатъ и шрапнелей, перенесла огонь на турецкія позиціи и вызвала неописуемую панику среди необстрѣлянныхъ войскъ, на три четверти составленныхъ изъ необученныхъ редифовъ, насильно и обманомъ (подъ видомъ маневровъ) приведенныхъ на войну.

— Какъ только наша батарея открыла огонь,—разсказывалъ дезертировавшій „топджу“, македонецъ родомъ,—тотчасъ на нее обрушился ураганъ снарядовъ болгарской артиллеріи, намъ даже невидимой. Мы всѣ бросились отъ орудій вразсыпную прятаться, кто куда. Командиръ батареи первымъ вскочилъ на коня и ускакалъ въ Лозенградъ, офицеры—за нимъ. Намъ нечего было дольше оставаться подъ этимъ адскимъ огнемъ; кто пѣшкомъ, кто верхомъ на артиллерійскихъ лошадяхъ съ перерубленными постромками помчались къ городу, чтобы найти въ немъ спасеніе. Всѣ орудія и зарядные ящики были оставлены на мѣстѣ; мы даже не вспом-

нили о нашихъ ранцахъ, палаткахъ и шинеляхъ, сложенныхъ въ окопѣ...

Дабы дать уважаемымъ читателямъ хоть нѣкоторое представленіе о характерѣ стремительной атаки болгарской пѣхоты, я позволю себѣ привести выдержки изъ приказа по первой дивизіи, отданнаго въ память подвиговъ Тырновскаго и Софійскаго полковъ:

„Сегодня, 9-го ноября, ровно мѣсяцъ со дня славнаго боя при Селіолу, гдѣ молодцы-тырновцы и софійцы впервые помѣрялись силами съ вѣковымъ врагомъ разбили его и гнали десятки верстъ.

Пѣхота, развернувшись изъ походнаго порядка, бѣгомъ понеслась, какъ вихрь, неудержимо и безостановочно на штурмъ непріятеля. Воспламененные боевымъ порывомъ, софійцы и тырновцы не имѣли времени для стрѣльбы: они ринулись впередъ съ громогласнымъ „ура“ на густыя турецкія массы, развертывавшіяся южнѣе. Артиллерія могущественно покровительствовала ихъ неудержимому напору.

Бой начался въ $2^1/_2$ ч. дня, а ужъ въ $3^1/_2$ часа турецкія батареи были принуждены отступить на вторыя позиціи, пѣхотныя линіи оттиснуты къ „могиламъ“ у с. Гечкенли, а по шоссе Киркилиссе-Адріанополь чернѣлись массы турокъ, старавшихся пробиться къ Адріанополю.

Наша артиллерія перенесла огонь на нихъ. Турки принуждены повернуть къ югу; турецкія батареи отъ нашего огня замолкаютъ; пѣхота стремительно летитъ къ „могиламъ“; вездѣ раздается „ура“, побѣдное, всесокрушающее!

Падаетъ сотня убитыхъ, сотни раненыхъ покрываютъ землю, но „ура“ продолжается...

Турецкія батареи взяты, непріятель окончательно разбитъ и обращенъ въ полное бѣгство на югъ!

Въ этотъ славный для дивизіи день двѣ Цареградскія дивизіи, которыя слывутъ отборными среди ту-

рецкихъ войскъ, въ теченіе 3 часовъ сокрушены двумя полками тырновцевъ и софійцевъ, отдаютъ свои батареи и позорно бѣгутъ.

Поэтому бѣшеная атака при Гечкенли не только разрушила планы турокъ, но и внушила турецкому солдату ужасъ передъ болгарскимъ оружіемъ.

Поклонъ глубокій отъ меня вамъ, доблестные офицеры и молодцы-юнаки тырновцы, софійцы и артиллеристы!

Гечкенлійскія могилы покроются памятниками, которые возвѣстятъ на вѣчныя времена о вашемъ боевомъ порывѣ и ничѣмъ не удержимомъ напорѣ на врага въ этотъ день!

Начальникъ дивизіи генералъ Тошевъ.

На другой день турки были выбиты со вторыхъ позицій—у селенія Петри; сосредоточенный огонь болгарской артиллеріи неизмѣнно вызывалъ бѣгство турецкой пѣхоты, не выносившей массы рвавшихся надъ окопами шрапнелей и очищавшей свои позиціи, не ожидая рѣшительной атаки.

Полная растерянность и отсутствіе какого бы то ни было общаго руководства дѣйствіями турецкихъ войскъ со стороны Абдуллаха-паши особенно рельефно сказались во время боя десятаго октября; отступавшія части окончательно перемѣшались; сорокъ эскадроновъ турецкой конницы, получивъ задачу — атаковать во флангъ болгарскую пѣхоту подъ Селіолу, вмѣсто атаки, рѣшили укрыться въ Адріанополь и, пройдя подъ огнемъ болгарской артиллеріи, направились въ крѣпость, обложеніе которой съ западнаго фронта уже началось...

Къ ночи съ десятаго на одиннадцатое число турецкія войска находились на послѣдней оборонительной позиціи, всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Лозенграда. Сильный вѣтеръ и проливной дождь окончательно деморализовали оттѣсненныя съ цѣлаго

ряда позицій турецкія войска, продрогшія, изголодавшіяся, недовѣряющія своимъ офицерамъ и ежеминутно ожидающія послѣдняго болгарскаго натиска.

Появленіе головныхъ частей первой бригады пятой пѣхотной дивизіи, двинутой отъ Кайвы въ обходъ праваго фланга турокъ, рѣшило участь боя. Афіунъ-Карагиссарскій таборъ редифа первымъ подалъ сигналъ къ общему бѣгству.

Паника заразила всѣ турецкія войска.

Офицеровъ уже не слушали, — пытавшихся остановить свои части прикалывали на мѣстѣ.

Армія турокъ въ одну минуту перестала существовать; нестройныя толпы бѣглецовъ, бросавшихъ оружіе и снаряженіе, кинулись по всѣмъ направленіямъ, на Баба-Эски, на Люле-Бургасъ и къ юго-востоку.

Бѣгство турокъ продолжалось до селенія Яни и Визы; они смяли шедшія къ нимъ на поддержку изъ Константинополя подкрѣпленія и увлекли цѣлый 16-й корпусъ за собою; пришлось повернуть обратно и отборному отряду, предводимому однимъ изъ принцевъ, сыновей султана, и составленному изъ военнаго училища, лучшихъ гвардейскихъ батальоновъ и пяти скорострѣльныхъ батарей.

Только около Визы, въ шестидесяти верстахъ отъ Лозенграда, остановилось безумное бѣгство арміи, потерявшей послѣдніе остатки дисциплины.

Прекрасный планъ, составленный штабомъ третьей арміи — отбросить отступающихъ турокъ къ югу, на Баба-Эски и Люле-Бургасъ, и отрѣзать имъ юго-восточный путь къ Визѣ, на которомъ ихъ ожидали подкрѣпленія,—не осуществился, потому что обходъ пятой дивизіи, имѣвшей задачей стать на пути отступленія лозенградской арміи, былъ задержанъ невозможнымъ состояніемъ дорогъ, а турки бросились въ бѣгство ранѣе ея прибытія.

Внезапное появленіе болгарскихъ войскъ вызвало

въ Лозенградѣ неописуемую панику; бѣжали не только войска, но даже телеграфные служащіе, бросивъ неповрежденные аппараты, заботливо очиненные карандаши и приготовленные на столахъ бланки депешъ; бѣжало все мусульманское населеніе; самъ Махмудъ-Мухтаръ-паша едва успѣлъ занять мѣсто въ поѣздѣ, переполненномъ позорно удиравшими изъ города офицерами... Въ его домѣ нашли нетронутое блюдо съ пилавомъ и всѣ вещи, раскинутыя въ полномъ безпорядкѣ.

Вступившія въ Лозенградъ болгарскія войска были восторженно встрѣчены христіанскимъ населеніемъ, не безъ злорадства указывавшимъ офицерамъ на тѣ укромныя мѣста, въ которыхъ не только были припрятаны турками многочисленные запасы, но и попрятались они сами.

При обыскахъ разыгрывались иногда прекомичныя сцены, когда обезумѣвшіе отъ страха передъ болгарами турецкіе офицеры, переодѣтые женщинами, скрывались въ глубинѣ гаремовъ и бывали обнаруживаемы послѣ непродолжительнаго осмотра. Пѣхотнаго майора — бинъ-баши — нашли въ одномъ бѣльѣ, лежащимъ въ кровати, подъ которою было запихнуто его платье и вооруженіе. Напрасно майоръ отрекался отъ всякой принадлежности къ воинскому званію,—торжествующіе жандармы извлекли изъ-подъ его постели мокрое отъ дождя пальто и все форменное обмундированіе...

Забраны были милліоны патроновъ, тысячи винтовокъ, автомобили, коляски, даже два аэроплана... Пальто, эполеты Хильми-паши, часы, усыпанная алмазами табакерка и сабля Махмудъ-Мухтара, вся канцелярія штаба арміи, около ста орудій и двѣ сотни зарядныхъ ящиковъ составили военную добычу болгарскихъ войскъ...

Но не менѣе важнымъ для болгаръ пріобрѣтеніемъ оказалась неповрежденная желѣзнодорожная станція

съ полнымъ техническимъ оборудованіемъ, пятью исправными паровозами и 200 вагонами.

Экстренно вызвавъ двѣ роты желѣзнодорожнаго батальона, болгарскія арміи получили возможность эксплоатировать имѣющую колоссальное стратегическое значеніе линію Лозенградъ—Баба-Эски—Люле-Бургасъ—Чаталджа, отопляя паровозы изобильными запасами турецкаго угля, подвозя въ турецкихъ вагонахъ муку и рисъ изъ захваченныхъ у нихъ же продовольственныхъ складовъ, доставляя на позиціи артиллерійскіе снаряды и облегчая обратную эвакуацію больныхъ и раненыхъ.

Склады, доставшіеся въ Лозенградѣ болгарамъ, предоставили въ ихъ распоряженіе столько комплектовъ обмундированія, обуви и снаряженія, что цѣлая десятая (новосформированная) дивизія была снабжена турецкими шинелями и сапогами. Но еще важнѣе было то обстоятельство, что цѣной всего только трехсотъ убитыхъ и 450 раненыхъ болгарскія войска проложили себѣ путь къ Оттоманской столицѣ, нанеся полное пораженіе полевымъ турецкимъ силамъ, совершенно нарушили планъ дѣйствій противника и внесли дезорганизацію въ ряды его войскъ.

И весь этотъ колоссальный успѣхъ, увѣнчавшій первый шестидневный періодъ начала кампаніи и удесятеривший духовную мощь болгарской арміи, можетъ быть въ полной мѣрѣ приписанъ искусному маневрированію. То, о чемъ фонъ-деръ-Гольцъ-„паша“, главный инструкторъ турецкихъ вооруженныхъ силъ, не могъ говорить безъ ироніи *)—взятіе Лозенграда от-

---

*) Извѣстна фраза ф.-д.-Гольца, высказанная имъ наканунѣ объявленія войны:

— „Для овладѣнія Киркилиссе потребуется три мѣсяца времени и армія, трижды превышающая болгарскую какъ по численности, такъ и по качеству“.

крытой атакой — совершено было болгарскими войсками лишь благодаря внезапности ихъ появленія и стремительности наступленія.

Лозенградъ палъ, рухнула первая серьезная преграда на пути къ Царьграду, и эта крупная побѣда была куплена цѣной совершенно непропорціональныхъ степени достигнутаго успѣха ничтожныхъ потерь.

X.

Въ арміи Радко Димитріева.

Грязныя лозенградскія улицы быстро сохнутъ подъ знойными лучами южнаго солнца.

Пока стражники возятся съ сѣдловкой, прохожу по кривымъ уличкамъ турецкаго квартала за городъ.

На площади выравнены десятка четыре скорострѣльныхъ пушекъ, отобранныхъ у турокъ; спеціальная артиллерійская команда приводитъ ихъ въ надлежащій видъ, очищая отъ грязи колеса и лафеты и тщательно пробанивая каналы орудій.

Въ сосѣдней казармѣ устроенъ складъ для брошенныхъ противникомъ огнестрѣльныхъ припасовъ.

— Дайте намъ только лошадей—и мы завтра же выставимъ въ поле цѣлыхъ шесть полевыхъ батарей,— говоритъ мнѣ офицеръ, завѣдующій турецкими трофеями.

Однако, пора и въ путь.

Почтеннѣйшій Трифандопуло съ низкими поклонами провожаетъ своихъ постояльцевъ до воротъ, прикладывая, по-восточному, ладони къ сердцу и лбу. —Въ другой разъ--милости просимъ.

На почтѣ—разочарованіе.

Груды писемъ навалены въ мѣшкахъ и безъ мѣшковъ на полу тѣсной комнатки; нѣсколько сундуковъ доверху переполнены корреспонденціей; два несчастнѣйшихъ въ мірѣ субъекта въ полувоенной формѣ

безпомощно стоятъ посерединѣ этого хаоса и, разводя руками, заявляютъ:

— „Ни́смо чино́вницы, мы во́йницы“, т.-е.

— „Мы не чиновники, а солдаты“,—какъ намъ двоимъ справиться съ этой работой!

— Пропало наше дѣло!—вздыхаемъ мы.—Гдѣ тутъ искать писемъ изъ Россіи!

— А гдѣ у васъ телеграммы до востребованія?

— Наверху, на теле́графѣ.

Но и наверху тотъ же хаосъ... Въ ящикѣ навалена куча депешъ, масса срочныхъ между ними, адресованныхъ корреспондентамъ, офицерамъ, врачамъ...

— Что же вы не доставляете депешъ?

— Кому и куда?? — огрызается чиновникъ. — Въ армію?? А гдѣ она? Гдѣ полки? На чемъ доставить? По единственному проводу полевого телеграфа? Да онъ круглыя сутки занятъ служебными депешами, и никакихъ частныхъ не приметъ.

— А вы ихъ почтой.

— Почта не ходитъ.

— Какъ почта не ходитъ?!

— Очень просто. Намъ не до почты. Нѣтъ почтовой службы—вотъ и все. Всѣ письма здѣсь будутъ лежать „до оказіи“.

— А отъ насъ телеграммы, цензурованныя комендантомъ, примете?

— Принять-то примемъ, а послать...—краснорѣчивый жестъ.—Пошлемъ на буйволахъ до Ямбола.

— Что?? Полтораста верстъ на буйволахъ?? Сколько же дней телеграмма будетъ идти?

— Не полтораста, а больше. Въ недѣлю доставимъ, а тамъ уже по телеграфу.

— Спасибо, что не на буйволахъ до Москвы!— начинаю я терять терпѣніе, предвидя, какъ на своихъ военныхъ корреспондентовъ, ни въ чемъ неповинныхъ, будутъ „вѣшать собакъ“ обозленныя редакціи, безполезно затратившія по десяти тысячъ...

— Не сердитесь на насъ, мы тутъ не при чемъ. Мы хоть примемъ у васъ письма и депеши,—а въ арміи и вовсе принимать не будутъ.

— Что же намъ дѣлать тогда?

— Посылайте нарочныхъ въ Бургасъ, удобнѣе всего.

— За 200—250 верстъ — нарочныхъ? Да что вы, смѣетесь надъ нами, что ли?

— Увидите. Намъ сейчасъ не до почтовой организаціи. Со временемъ—все наладится.

И, считая разговоръ оконченнымъ, чиновникъ протягиваетъ телеграфную „рáсписку".

— Двѣсти двадцать словъ. Пятьдесятъ четыре лева пожалуйте.

И, расплачиваясь, я съ грустью вижу, какъ мою телеграмму подсовываютъ подъ ворохъ пыльныхъ депешъ.

— Завтра же передадимъ... на буйволахъ до Ямбола,—любезно жметъ руку телеграфистъ. Что прикажете дѣлать! Единственный проводъ — служебныя депеши...

Въ комендантскомъ управленіи намъ точно указали по картѣ селеніе, занятое штабомъ арміи, и обѣщали со временемъ прислать туда багажную двуколку.

Часамъ къ десяти утра мы выѣхали изъ города.

Отъ Лозенграда до селенія Яни, гдѣ находился штабъ третьей арміи, было не болѣе двадцати верстъ, но турецкія дороги послѣ непрерывно лившихъ дождей обратились въ трясины.

На всемъ протяженіи пути ежеминутно попадались брошенные турками зарядные ящики съ массой патроновъ и начинавшіе уже издавать зловоніе трупы людей и лошадей. Тянувшіеся къ войскамъ обозы съ огнестрѣльными припасами и провіантомъ встрѣчались съ транспортами, перевозившими раненыхъ въ лозенградскіе тыловые госпитали. Тяжелыя арбы, запряжен-

ныя парами буйволовъ, были покрыты сдѣланнымъ изъ цыновокъ верхомъ; на соломѣ лежали по двое тяжело раненыхъ, укутанные въ шинели; болѣе легко раненые шли пѣшкомъ по обочинамъ дороги. Скрипучія колеса то и дѣло вязли въ грязи, и изъ-за одной повозки принужденъ былъ останавливаться весь транспортъ.

На ухабахъ неуклюжія арбы рѣзкими толчками подбрасывали страдальцевъ, старавшихся хоть какъ-нибудь половчѣе устроиться на охапкахъ соломенной подстилки...

Порою обозы окончательно застревали въ размытой пахоти, и лишь соединенныя усилія десятковъ солдатъ и отчаянно бившихся въ запряжкѣ лошадей помогали вытаскивать на твердую почву засѣвшія по ступицы въ грязи тяжело груженыя повозки.

Пользуюсь случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о транспортной службѣ въ болгарской дѣйствующей арміи. Почти всѣ лошади, буйволы и повозки были получены отъ населенія реквизиціоннымъ путемъ; для службы въ обозѣ были назначены по преимуществу запасные старшихъ сроковъ; отвратительное состояніе грунговыхъ дорогъ (а другихъ путей въ восточномъ районѣ военныхъ дѣйствій нѣтъ) заставляло обозы, для совершенія двадцативерстнаго перехода, выступать на разсвѣтѣ, а прибывать на ночлегъ уже въ темнотѣ, часамъ къ восьми вечера.

При такихъ условіяхъ, казалось бы, среди обозныхъ солдатъ, вѣчно находящихся въ пути то въ одну, то въ другую сторону, и не всегда имѣющихъ даже горячую пищу, должно чувствоваться утомленіе, упадокъ духа и связанное съ нимъ уныніе.

Наоборотъ,—мнѣ не приходилось встрѣчать большаго порядка въ тылу, чѣмъ я это ежедневно наблюдалъ на путяхъ сообщенія болгарской арміи.

Въ довольно крупномъ селѣ Яни, гдѣ временно

расположился штабъ третьей арміи, насъ ожидалъ самый радушный пріемъ. Начальникъ штаба, полковникъ Жостовъ, начальникъ артиллеріи арміи, полковникъ Танталовъ, квартирмейстеръ штаба арміи, подполковникъ Азмановъ, начальникъ развѣдывательнаго отдѣленія, онъ же и военный цензоръ, майоръ Гергиновъ и всѣ причисленные къ штабу офицеры прекрасно говорили по-русски, такъ какъ большая часть изъ нихъ окончила нашу академію генеральнаго штаба.

— Отъ васъ, русскихъ, у насъ секретовъ не будетъ. Мы не намѣрены васъ третировать, какъ иностранцевъ и корреспондентовъ. Для насъ вы—русскіе офицеры—и только.

Немедленно намъ была отведена квартира въ одномъ изъ лучшихъ домовъ мѣстечка, лошади зачислены въ конно-ординарческую команду штаба арміи на довольствіе, и, что особенно цѣнно, намъ назначили вѣстового, драгуна 8 коннаго полка, много лѣтъ служившаго въ Россіи и прекрасно говорящаго по-русски.

На другой день утромъ мы представились командующему арміей.

Генералъ Радко Димитріевъ быстро успѣлъ пріобрѣсти вполнѣ заслуженную славу перваго боевого генерала Болгаріи.

Характеристику этого энергичнаго, неутомимаго работника, пользующагося несравненной популярностью въ рядахъ войскъ и народа, „болгарскаго Скобелева“, я уже набросалъ выше, въ IV главѣ; поэтому познакомлю читателей только съ впечатлѣніями первой моей съ нимъ личной встрѣчи.

Только что закончился пятидневный бой на линіи Бунаръ-Гиссаръ—Люле-Бургасъ: въ теченіе пяти дней судьба Болгаріи и всего балканскаго союза буквально висѣла на волоскѣ. Только хладнокровіе командующаго арміей и великолѣпный боевой духъ войскъ спасли положеніе и помогли одержать побѣду надъ противни-

комъ, превосходившимъ численностью и занимавшимъ выгодную укрѣпленную позицію.

Поэтому на лицѣ Радко Димитріева еще не успѣли разгладиться слѣды только что пережитыхъ потрясеній.

Генералъ принялъ насъ поочереди. Сперва полковника фонъ-Дрейера, потомъ меня. Пріемъ отличался особой сердечностью, и въ голосѣ этого желѣзнаго человѣка, привыкшаго къ солдатской простотѣ обращенія и лаконичной отдачѣ приказаній, звучала искренняя нѣжность и любовь къ далекой Россіи, когда разговоръ коснулся горячаго сочувствія, вызваннаго въ русскомъ обществѣ войной за освобожденіе македонцевъ и блестящими подвигами болгарскихъ войскъ.

— Я былъ особенно счастливъ получить отъ моихъ дорогихъ однополчанъ - Тифлиссцевъ поздравительную телеграмму по случаю паденія Лозенграда.

— Это привѣтствіе было мнѣ чрезвычайно дорого,— сказалъ генералъ Димитріевъ во время моего представленія.

При первомъ же ознакомленіи съ составомъ и работой штаба арміи, насъ поразила немногочисленность состоящаго въ штабѣ персонала. Человѣкъ восемь офицеровъ генеральнаго штаба, нѣсколько причисленныхъ къ штабу и десятокъ писарей, успѣшно справлялись съ работой, для которой у насъ, по штатамъ военнаго времени, требуется не менѣе сорока офицеровъ.

Все дѣлопроизводство велось на бланкахъ полевыхъ книжекъ; никакихъ широковѣщательныхъ приказовъ, никакихъ срочныхъ отчетовъ на десяткахъ мелко исписанныхъ листковъ графленой бумаги,—все скоро, просто, кратко и ясно.

Но работать штабному персоналу приходилось съ ранняго утра и до глубокой ночи. Особенно жаль намъ было безпокоить своими корреспонденціями и письмами

любезнѣйшаго „цензора“ — майора Гергинова, и безъ того заваленнаго работой по своей спеціальности.

23-го числа штабъ оставался въ Яни. Эта неожиданная дневка, помимо желанія Радко Димитріева, произошла вслѣдствіе категорическаго приказанія генерала Саввова не спѣшить съ дальнѣйшимъ движеніемъ впередъ, пока не будутъ пополнены израсходованные во время пятидневнаго боя запасы и убыль въ частяхъ войскъ.

Но для насъ эта дневка явилась благодѣяніемъ. Совершивъ трехсотверстный переходъ отъ Старой Загоры въ Яни, наши лошади настоятельно нуждались въ отдыхѣ; къ вечеру прибыла и багажная двуколка, въ сопровожденіи цыгана, сіяющаго отъ удовольствія, что ему удалось насъ нагнать.

Радость нашего прибытія къ войскамъ омрачалась только несостоятельностью почтово-телеграфной службы въ арміи.

Какъ намъ предсказывали въ Лозенградѣ, по единственному проводу военнаго телеграфа не было никакой возможности передавать корреспондентскія депеши; мнѣ никогда не забыть священнаго ужаса начальника полевой телеграфной станціи, когда ему впервые была подана депеша всего въ триста словъ съ небольшимъ...

— Что мнѣ съ нею дѣлать прикажете, молимъ васъ?

— Отправьте по телеграфу въ свободное время.

— Да у насъ не бываетъ свободнаго времени—день и ночь поочередно выстукиваемъ депеши!

— Отправляйте, какъ хотите. Только мнѣ расписку дайте для очистки совѣсти.

— Расписку? Извольте!

На грязной квитанціи прописывается полученіе цѣлыхъ ста левовъ, а четыре скрѣпленныхъ булавкой листочка укладываются въ общую кожаную сумку.

— Завтра же отправимъ на буйволахъ до Лозенграда. А тамъ по телеграфу пойдетъ.

— Нѣтъ, и тамъ на буйволахъ—до Ямбола,—вмѣшивается другой телеграфистъ. Тамъ тоже одинъ проводъ.

— Когда же она дойдетъ до Москвы?

— Дней черезъ десять, не раньше.

— А если „срочною“ ее сдать?

— Тогда на сутки позже.

— Почему??

— Срочную записать надо въ реестръ—она вѣдь втрое дороже,—а буйволы, все равно, скорѣе не повезутъ, будь она хоть десять разъ „срочная“...

И, грустно опустивъ голову, мы покидаемъ телеграфную станцію.—Чѣмъ дальше мы уйдемъ къ Чаталджѣ, тѣмъ дольше пойдутъ наши депеши и письма туда, въ далекую Россію, тщетно ожидающую подробныхъ извѣстій о волнующей общество войнѣ...

Но день 23 октября не былъ нами безполезно потерянъ. По живымъ разсказамъ участниковъ намъ удалось зарисовать общую картину полнаго трагическихъ перипетій пятидневнаго боя, завершившагося окончательнымъ разгромомъ восточной арміи Абдуллаха-паши.

XI.

Пятидневный бой на линіи Бунаръ-Гиссаръ—Люле-Бургасъ (16—20 окт.).

Одиннадцатаго октября войска третьей арміи вступили въ Лозенградъ, а дивизіи первой арміи, оттѣснивъ противника къ Адріанополю и на югъ, стали бивакомъ недалеко отъ поля боя у Селіолу, на ведущей къ Баба-Эски дорогѣ.

Войска Махмуда-Мухтара паши, окончательно разстроенныя неожиданнымъ обходомъ съ обоихъ фланговъ, отъ Кайвы и Селіолу, предоставленныя своими начальниками на произволъ судьбы, были приведены внезапно вспыхнувшей паникой въ невозможное состояніе.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ громовымъ ударомъ на командующаго восточной арміей Абдуллаха-пашу и главнаго виновника лозенградской неудачи—Махмудъ-Мухтара, лучше всякихъ описаній характеризуется телеграммой командира третьяго корпуса, посланной послѣ боя отцу, великому визирю Гази-Мухтару пашѣ.

Подлинникъ этой телеграммы былъ найденъ въ полевой сумкѣ раненаго турецкаго майора генеральнаго штаба, захваченнаго въ плѣнъ при отступленіи турокъ отъ Визы.

Въ этой депешѣ на имя отца Махмудъ Мухтаръ

паша высказываетъ крайне пессимистическій взглядъ на положеніе дѣлъ.

Онъ называетъ свои войска „сволочью“, думающей лишь о томъ, какъ бы скорѣе добраться назадъ, до Стамбула, куда „ихъ влечетъ запахъ константинопольскихъ кухонь“; „съ такими необученными и недисциплинированными войсками успѣшно обороняться невозможно“.

Махмудъ доноситъ, что, прибывъ къ Визу, онъ засталъ все въ ужасномъ безпорядкѣ, — „бѣжали даже отсюда всѣ телеграфные чиновники, и лишь приведя одного изъ нихъ къ присягѣ, я заставилъ его передать эту депешу“.

Въ заключеніе настойчиво совѣтуется отцу „немедленно обратиться къ посредничеству благожелательныхъ державъ тройственнаго союза, дабы предотвратить дальнѣйшее кровопролитіе и неминуемый разгромъ всей Оттоманской имперіи“.

Въ теченіе четырехъ дней, съ 11 по 15-ое, остатки лозенградскаго отряда восточной арміи турокъ блуждали по всѣмъ направленіямъ и, наконецъ, скопились въ двухъ пунктахъ—у города Визы, гдѣ прибывшимъ по желѣзной дорогѣ въ Черкескіой, а оттуда верхомъ черезъ Сарай, Махмудъ-Мухтаромъ-пашою былъ остановленъ шестнадцатый корпусъ, увлеченный лозенградскими бѣглецами, и сформированы новыя сводныя дивизіи изъ подошедшихъ отъ Константинополя редифовъ,—и у Люле-Бургаса, гдѣ командиръ четвертаго корпуса Абукъ-паша собралъ до 60,000 подкрѣпленій, опоздавшихъ къ Лозенградскому бою, доставленныхъ частью по желѣзной дорогѣ, до Люле-Бургаса, частью моремъ до Родосто, а оттуда походомъ.

Послѣ занятія Лозенграда третьей арміей наступилъ полный перерывъ въ преслѣдованіи, происшедшій вслѣдствіе двухъ причинъ—недостатка кавалеріи въ арміяхъ Радко Димитріева и Кутинчева (по эскадрону на диви-

зію и всего два—въ распоряженіи командующаго арміей), и крайняго утомленія пѣхоты, совершившей пять форсированныхъ переходовъ, причемъ два послѣдніе—съ боемъ.

Соприкосновеніе съ противникомъ временно было потеряно (военная исторія выяснитъ, на чью вину слѣдуетъ отнести этотъ минусъ). Этотъ перерывъ въ преслѣдованіи далъ возможность командующему восточной арміей турокъ хоть немного организовать пришедшія въ хаотическое состояніе войска, опираясь на корпуса Абука-паши и Махмудъ-Мухтара.

Еще четырнадцатаго октября, по донесеніямъ болгарскихъ разъѣздовъ, крупныхъ частей противника не наблюдалось даже за Бунаръ-Гиссаромъ, занятымъ слабымъ сторожевымъ охраненіемъ, и апатія его передовыхъ частей доходила порою до того, что незначительнымъ кавалерійскимъ отрядамъ удавалось изъ-подъ носа турокъ увозить оставленныя ими на полѣ сраженія орудія.

Такъ, ротмистру восьмого коннаго полка Кабакджіеву съ полуэскадрономъ и девятью запряжками было поручено увезти изъ-подъ Бунаръ-Гиссара семь пушекъ, у которыхъ были перебиты лошади, пока турки не успѣли ихъ спасти; эту задачу Кабаджіевъ выполнилъ блестяще подъ огнемъ стрѣлковой турецкой цѣпи.

Но въ тотъ же день четырнадцаго октября Махмудъ-Мухтаръ паша перешелъ въ наступленіе, и отъ Визы перевелъ главныя свои силы къ Бунаръ-Гиссару.

Предварительно онъ приказалъ, для поднятія воинскаго духа въ рядахъ войскъ, разстрѣлять тѣхъ, кто подалъ сигналъ къ общему бѣгству, таборъ афіунъ-карагиссарской дивизіи, составленный изъ настоящихъ „османлы“, уроженцевъ Малой Азіи, сердца имперіи; всѣ командиры отдѣльныхъ частей были созваны на экстренный военный совѣтъ и поклялись на коранѣ „побѣдить или умереть“.

Абдуллахъ-паша избралъ позицію для упорнаго оборонительнаго боя, въ ожиданіи подхода подкрѣпленій, за рѣкой Карагачъ-дерре, между Бунаръ-Гиссаромъ и Люле-Бургасомъ. Позиція эта являлась весьма выгодной, потому что фронтъ ея былъ прикрытъ болотистой рѣчкой, а превосходство въ силахъ—120.000 обороняющагося противъ 100.000 наступающаго—позволяло туркамъ не опасаться фланговаго обхода.

Единственнымъ недостаткомъ Карагачской позиціи была ея растянутость—35 верстъ по фронту—но турки, превосходя болгаръ численностью, не боялись прорыва своего расположенія. Къ тому же, съ минуты на минуту къ нимъ должны были подойти новыя силы.

Превосходя болгаръ числомъ штыковъ, войска турокъ значительно уступали въ числѣ орудій; почти вся артиллерія лозенградскаго отряда была потеряна во время бѣгства; уступали, конечно, турки и въ духѣ войскъ, на половину составленныхъ изъ лозенградскихъ бѣглецовъ, на половину — изъ еще не обстрѣлянныхъ запасныхъ.

Средства связи техническія совершенно отсутствовали—телефоновъ и искроваго телеграфа не было; даже о взятіи Люле-Бургаса командующій восточной арміей узналъ только отъ пріѣхавшаго въ штабъ арміи англійскаго военнаго корреспондента; кавалеріи почти не было, и она бездѣйствовала; 40 эскадроновъ еще во время Лозенградскаго боя предпочли скрыться въ Адріанополь, гдѣ ихъ лошади пошли на бойню, а люди на саперныя работы...

Отставшіе въ грязи обозы и скудость мѣстныхъ средствъ вызвали недостатокъ продовольствія, и породили мародерство; дисциплина турецкой арміи, несмотря на поспѣшно принятыя крутыя мѣры, вообще оставляла желать весьма многаго.

Но все же 120.000 турокъ на укрѣпленной позиціи смѣло могли разсчитывать остановить обѣ болгарскія

арміи, насчитывавшія всего 100.000 штыковъ, утомленныя походомъ по грязнымъ дорогамъ и растянутыя отъ Баба-Эски до Яни.

14-го октября вечеромъ сторожевое охраненіе пятой дивизіи генерала Христова у Бунаръ-Гиссара, послѣ непродолжительной перестрѣлки, принуждено было податься назадъ.

Одновременно авангардъ четвертой пѣхотной дивизіи генерала Бояджіева былъ оттѣсненъ турками у селенія Колибы.

Пятнадцатаго октября командующій третьей арміей, не предполагая, что передъ нимъ значительныя силы, приказалъ наступать всѣмъ своимъ тремъ дивизіямъ, (5-ой, 4-ой и 6-ой), развернувъ ихъ на фронтѣ Яни—Люле-Бургасъ.

Подъ давленіемъ болгаръ, турецкіе передовые отряды отошли за рѣчку Карагачъ-дерре, но уже на другой день, 16-го октября, наступленіе болгарскихъ дивизій было остановлено.

Тогда генералу Радко Димитріеву стало ясно, что противъ 70.000 войскъ его третьей арміи дѣйствуютъ превосходныя силы всей Восточной арміи турокъ, усиленной прибывшими къ ней подкрѣпленіями.

Турецкія позиціи тянулись по горному хребту отъ Бунаръ-Гиссара, черезъ селенія Карагачъ и Туркъ-бей до укрѣпленнаго города Люле-Бургаса; передъ всѣмъ ихъ фронтомъ протекала болотистая рѣчка Карагачъ-дерре, представлявшая почти непреодолимую, даже для пѣхоты преграду.

Несмотря на невыгоды создавшагося положенія, генералъ Димитріевъ рѣшилъ атаковать противника, дабы не дать ему возможности еще болѣе усилиться и снова захватить иниціативу въ свои руки.

Промедленіе было опасно. Оно сводило на нѣтъ весь ранѣе одержанный успѣхъ.

Генералу Кутинчеву было послано приказаніе воз-

можно скорѣе идти къ Люле-Бургасу, для овладѣнія лѣвымъ флангомъ турецкой оборонительной позиціи.

До прибытія двухъ дивизій генерала Кутинчева на долю третьей арміи выпадала труднѣйшая задача—предотвратить опаснѣйшій переходъ турокъ въ наступленіе, энергичными дѣйствіями маскируя свою малочисленность.

Но уже семнадцатаго числа лѣвофланговая — пятая дивизія генерала Христова, послѣ отчаянной обороны своихъ позицій, была принуждена отойти на цѣлыхъ три версты назадъ отъ Бунаръ - Гиссара и окопаться на высотахъ у селенія Яни.

Всѣ атаки четвертой и шестой дивизій были огнемъ турецкой артиллеріи и пѣхоты отбиты.

Положеніе становилось напряженнымъ.

Войска генерала Кутинчева все еще не подходили, задержанныя бездорожьемъ.

Восемнадцатаго октября турки сами энергично перешли въ наступленіе по всему фронту.

Пятая дивизія генерала Христова находилась въ критическомъ положеніи—ея резервы давно уже были израсходованы, а массы турокъ продолжали кидаться въ атаку за атакой.

Блестящая контръ-атака пятаго пѣхотнаго полка не улучшила общаго положенія. Командиръ полка, полковникъ Петровъ, былъ убитъ, и полкъ отступилъ.

Таяли и остальныя части дивизіи. Такъ, во второмъ Искерскомъ полку были перебиты почти всѣ офицеры, и полкомъ командовалъ молодой поручикъ, а батальонами—унтеръ-офицеры.

Но личное обаяніе начальника и его колоссальная популярность въ дивизіи сдѣлали свое дѣло.

Сознавая все значеніе занимаемаго имъ участка позиціи (съ обходомъ лѣваго фланга болгарскія войска могли быть отброшены отъ сообщеній съ Лозенградомъ къ Мраморному морю), генералъ Христовъ объ-

ѣхалъ полки: Отступленія не будетъ. Надо или здѣсь держаться, или здѣсь умереть!

И пока пятая дивизія отбиваетъ атаку за атакой, генералъ Христовъ доноситъ командующему о своемъ затруднительномъ положеніи, прося хотя бы одну бригаду резерва...

Но въ распоряженіи Радко Димитріева — только штабъ арміи; резервовъ нѣтъ—Кутинчевъ все еще не подходитъ, вызванная изъ-подъ Адріанополя бригада третьей дивизіи успѣетъ подойти только завтра, къ вечеру...

И генералу Христову, вмѣсто резерва, летитъ лаконическая записка:

— Умрите на вашихъ позиціяхъ — но ихъ не отдавайте!

А въ центрѣ положеніе также становится критическимъ.

Сформированный почти цѣликомъ изъ ненадежнаго румынскаго элемента, попавшій подъ губительный ружейный и артиллерійскій огонь, полкъ четвертой дивизіи заколебался и дрогнулъ. Невольно заколебались и стоявшіе непосредственно за нимъ 8-й и 19-й пѣхотные полки. Вѣсы военнаго счастья, казалось, готовились рукой капризной судьбы склониться на сторону противника.

Но командиры полковъ, полковникъ Киселевъ и полковникъ Васильевъ, выхватили изъ рукъ знаменщиковъ полковыя знамена и съ офицерами бросились впередъ; полки послѣдовали за ними какъ одинъ, и эта полная безудержнаго порыва, отчаянно смѣлая контръатака увлекла за собой всѣ заколебавшіяся части.

Положеніе было спасено.

Но на правомъ флагѣ, у Люле-Бургаса, шестая дивизія генерала Тенева едва сдерживала порывавшихся обойти ее съ фланга турокъ...

Я не имѣю возможности ознакомить читателей со всѣми перипетіями описываемаго боя, потому что не

всѣ еще детали этого продолжительнаго и кровопролитнаго сраженія на 35-ти верстномъ фронтѣ точно установлены.

Могу только сказать, что хладнокровіе командующаго арміей, со своимъ штабомъ находившагося цѣлыми часами подъ сильнымъ шрапнельнымъ огнемъ, благотворно вліяло на войска, въ эту полную тревоги за будущее минуту черпавшія въ немъ увѣренность въ свои силы и непоколебимую готовность на всякія жертвы для одержанія необходимой побѣды.

Всѣ почти офицеры штаба арміи были разосланы по полкамъ, въ наиболѣе опасные боевые участки, для передачи приказаній и руководства ихъ исполненіемъ.

— Я не переживу неудачи,—говорилъ командующій арміей своему адъютанту.

И вмѣсто всегда возможной неудачи его ожидалъ блестящій успѣхъ...

Девятнадцатаго числа авангарды первой арміи генерала Кутинчева подошли къ Люле-Бургасу, и опасность обхода турками праваго фланга болгарскихъ войскъ миновала.

Къ вечеру девятнадцатаго октября четвертая пѣхотная дивизія генерала Бояджіева стремительной атакой прорвала центръ турецкой позиціи у селенія Карагачъ и овладѣла 24 скорострѣльными орудіями.

Вѣсы военнаго счастья окончательно склонились на сторону болгаръ, когда двадцатаго октября, къ двумъ часамъ дня, турки очистили, подъ натискомъ дивизій Кутинчева, укрѣпленный Люле-Бургасъ.

Перешла въ наступленіе и пятая дивизія генерала Христова, поддержанная прибывшей изъ Адріанополя первой бригадой третьей дивизіи, и гнала турокъ до Соуджака.

На пятый день этого упорнаго боя турки были отброшены по всему фронту съ колоссальными потерями;

50 орудій и около 100 зарядныхъ ящиковъ составили трофеи побѣдителей; на наиболѣе угрожаемомъ лѣвомъ флангѣ штыковыми атаками были почти уничтожены цѣлые турецкіе батальоны; въ руки болгарскихъ войскъ попали 3.000 плѣнныхъ и четыре знамени.

Одно изъ нихъ—19-го турецкаго полка низама, захваченное 46-мъ полкомъ, я видѣлъ на бивакѣ въ Визѣ. Малиновое полотнище, богато расшитое золотымъ шелкомъ, покрытое изреченіями изъ корана, было прибито къ увѣнчанному полумѣсяцемъ древку съ двумя шелковыми кистями.

Болгарскія потери, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ этомъ бою составили 15,000 чел. (вѣроятнѣе до 20—25.000), турки потеряли около 40.000.

Послѣ этого второго удара восточная армія турокъ перестала существовать. Около ста верстъ, до самой Чаталджинской оборонительной линіи, продолжалось паническое бѣгство обезумѣвшихъ войскъ, уже не пытавшихся задерживать противника, бросавшихъ по дорогамъ свои обозы и артиллерію и звѣрски выжигавшихъ несчастныя селенія, лежавшія на ихъ пути...

XII.

По слѣдамъ отступающихъ турокъ.

Города — Виза, Сарай, Странджа были безъ боя очищены одинъ за другимъ, и къ 27 октября ни одного турка уже не было впереди укрѣпленій Чаталджи.

На дорогѣ отъ Яни до Визы, по которой мы проѣзжали со штабомъ генерала Радко Димитріева, еще видны были свѣжіе слѣды недавно разыгравшагося боя. Еще не успѣли слиться съ землей лужи запекшейся крови, на брошенныхъ бивакахъ стояли шатры, валялись палатки, котлы, даже сгнившія туши быковъ и барановъ; придорожныя канавы и окопы были усѣяны трупами турокъ, застывшими въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ — темнокожіе сирійцы съ оскаленными зубами, старики-аскеры редифа въ красныхъ фескахъ, молодые солдаты низама въ шапочкахъ хаки, кавалеристы и артиллеристы въ мѣховыхъ папахахъ...

По дорогамъ живыми черными змѣями повсюду извивались войсковыя колонны; шли пѣхотинцы, занимая всю ширину проселка, тянулась, дребезжа и звеня желѣзными цѣпями, артиллерія.

Громкое „ура“ привѣтствовало объѣзжавшаго войсковыя части любимаго солдатами командующаго.

Одинъ изъ наиболѣе древнихъ городовъ Византійской имперіи, Виза еще сохранилъ остатки каменныхъ стѣнъ и монументальныхъ башенъ; почти сплошь населенный греками, городокъ узкими и кривыми уличками взбирался высоко на гору.

Виза немного пострадала отъ турецкихъ безчинствъ — разбиты были только магазины и лавки, и нѣсколько деревянныхъ домовъ были сожжены, но большая часть города уцѣлѣла, потому что туркамъ некогда было останавливаться для его истребленія.

Только наканунѣ нашего прибытія начало возвращаться на свои мѣста разбѣжавшееся населеніе, двѣ недѣли скрывавшееся, изъ боязни турокъ, въ лѣсахъ Странджинскихъ горъ. Женщинамъ и дѣтямъ пришлось перенести массу лишеній въ непроходимыхъ горныхъ дебряхъ, куда они бѣжали, не захвативъ съ собой ни теплой одежды ни продовольствія.

На улицахъ города еще лежали трупы турокъ, обернутые лицомъ книзу, и печально бродили раненыя лошади съ перебитыми пулями ногами.

Мы нашли себѣ прекрасную квартиру въ домѣ одного богатаго грека, въ которомъ помѣщался нѣсколько дней самъ Махмудъ-Мухтаръ-паша, и изъ оконъ нашего дома, выходившихъ на городскую площадь, могли наблюдать, какъ благодарные болгарамъ за избавленіе отъ разоренія и смерти мѣстные жители ловили и цѣловали руки офицеровъ, а въ церкви, подъ радостный перезвонъ колоколовъ, начиналось благодарственное молебствіе.

Во время дневки 25-го октября въ Визѣ, къ штабу третьей арміи явились В. И. Немировичъ-Данченко и два французскихъ военныхъ корреспондента—Пюо, отъ газеты „Temps“, и маркизъ де-Сегонзакъ, отъ „Echo de Paris“, и двое англичанъ.

Положеніе на театрѣ войны рисовалось 25-го числа слѣдующимъ образомъ:

Портъ Мидія на Черномъ морѣ былъ прочно занятъ бригадой пѣхоты, для противодѣйствія попыткѣ турокъ высадить дессантъ.

Родосто, Чорлу и Сарай были заняты болгарскими головными отрядами безъ сопротивленія, несмотря на

то, что на линіи Сарай—Чорлу предполагалась вторая тыловая позиція турокъ, а Родосто являлось крупнымъ портовымъ пунктомъ для подвоза моремъ войскъ и припасовъ.

Остатки турецкихъ войскъ въ подавляющемъ безпорядкѣ бѣжали къ Чаталджинской линіи, бросая своихъ раненыхъ на произволъ судьбы...

Преслѣдованія, въ полномъ смыслѣ этого слова, не было. Только незначительныя конныя части, въ составѣ не болѣе эскадрона, могли быть высланы впередъ.

Но и небольшіе кавалерійскіе разъѣзды порою приносили не малую пользу.

Такъ, одному корнету съ разъѣздомъ въ 15—20 коней удалось захватить цѣлый желѣзнодорожный поѣздъ за Люле-Бургасомъ и, приказавъ машинисту дать задній ходъ, привести его на станцію, занятую болгарами; эскадрону, высланному для развѣдки къ Родосто, еще болѣе посчастливилось.

Онъ, если вѣрить сообщеннымъ мнѣ офицерами штаба арміи свѣдѣніямъ, захватилъ въ порту Родосто два парохода подъ военнымъ флагомъ, ошвартованные у пристани и груженые войсковыми запасами.

Пароходы стояли съ потушенными огнями и не успѣли своевременно уйти въ море, а команда ихъ малочисленная и не вооруженная, не могла оказать сопротивленія.

Утромъ 26 октября мы выѣзжали изъ Визы въ Сарай.

Начальникъ штаба арміи, полковникъ Жостовъ, подъѣхалъ ко мнѣ и отъ лица командующаго арміей попросилъ ознакомить иностранныхъ корреспондентовъ съ официальнымъ документомъ о турецкихъ звѣрствахъ—рапортомъ генерала Христова о сожженныхъ турками селахъ Мехелинъ, Ювалія и Азбоа.

— Хорошо, я имъ переведу этотъ рапортъ по-французски.

— А не съѣздите ли вы съ ними въ Азбоа? Всего пять верстъ въ сторону. Успѣете засвѣтло догнать насъ въ Сараѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы — полковникъ фонъ Дрейеръ, я, два француза и два англичанина, наши ординарцы Пипевъ и Людскановъ и трое конниковъ изъ конвойнаго эскадрона уже сворачивали вправо, къ Азбоа.

На горизонтѣ еще дымились подожженныя турками при отступленіи села.

Въ богатой деревнѣ Азбоа было раньше около двухсотъ домовъ и свыше 800 жителей.

Голыя, обугленныя стѣны съ обвалившимися кровлями, опаленныя пожаромъ деревья и дымящіеся стога сѣна—все, что осталось отъ Азбоа. Пахло трупами и дымомъ.

Повсюду, въ домахъ и на дворахъ, валялись трупы женщинъ и мужчинъ, задушенные и посинѣлые, или застывшіе въ ужасныхъ конвульсіяхъ, съ огромными кровавыми ранами отъ турецкихъ штыковъ и ятагановъ.

На глиняной стѣнкѣ лежалъ трупикъ восьмимѣсячнаго младенца; изъ-подъ окровавленной тряпки жалко свѣшивались его пухленькія розовыя ножки.

Ординарецъ откинулъ покрывавшее ребенка рубище. Мы въ ужасѣ отшатнулись.

Вмѣсто головы — зіяла сплошная кровавая масса. Какой-то негодяй разбилъ грудному младенцу черепъ прикладомъ винтовки...

Повсюду валялись трупы заколотыхъ штыками свиней, и, жалобно воя, бродили по пепелищамъ собаки...

Въ развалинахъ одного дома мы нашли полуобнаженный трупъ молодой дѣвушки, съ русой косой, лѣтъ 16, не болѣе, очевидно задушенной послѣ неописуемыхъ истязаній...

Въ развалинахъ сгорѣвшей церкви, подъ обрушившейся кровлей было погребено до шестидесяти мужчинъ и женщинъ, по рукамъ и ногамъ скрученныхъ телефонной проволокой.

Турецкіе аскеры забавлялись, кидая связанныхъ людей въ огонь...

На обугленныхъ обломкахъ кое-гдѣ блестѣли бусы хрустальныхъ подвѣсокъ церковной люстры...

По пепелищу бродили оборванные, обезумѣвшіе отъ перенесеннаго ужаса, бѣглецы, начавшіе возвращаться на то мѣсто, гдѣ еще три дня тому назадъ беззаботно играли ихъ дѣти. Жутко было встрѣчаться съ остановившимся взоромъ подавленныхъ отчаяніемъ страдальцевъ, однимъ ударомъ судьбы потерявшихъ и семью и все имущество...

На окраинѣ села, въ придорожной канавѣ лежали полузабросанные землей и вѣтвями тутъ же нарубленныхъ кустовъ трупы наиболѣе зажиточныхъ поселянъ, разстрѣлянныхъ во время разгрома деревни...

А навстрѣчу намъ шли, безпомощно мотая головами и натыкаясь другъ на друга, ослѣпленныя лошади; изъ ихъ пустыхъ глазныхъ орбитъ еще текли тонкія струйки крови...

Турки выкололи имъ глаза...

И весь этотъ неописуемый кошмаръ, врѣзавшійся навсегда въ память тѣхъ, кто его видѣлъ, былъ совершенъ регулярнымъ батальономъ низама, а не „башибузуками“, на которыхъ турки любятъ сваливать отвѣтственность,—и этимъ батальономъ, номеръ и полкъ котораго установленъ показаніями плѣнныхъ, въ мирное время стоявшимъ въ Константинополѣ, до войны (а можетъ быть, и во время войны!) командовалъ германскій инструкторъ!

И когда мнѣ приходилось впослѣдствіи читать въ иностранныхъ газетахъ нападки на болгарскія войска, будто бы плохо обращающіяся съ плѣнными и мусульманскимъ населеніемъ, я не могъ удержать негодованія.

Передо мною невольно вставали, какъ живыя, картины видѣнныхъ въ Азбоа ужасовъ,—и рядомъ съ ними теплыя и свѣтлыя казармы, куда болгары помѣщали плѣнныхъ турокъ.

А для того, чтобы удобнѣе размѣстить плѣнныхъ, болгарамъ порою приходилось выводить изъ казармъ и ставить бивакомъ подъ дождь своихъ собственныхъ солдатъ... И все же германская и австрійская пресса осмѣливалась упрекать болгаръ въ отсутствіи у нихъ должной гуманности!

Верстахъ въ десяти къ юго-востоку отъ города Визы, на болотистой долинѣ, пересѣкаемой пятью или шестью топкими ручейками, былъ расположенъ рядъ биваковъ турецкой артиллеріи и обозовъ. Въ ночь съ 22 на 23-е передовые разъѣзды болгарской конницы, выдвинутые къ Визѣ, донесли штабу арміи, что они слышали въ этомъ направленіи учащенную ружейную и артиллерійскую стрѣльбу; между тѣмъ точно установлено, что ни одного разъѣзда не было выслано далѣе самого города.

Очевидно, что эта ночная стрѣльба была вызвана паникой; растерявшіеся обозные солдаты въ темнотѣ принимали другъ друга за противника; одинъ бивакъ обстрѣливалъ другой, казавшійся ему непріятельской частью; бросившаяся въ бѣгство артиллерія завязла въ болотахъ, обозныя повозки сталкивались въ топь, въ паникѣ каждый думалъ только о своемъ спасеніи, и, повинуясь стадному началу, пробивался впередъ по узкой грязной тропѣ, давя остальныхъ товарищей по несчастью.

Черезъ три дня мы проѣзжали по этой „долинѣ смерти“.

Цѣлыя площади съ полверсты длиной и шаговъ на двѣсти шириной были завалены трупами. Въ одномъ мѣстѣ до четырехсотъ труповъ окружали завязшій по

ступицы новенькій пассажирскій автомобиль, перевозившій тяжело раненыхъ. Изъ своей погребальной колесницы страдальцы съ перебитыми ногами и руками выбраться никакъ не могли, и смерть застигла ихъ въ самыхъ причудливыхъ положеніяхъ—высовывающимися изъ оконъ или безпомощно карабкающимися одинъ на другого...

Раскиданные по болоту трупы были наполовину засосаны грязью. Кое-гдѣ иногда поднималась голова раненой и безнадежно завязшей въ трясинѣ лошади, въ предсмертной судорогѣ вздрагивавшей всѣмъ тѣломъ, пытавшейся приподнять то ту, то другую ногу и умными, полными скорби, глазами напрасно молившей проѣзжавшихъ мимо людей о помощи...

Трупы аскеровъ въ синихъ мундирахъ или коричневыхъ курткахъ хаки висѣли на колючихъ кустарникахъ, окаймлявшихъ болото, валялись подъ колесами поломанныхъ телѣгъ, изуродованные до-нельзя проѣхавшими по ихъ головамъ тяжело груженными повозками.

По вонючей грязи бѣлѣла тонкая змѣйка телеграфной ленты, а у разбитой двуколки лежалъ чистенькій, блестящій мѣдными частями аппаратъ.

У коновязей съ перерубленными канатами были брошены сѣдла, водопойныя ведра, походныя кровати, офицерскіе чемоданы, наклонившіеся на сторону конические шатры и великое множество всякаго хлама, покинутаго впопыхахъ.

Около восьми скорострѣльныхъ орудій раздѣлили общую участь, уйдя по дула пушекъ въ трясину. Ѣздовые ускакали на лошадяхъ, перерубивъ постромки, и двѣ щитовыхъ батареи увеличили число болгарскихъ трофеевъ...

По дорогѣ отъ Визы до Сарая, сплошь усѣянной трупами, мы подсчитали около двухъ тысячъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ людей и свыше тысячи лошадей и буйволовъ. Ихъ некому было хоронить,—окре-

стное населеніе разбѣжалось, и только раненыя лошади хромая бродили по „долинѣ смерти“, стараясь найти себѣ пропитаніе въ раскинувшихся по болоту чахлыхъ пожелтѣвшихъ кустарникахъ.

Нѣсколько мародеровъ, трусливо прятавшихся за кусты отъ проѣзжающихъ всадниковъ, рылись въ брошенныхъ чемоданахъ, распарывая ихъ ножами; какія-то женщины волочили обвязанную веревками охапку шанцевыхъ лопатъ и мотыгъ, подобранныхъ по дорогѣ, а въ буро-желтой мутной лужѣ застоявшейся болотной воды, гдѣ гнили трупы лошадей, мылось снятое съ турецкихъ солдатъ бѣлье, и на дышлѣ поломанной телѣги сущились ихъ рубахи и шинели...

Тлѣніемъ вѣяло отъ сотенъ раскиданныхъ по полю труповъ, порою буквально преграждавшихъ намъ путь,—а всего только въ двухъ верстахъ къ сѣверу, параллельно этой тропѣ, пролегала по подножію каменистаго хребта отлично укатанная сухая дорога, которую охваченные паническимъ страхомъ, словно стадо обезумѣвшихъ отъ ужаса дикихъ животныхъ, прижавшіеся другъ къ другу, ослѣпленные люди забыли или не сумѣли воспользоваться...

Въ грязномъ до-нельзя городкѣ Сараѣ мы имѣли дневку. Отступавшіе турки успѣли только разграбить магазины, а дома остались неповрежденными. Двухдневная стоянка турецкихъ войскъ на этомъ пунктѣ давала себя знать, и ради санитарныхъ соображеній намъ пришлось возможно скорѣе покинуть загаженный городокъ и перейти въ Странджу.

Затерянная въ лѣсистыхъ хребтахъ Странджинскихъ горъ, маленькая Странджа отличается высокимъ процентомъ красивыхъ женщинъ-гречанокъ и рѣдкой запущенностью своихъ кривыхъ и узкихъ переулковъ, почему-то вымощенныхъ полуаршинными булыжниками, ничѣмъ между собою не связанными.

Но событія развертывались такимъ скорымъ тем-

помъ, что намъ нельзя было долго оставаться въ дебряхъ Странджинскихъ горъ, и тридцатаго октября мы выступили въ маленькую деревушку Ерменикіой, расположенную неподалеку отъ послѣдней преграды на пути къ Константинополю — Чаталджинской оборонительной линіи.

Извилистая горная тропа то выводила насъ къ желѣзной дорогѣ, то касалась знаменитой въ исторіи Аѳанасіевой стѣны, служившей Византіи оплотомъ отъ сѣверныхъ варваровъ, то терялась въ безбрежномъ хаосѣ горъ, покрытыхъ на склонахъ частымъ колючимъ кустарникомъ. Кое-гдѣ попадались трупы турокъ, зарубленныхъ преслѣдовавшей ихъ конницей.

Къ вечеру, когда мы стали на бивакъ, и вокругъ насъ запылали ласкающіе взоръ огни бивачныхъ костровъ, подулъ теплый южный вѣтеръ, пронесшійся надъ недалекими Босфоромъ и Царьградомъ, а надъ темными силуэтами неподвижныхъ хребтовъ, похожихъ на гигантскія ящерицы, пытливо зарѣяли въ ночной тьмѣ свѣтовые лучи электрическихъ прожекторовъ.

Это притаившіяся батареи и редуты Чаталджинской линіи зорко и бдительно высматривали въ кустарникахъ прилегающаго къ нимъ горнаго лабиринта, — не подбирается ли уже по нимъ къ турецкимъ позиціямъ отважный и предпріимчивый противникъ...

XIII.

Въ ожиданіи Чаталджинскаго боя. Общее положеніе. Настроеніе войскъ.

Двигаясь вслѣдъ за отступающими турецкими войсками, авангарды третьей и первой армій 27 октября дошли до линіи Чаталджа—Уклалы—Тарфа—Ормалы, гдѣ и остановились.

Передъ ними, всего въ пяти-шести верстахъ, на высотахъ южнѣе озера Деркоса, и на хребтѣ, окаймляющемъ съ востока долину рѣки Кара-су, были расположены въ нѣсколько рядовъ сильно укрѣпленныя позиціи, составляющія Чаталджинскую оборонительную линію.

Задолго до русско-турецкой войны 1877—78 гг. турки обратили особое вниманіе на оборону Константинополя съ суши. По проекту бельгійскаго генерала Бріальмона, выдающагося авторитета по инженернымъ вопросамъ, были построены въ узкости между озеромъ Деркосомъ и озеромъ Бююкъ-Чекмедже три долговременныхъ форта; недоконченныя Бріальмономъ укрѣпленія были дополнены австрійскимъ инженеромъ Блумъ-пашою, расположившимъ въ двѣ линіи 27 фортовъ и батарей.

Въ послѣднюю минуту, готовясь къ войнѣ съ Болгаріей, турки усилили позицію шестнадцатью полевыми

укрѣпленіями; восемь редутовъ, снабженныхъ проволочными загражденіями, были (см. планъ Чаталджинской укрѣпл. позиціи) выдвинуты впередъ, на хребты южнѣе озера Деркоса; на нихъ направлялась въ бою 4—5 ноября главная атака третьей арміи.

Восемь другихъ редутовъ были возведены за озеромъ Бююкъ-Чекмедже, на высотахъ отъ Хадемъ-кіоя до берега Мраморнаго моря, составляя тыловую оборонительную линію.

Всѣ форты Чаталджинской укрѣпленной линіи замкнуты, округленнаго начертанія, сильной профили и расчитаны на четыре дальнобойныхъ орудія и двѣ роты гарнизона; они усилены фугасами и проволочными загражденіями и внутренней обороной рвовъ; на нѣкоторыхъ фортахъ и батареяхъ имѣются бронекупольныя и скрывающіяся орудійныя установки и автоматическая подача снарядовъ изъ бетонированныхъ казематовъ.

Заключеніе мира съ Италіей позволило туркамъ доставить на чаталджинскія позиціи часть береговыхъ орудій съ Дарданельскихъ батарей и сильные электрическіе прожекторы, а добрососѣдское отношеніе Россіи—значительную часть артиллерійскаго вооруженія батарей Босфора и лучшія изъ крѣпостныхъ орудій и почти весь комплектъ снарядовъ крѣпости Эрзерума.

Всѣ укрѣпленія снабжены казематами для гарнизона и бетонными погребами, соединены телеграфомъ и телефономъ и связаны между собой укрытыми отъ наблюденія и обстрѣла ходами сообщенія.

Фронтъ укрѣпленной позиціи занимаетъ пространство около 25 верстъ между озерами Деркосъ и Бююкъ-Чекмедже; кромѣ того, близъ мыса Карабурунъ и города Чекмедже возведены форты, обстрѣливающіе прибрежные подступы.

Глубина береговъ Чернаго и Мраморнаго морей близь озера Деркоса и залива Чекмедже позволяла

турецкому военному флоту содѣйствовать оборонѣ чаталджинской линіи анфиладнымъ артиллерійскимъ огнемъ съ самаго близкаго разстоянія.

Близость Константинополя и связь съ нимъ желѣзной дорогой и двумя шоссе-береговымъ и чаталджинскимъ—давали возможность туркамъ пополнять убыль въ людяхъ и снарядахъ, базируясь на надежно обезпеченную запасами столицу.

Передъ фронтомъ Чаталджинской позиціи лежитъ совершенно открытая долина рѣки Кара-су; часть ея, отъ Лазаръ-кіоя до селенія Уклалы, еще немного маскируется кустарниками и мелкими складками мѣстности,—но отъ Уржуню и Уклалы до самаго берега Бююкъ - Чекмеджійскаго озера она расширяется и обращается въ идеально выглаженную равнину, частью болотистую, по которой раскинуты рѣдкія деревушки. Эта южная часть долины превосходно наблюдается и обстрѣливается съ фортовъ Караколъ-нокта, Бахчеишъ-табія и между ними расположенныхъ батарей и редутовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ анфилируется огнемъ судовъ военнаго флота, стоящихъ въ Чекмеджійскомъ заливѣ.

Общій резервъ турокъ располагался въ укрытыхъ лощинахъ близъ селенія Ясойренъ, а Главная квартира турецкой арміи находилась на станціи Хадемъ-кіой.

Опредѣлить численность войскъ обороняющагося—задача крайне трудная; нѣкоторыя соображенія—близость Константинополя, двѣ или три недѣли продолжавшаяся усиленная перевозка редифовъ изъ Малой Азіи и т. п. подсказываютъ, что подъ Чаталджей находилось къ началу боя никакъ не менѣе 120.000 турецкихъ войскъ, причемъ деморализованные предшествовавшими пораженіями остатки восточной арміи Махмудъ-Мухтара были отведены на тыловыя позиціи, за станцію Хадемъ-кіой; хлынувшее вслѣдъ за ними мусульманское населеніе всей Ѳракіи не было допущено въ Константинополь и расположилось въ его окрестностяхъ лагеремъ.

Никогда деморализація оттоманскихъ войскъ не достигала такого высокаго предѣла, какъ подъ стѣнами самой столицы; высшее военное начальство было окончательно дискредитировано въ глазахъ подчиненныхъ, открыто упрекавшихъ своихъ мушировъ и пашей въ трусости и даже измѣнѣ; холера и брюшной тифъ вырывали тысячи жертвъ изъ рядовъ и безъ того обезсиленной и павшей духомъ арміи.

Бывали дни, когда въ турецкой арміи подъ Чаталджей умирало по 3.000 человѣкъ, и трупы ихъ цѣлыми грудами сваливались въ огромныя могилы за Хадемъ-кіоемъ.

Но Чаталджинская укрѣпленная позиція сама по себѣ представляла въ высшей степени серьезную оборонительную линію.

За такой преградой даже разстроенныя турецкія войска могли надѣяться надолго задержать стремительный натискъ соединившихся подъ Чаталджей войскъ первой арміи генерала Кутинчева и третьей—генерала Радко Димитріева.

Справедливость требуетъ признать, что и болгарскія войска въ моментъ прибытія ихъ къ Чаталджѣ находились, несмотря на высокій ихъ нравственный подъемъ, далеко не въ блестящемъ состояніи.

Непрерывные форсированные переходы въ 30—50 верстъ по непролазной грязи турецкихъ проселковъ заставили отстать всѣ обозы и артиллерійскіе парки; переутомленія и лишенія довели процентъ больныхъ въ нѣкоторыхъ полкахъ (особенно въ четвертомъ) до третьей части наличнаго состава; турки при отступленіи бросали трупы холерныхъ въ колодцы, отравляя ими воду; медицинская помощь была недостаточна, вѣрнѣе, совсѣмъ отсутствовала, и въ войскахъ появились не только дизентерія, но и грозные признаки опаснѣйшей эпидеміи—холеры.

При такихъ условіяхъ генералъ Радко Димитріевъ

не могъ, и не долженъ былъ, немедленно атаковать Чаталджинскую позицію, не подведя резервовъ, не подтянувъ завязшихъ въ грязи артиллерійскихъ парковъ и обозовъ и не давъ войскамъ необходимаго отдыха.

Правда, въ то же время каждый день промедленія помогалъ и туркамъ усиливать свои позиціи и организовывать пришедшія въ безпорядокъ части.

Штабъ-квартира третьей арміи была перенесена въ село Ерменикіой, почти за центромъ расположенія войскъ; штабъ первой арміи сталъ ближе къ правому флангу, въ Кадынкіоѣ.

Третья армія усилилась къ этому времени прибывшими къ ней изъ линіи адріанопольскаго обложенія третьей дивизіей генерала Сарафова и двумя бригадами девятой дивизіи генерала Сиракова (одна ея бригада осталась подъ Адріанополемъ); въ составъ первой арміи перешла шестая дивизія генерала Тенева, ранѣе состоявшая въ третьей арміи.

Всего подъ Чаталджей, въ распоряженіи генералъ-адъютанта Радко Димитріева, находилось 88 батальоновъ третьей арміи и 48 батальоновъ первой=136 батальоновъ, или 125.000 штыковъ при 104 скорострѣльныхъ пушкахъ и гаубицахъ и 104 поршневыхъ орудіяхъ, т.-е. *наступающій былъ равенъ силами обороняющемуся, занимавшему долговременно укрѣпленную позицію, уступая ему въ калибрѣ артиллеріи (только полевая).*

Знойный, чисто лѣтній день. Радуясь теплу и солнцу, солдатики весело плещутся въ горной рѣчкѣ, стирая бѣлье, моютъ запыленныхъ коней, усталыхъ отъ безпрестанныхъ переходовъ, и нѣжатся на молодой травѣ свѣжихъ зеленыхъ лужаекъ.

Чаталджинскія батареи молчатъ. До рѣшительнаго боя еще далеко—надо закончить сосредоточеніе войскъ, подвезти сотни тысячъ артиллерійскихъ снарядовъ и

милліоны ружейныхъ патроновъ, надо подтянуть отставшіе обозы, прорубить въ густомъ кустарникѣ, окутывающемъ сплошной лабиринтъ крутыхъ горъ, удобныя для артиллеріи дороги и установить, выражаясь технически, „связь по фронту и въ тылъ“.

На позиціяхъ кипитъ работа. Подъ прикрытіемъ выдвинутаго впередъ сторожевого охраненія пѣхота строитъ окопы для укрытія резервовъ, саперы рубятъ кустарникъ, телеграфисты протягиваютъ провода отъ одной войсковой части къ другой и связываютъ „мозгъ“ арміи, ея штабъ, съ „мускулами“ — войсками цѣлой сѣтью двигательныхъ нервовъ, невидимыхъ въ колючихъ зарослях.

Въ штабѣ арміи также не сидятъ безъ дѣла. Съ пяти часовъ утра самъ командующій уже на ногахъ. Еще почти темно, солнце едва-едва поднимается надъ окружающими нашу деревушку горами, когда всѣ офицеры, съ начальникомъ штаба во главѣ, собираются къ утреннему чаю и незатѣйливой закускѣ,—куску овечьяго сыра и ломтю солдатскаго хлѣба.

Съ семи часовъ утра во всѣхъ этажахъ занятаго штабомъ помѣщичьяго дома уже начинается дружная работа,—сводятся полученныя за ночь донесенія, составляются приказанія по войскамъ, организуется служба связи и довольствія. До глубокой ночи не прекращается стукъ пишущихъ машинокъ, и углубившіеся въ изученіе карты офицеры размѣчаютъ цвѣтными карандашами направленіе колоннъ и расположеніе войсковыхъ частей.

Нѣкоторое оживленіе въ монотонное однообразіе штабной жизни внесло только прибытіе группы русскихъ добровольцевъ. Пріѣхалъ казачій подъесаулъ Полковниковъ, окончившій военную академію, и съ нимъ цѣлый эскадронъ лицъ самыхъ различныхъ профессій,—студентъ изъ Парижа, избалованный маменькинъ сынокъ съ безукоризненнымъ проборомъ и поли-

рованными ногтями, какой-то солидной внѣшности оперный артистъ изъ Милана, отставной морякъ среднихъ лѣтъ, дебютировавшій предъявленіемъ В. И. Немировичу-Данченко незаклееннаго рекомендательнаго письма отъ вовсе неизвѣстной ему „мамы“, просившей „поберечь ея сына“, за котораго она будетъ молить Бога...

Вообще, кромѣ молодца-подъесаула, немедленно отправившагося въ строй, всѣ остальные волонтеры только вызвали своимъ прибытіемъ искреннее недоумѣніе штаба арміи. Любезные офицеры не могли отказать „добровольцамъ“ въ пріемѣ, облекли ихъ въ мундиры, выдали имъ коней и оружіе, безъ всякой пользы для себя лишивъ немногочисленную кавалерію десятка лошадей и нѣсколькихъ ординарцевъ, безъ которыхъ и маменькинъ сынокъ, на первой же верстѣ отъ селенія снявшій винтовку подъ предлогомъ, что она натираетъ ему плечо, и оперный теноръ, въ жизни своей близко не подходившій къ живымъ лошадямъ, были безпомощнѣе грудныхъ младенцевъ.

Утромъ перваго ноября мы выѣхали съ нашими ординарцами на передовыя позиціи четвертой дивизіи. Дорога то поднималась на крутые лѣсистые перевалы, то спускалась въ полутемныя лощины, гдѣ пахло прѣлой землей и дубовыми листьями. Артиллеристы съ гиканьемъ и рѣзкимъ щелканьемъ нагаекъ вытаскивали изъ глубокихъ промоинъ тяжелыя орудія, цѣплявшіяся за кустарникъ, упорно выпиравшій на узкую дорогу.

Разбросавшееся по долинѣ большое греческое село Акаланъ было со всѣхъ сторонъ окружено войсковыми биваками. Тѣсными рядами вытянулись коновязи, выровнялись окрашенныя въ сѣрый цвѣтъ щитовыя батареи, хлопотали у дымящихся костровъ кашевары и длинными вереницами тянулись къ водопою мимо раскинутыхъ по горѣ палатокъ разномастные кони.

Въ штабѣ высланной въ авангардъ бригады насъ ожидалъ самый радушный пріемъ. Бригадный коман-

диръ только что собирался выѣхать со своимъ начальникомъ штаба для осмотра позицій, и во дворѣ уже ржали и рыли копытами землю осѣдланныя лошади.

Мы присоединились къ офицерамъ и стали медленно взбираться по скользкому отъ завалившихъ дорогу камней подъему на высокую гору.

Перевязочный пунктъ расположился въ лощинѣ на половинѣ пути. Батальонъ пѣхоты, составивъ ружья въ козлы, кирками и мотыгами разрыхлялъ каменистую почву на мѣстѣ будущихъ окоповъ.

Около самой вершины бѣлѣли палатки девятнадцатаго полка, отличившагося въ бояхъ подъ Лозенградомъ и Бунаръ-Гиссаромъ.

Съ перевала, занятаго полковымъ бивакомъ, раскрывался прекрасный видъ на зеленѣющія горы, вдали окаймленныя бирюзовыми водами Чернаго моря,—но панорама, развернувшаяся передъ нами съ высоты, на которую мы наконецъ поднялись, была поистинѣ великолѣпна.

Съ наблюдательнаго пункта были видны вынесенные впередъ форты центральнаго участка чаталджинской линіи, извилины проселочныхъ дорогъ, красныя черепичныя кровли деревень и среди нихъ — островерхіе бѣлые минареты мечетей. Въ бинокль отчетливо можно было наблюдать, какъ между отдѣльными укрѣпленіями двигались обозы, у подошвы горы шныряли разъѣзды турецкой конницы, а по густымъ зарослямъ кустарниковъ пробирались отходившія на главную позицію рѣдкія пѣхотныя цѣпи.

Свѣжіе брустверы новыхъ редутовъ желтѣли на однообразномъ зеленомъ фонѣ, несмотря на скрывавшую ихъ маскировку изъ воткнутыхъ въ землю вѣтвей.

Далеко влѣво блестѣли на солнцѣ, искрясь и переливаясь, черноморскія волны, окаймленныя сѣрожелтыми дюнами, и къ самой подошвѣ горы подходило

испещренное отмелями озеро Деркосъ съ его глубоко врѣзавшимися въ материкъ заливами...

Если бы не занесенная въ мою полевую книжку дата—первое ноября,—можно было подумать, что лѣто еще не успѣло уступить мѣсто осени: такъ пригрѣвало южное солнце, беззаботно чирикали въ кустарникѣ пташки, и безупречно чистъ былъ лазоревый небосводъ...

На обратномъ пути насъ угостили отличнымъ обѣдомъ въ штабѣ расположеннаго подъ горою полка, и за бокаломъ лозенградскаго краснаго вина гостепріимные хозяева вспомнили о далекой Россіи и русской арміи, тридцать пять лѣтъ тому назадъ прошедшей черезъ Чаталджу.

— Будемъ ли мы счастливѣе васъ, русскихъ,—или намъ не суждено вступить въ завѣтныя врата Царьграда,—задумчиво проговорилъ полковой командиръ...

И въ отвѣтъ на его слова тяжело бухнули орудія чаталджинскихъ батарей, и гулъ ихъ прокатился, повторяемый эхомъ, по горнымъ ущельямъ. И снова стало тихо вокругъ.

По дорогамъ подползали къ позиціямъ артиллерійскіе парки, подтягивались санитарные транспорты, подходили все новыя и новыя войсковыя части, и въ вечерней тишинѣ слышался лязгъ о камни желѣзныхъ мотыгъ и лопатъ,—обѣ стороны усердно готовились къ назрѣвающему рѣшительному бою.

XIV.

Бой 4—5 ноября подъ Чаталджей.

Весь періодъ съ двадцать шестого октября и по третье ноября прошелъ во взаимныхъ приготовленіяхъ къ рѣшительному бою. Болгарскія войска устанавливали свои батареи на маскированныхъ позиціяхъ вдоль горныхъ хребтовъ, господствующихъ надъ долиной рѣки Кара-су; турки изрѣдка пускали одну-двѣ гранаты и пассивно ожидали атаки.

Третьяго ноября я бесѣдовалъ съ начальникомъ штаба третьей арміи, полковникомъ Жостовымъ, и вынесъ глубокое убѣжденіе, что командующій соединенными подъ Чаталджей войсками первой и третьей армій, генералъ Радко Димитріевъ, будетъ наступать методично, закрѣпляя каждую взятую съ боя пядь земли окопами, подготовляя атаку энергичнымъ бомбардированіемъ, а въ необходимыхъ случаяхъ примѣняя даже саперныя и подрывныя работы.

Этого требовала и обстановка, и указанія военной науки.

Узкій фронтъ позиціи, которую предстояло атаковать, прекрасный обзоръ и обстрѣлъ съ нея, сильныя укрѣпленія и надежное обезпеченіе фланговъ—всѣ эти данныя ставили атакующаго въ крайне затруднительное положеніе, исключая всякую возможность маневрированія или скрытаго подступа. Предстояла труднѣйшая изъ атакъ—лобовая, по открытому, идеально обстрѣливаемому пространству...

Болгарскія войска насчитывали къ 3-му ноября до 125.000 штыковъ при 210 орудіяхъ (полевыхъ, а не осадныхъ) [3-я армія=3-ья, 4-ая и 5-ая пѣх. дивизіи (по 24 бат.) и 2 бригады 9-ой пѣх. дивизіи (16 бат.)=88 батальоновъ; 1-я армія=6-ая, 1-ая и 10-ая пѣх. дивизіи (по 16 бат.)=48 бат-въ; всего=136 бат-въ по 900 штыковъ приблизительно]. Подчеркиваю, что силы наступающаго были равны по числу штыковъ силамъ обороняющагося, занимавшаго идеальную по обороноспособности укрѣпленную позицію.

Но артиллерія осаждающаго была крайне слаба качественно, по калибру; полевой пушкѣ и гаубицѣ не подъ силу было состязаться съ крѣпостными орудіями чаталджинскихъ батарей, усиленныхъ артиллеріей, доставленной изъ укрѣпленій проливовъ Дарданеллъ и Босфора, и надежно подготовить рѣшительный ударъ своей пѣхоты она абсолютна не могла.

Поэтому генералъ Димитріевъ отнюдь не былъ намѣренъ форсировать естественный ходъ событій. Онъ предполагалъ методично продвигаться впередъ, оберегая свои войска отъ безполезныхъ потерь, выжидать прибытія осадныхъ батарей, уже вызванныхъ изъ линіи адріанопольскаго обложенія, и лишь послѣ дѣйствительной артиллерійской подготовки рѣшиться на штурмъ передовой линіи чаталджинскихъ укрѣпленій.

Къ вечеру третьяго числа болгарскіе авангарды вступили въ перестрѣлку со сторожевыми цѣпями турокъ, а батареи заняли свои позиціи. Войска бивакировали въ полной готовности на своихъ боевыхъ участкахъ. Турки усилили гарнизоны передовой укрѣпленной линіи изъ семи редутовъ, выдвинутыхъ на высоты южнѣе озера Деркоса.

Настала ночь, но никто почти не спалъ, готовясь къ рѣшительному бою. Яркіе лучи электрическихъ прожекторовъ непрерывно освѣщали всѣ подступы къ турецкимъ позиціямъ.

— Черезъ недѣлю мы будемъ въ Царьградѣ!—говорили мнѣ чрезвычайно оптимистично настроенные офицеры штаба арміи,

Но въ ночь съ третьяго на четвертое ноября къ болгарскимъ войскамъ пріѣхалъ изъ Главной квартиры помощникъ главнокомандующаго, генералъ Саввовъ. Зачѣмъ онъ пріѣхалъ подъ Чаталджу, этого никто не зналъ, кромѣ генерала Димитріева.

Высшее командованіе войсками осталось въ рукахъ генерала Радко Димитріева, сохранившаго, кромѣ того, за собою и командованіе третьей арміей.

Но старшій въ чинѣ и по положенію, генералъ Саввовъ могъ „подавать ему совѣты“. Эти то совѣты и подорвали блестяще начатое дѣло.

Генералъ Саввовъ—вотъ кто является „злымъ геніемъ“ Чаталджи и главнымъ виновникомъ внезапно постигшей болгарское оружіе неудачи.

Онъ не хотѣлъ принимать на себя отвѣтственности въ случаѣ неуспѣха.

Но былъ не прочь увѣнчать себя лаврами побѣдителя въ случаѣ успѣха,

Совѣтуя,—онъ не командовалъ; присутствуя,—не руководилъ.

И проигравъ, благодаря своимъ „совѣтамъ“, сраженіе, невозмутимо уѣхалъ въ Главную квартиру въ Лозенградъ, оставивъ героя лозенградскаго и пятидневнаго боевъ, славнаго Радко Димитріева, близкимъ къ самоубійству,—потому что имъ было, отнюдь не по своей винѣ и волѣ, безполезно принесено въ жертву ослѣпленному честолюбію свыше десяти тысячъ жизней, а близкое паденіе Царьграда—стало почти несбыточной мечтой...

На разсвѣтѣ четвертаго ноября заговорили орудія болгарскихъ и турецкихъ батарей. Порою гулъ ихъ сливался нестройными залпами, заставляя дрожать

стекла въ далекомъ Ерменикіоѣ, гдѣ расположился штабъ третьей арміи.

Въ восемь часовъ утра генералы Саввовъ и Димитріевъ, пристроившійся къ нимъ личный секретарь царя Фердинанда Чопрашиковъ и офицеры штаба арміи выѣхали на высоту впереди села Акаланъ, откуда одновременно видны и Черное море съ глубоко врѣзавшимся къ горный лабиринтъ озеромъ Деркосъ, и воды Бююкъ-Чекмедже, отдѣленныя только узенькой перемычкой отъ Мраморнаго моря.

Черезъ нѣсколько минутъ, ради соблюденія декорума, за ними послѣдовала небольшая группа корреспондентовъ — два француза, два англичанина и трое русскихъ.

„Triple entente“,—какъ острили иностранцы.

Никого больше изъ корреспондентовъ болгарскія власти на Чаталджу не допустили.

Два часа ѣзды рысью и шагомъ по горной тропѣ, наскоро исправленной саперами, и, минуя войсковые биваки, безчисленные обозы и переполненное госпиталями село Акаланъ съ кое-какъ лѣпящимися по обрывистому скату домами, мы поднимаемся на крутую гору.

Внизу выровнены лазаретныя линейки и около нихъ врачъ и два санитара перевязываютъ первыхъ раненыхъ; издали тянутся, съ трудомъ пробираясь черезъ кустарникъ, носилки, на которыхъ лежитъ майоръ четвертаго полка, укутанный шинелью; цѣлая вереница раненыхъ бредетъ по извилистой тропинкѣ, опираясь на ружья; у кого забинтована голова, у кого покраснѣвшей отъ выступившей крови тряпкой обвязана рука, у кого нога обмотана окровавленными бинтами,— а онъ еще находитъ силы безъ посторонней помощи тащиться до санитарныхъ повозокъ.

И далеко позади прыгаетъ на одной ногѣ, упираясь прикладомъ винтовки въ еще сырую отъ ночной росы землю, отставшій отъ товарищей по несчастью старикъ

запасный, у котораго шрапнельная пуля перебила правую ногу. За спиной на веревочкѣ привязанъ сапогъ; усталостью и страданьемъ искажено его лицо,—и скачокъ за скачкомъ продолжаетъ онъ прыгать по взбирающейся въ гору каменистой тропѣ, прыгать цѣлыхъ пять верстъ, отдѣляющихъ цѣпь, гдѣ его ранили (у Чинакче), отъ лазаретныхъ линеекъ...

Подъ прикрытіемъ гребня, поросшаго кустарникомъ, спѣшился эскадронъ, состоящій при штабѣ арміи; мы оставляемъ коней ординарцамъ и поднимаемся на высоту.

Около палатки телеграфной станціи, связывающей штабъ третьей арміи съ ея дивизіями, первой арміей и тыломъ, что-то записываютъ причисленные къ генеральному штабу офицеры; въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ впереди среди кустарниковъ видны красныя фуражки—это генералы Саввовъ и Радко Димитріевъ, окруженные штабными офицерами и ординарцами, наблюдаютъ за уже начавшимся наступленіемъ болгарской пѣхоты.

У самаго почти берега Деркосскаго озера горятъ, какъ гигантскіе костры, подожженныя турецкими гранатами деревни, покинутыя разбѣжавшимся населеніемъ; ясно видны темные столбы земли и густого чернаго дыма, поднимаемые падающими около нихъ бризантными бомбами.

По долинѣ рѣки Карасу наступаетъ къ селу Лазаръ-кіой пятая пѣхотная дивизія генерала Христова, героя Бунаръ-Гиссарскаго боя.

Генералу Христову дана задача продвинуться къ редутамъ первому и второму, лежащими надъ Лазаръ-кіоемъ, и окопаться на недалекомъ отъ нихъ разстояніи.

Въ поддержку его наступленія батареи, расположенныя на высотахъ впереди Софаса, громятъ турокъ.

Бѣлыми клубами дыма съ искрой огня посреди нѣ рвутся шрапнели надъ продвигающимися впередъ цѣпями пятой дивизіи.

Только перебѣгающія по одиночкѣ на сто-полтораста шаговъ черныя фигурки, отсюда кажущіяся меньше булавочной головки, указываютъ на передвиженіе стрѣлковыхъ цѣпей; поддержекъ и резервовъ абсолютно не видно—они переползаютъ, укрываясь въ малѣйшихъ складкахъ мѣстности, по придорожнымъ канавамъ, кустарникамъ, еле замѣтнымъ для глаза лощинкамъ, все ближе и ближе къ линіи передовыхъ турецкихъ редутовъ.

Шрапнели продолжаютъ рваться надъ ихъ головами, и къ нимъ присоединяются гранаты,—очевидно, турки почуяли опасность и сосредоточили по наступающей пѣхотѣ перекрестный огонь своихъ правофланговыхъ батарей отъ Делю-Юнуса и до Буянлы.

Я вижу въ бинокль, какъ нѣсколько гранатъ падаетъ въ занятый резервомъ кустарникъ, и какъ, по приказанію офицера, шеренги быстро размыкаются шаговъ на десять между собою и по фронту, во избѣжаніе напрасныхъ потерь.

Но вниманіе мое отвлекается къ правому флангу усиленнымъ артиллерійскимъ огнемъ и глухими, тягучими ударами морскихъ орудій.

Вся равнина между станціей Чаталджа и селеніями Папасъ-Бургасъ, съ одной стороны, и Езетинъ — съ другой, буквально кипитъ отъ множества одновременно взрывающихся гранатъ тяжелыхъ крѣпостныхъ и морскихъ орудій: кажется, что идетъ крупный дождь, и на поверхности огромной лужи булькаютъ сплошь ее покрывающіе пузыри...

Красивое зрѣлище, но сердце сжимается при мысли, что чувствуютъ многострадальныя войска, попавшія въ этотъ адъ!

На правомъ флангѣ, отъ селенія Езетинъ и до берега Мраморнаго моря, повели энергичное наступленіе три дивизіи первой арміи генерала Кутинчева—шестая, генерала Тенева, — направляясь на участокъ турецкой

позиціи отъ форта Караколъ-нокта и до форта Махмудіе, правѣе ея первая дивизія Тошева и десятая дивизія Бражеринова, часть своихъ силъ держа въ резервѣ.

Кавалерійская дивизія генерала Назлымова стала у селенія Авренъ.

Войскамъ первой арміи приходится наступать въ самой неблагопріятной обстановкѣ — на совершенно открытой равнинѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ закрытій ни для цѣпей, ни для резервовъ, подъ непрерывнымъ наблюденіемъ и перекрестнымъ обстрѣломъ со стороны прекрасно окопавшагося на высотахъ противника. Кромѣ того, находящійся въ заливѣ Бююкъ-Чекмедже турецкій флотъ, — два броненосца и три крейсера,— поражаетъ войска праваго фланга продольнымъ огнемъ бризантныхъ гранатъ, и намъ видны съ наблюдательнаго пункта блески выстрѣловъ и сплошная пелена дыма рвущихся снарядовъ.

Войскамъ генерала Кутинчева приходилось усиленно окапываться, дабы хоть немного укрыться отъ губительнаго перекрестнаго и анфиладнаго огня.

Когда я послѣ боя объѣзжалъ правый флангъ болгарскаго расположенія, вся равнина была густо покрыта избороздившими ее стрѣлковыми и орудійными окопами, ходами сообщенія и укрытіями для резервовъ.

Несмотря на огонь артиллеріи, пулеметовъ и пѣхоты противника, части первой арміи медленно, но безостановочно продвигались впередъ. Великолѣпно было наступленіе третьяго пѣхотнаго полка подъ сосредоточеннымъ по нему съ форта Караколъ-нокта и группы редутовъ Хамидіе перекрестнымъ шрапнельнымъ огнемъ. Полкъ несъ колоссальныя потери, но продолжалъ неуклонно идти впередъ, хотя цѣпи его при каждой перебѣжкѣ все рѣдѣли и рѣдѣли...

Въ девять часовъ утра войска пятой дивизіи заняли оставленное передовыми частями турокъ селеніе Лазаръ-кіой; наступавшія правѣе ихъ стрѣлковыя цѣпи

девятой и четвертой дивизіи начали понемногу, подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, продвигаться впередъ, къ расположеннымъ на высотахъ противъ Чинакче и Кестеника редутамъ, — но за дальностью разстоянія потеряли огневую поддержку своихъ батарей, не имѣвшихъ никакой возможности перемѣнить позиціи, вынуждены были пріостановить наступленіе до вечера и окопаться въ верстѣ отъ редутовъ № 1 и 2.

Около полудня на горизонтѣ Чернаго моря показались дымки военныхъ судовъ турецкаго флота, и скоро на лѣвый флангъ третьей пѣхотной дивизіи, расположенной отъ берега моря до селенія Лазаръ-кіой, понеслись тяжелыя бризантныя гранаты съ этихъ плавучихъ батарей.

Гаубицы третьей дивизіи были немедленно выдвинуты на заранѣе намѣченныя позиціи и вступили въ состязаніе съ канонерками.

Артиллерійская дуэль продолжалась по всему фронту, то усиливаясь, то временно замирая, и тогда яснѣе слышалась трескотня ружейной перестрѣлки и рѣзкое татаканье пулеметовъ.

Порою горные хребты буквально окутывались клубами дыма отъ множества одновременно разрывающихся шрапнелей, и короткіе трески ихъ разрывовъ сливались въ общій гулъ.

Турки ежеминутно посылали сотни шрапнелей и гранатъ по всѣмъ направленіямъ. Снаряды ихъ рвались то надъ батареями, не причиняя особаго вреда надежно укрывшейся за окопами и орудійными щитами прислугѣ, то залетали въ лощины, поднимая столбы дыма среди оставленныхъ ушедшими впередъ частями биваковъ.

Наоборотъ, болгарскія батареи стрѣляли чрезвычайно рѣдко, видимо экономя снаряды.

Я высчиталъ, по впереди насъ расположенной гаубичной батареѣ, что въ часъ выпускается въ среднемъ по 10—12 снарядовъ на орудіе!

Стоя на высотѣ и наблюдая за общимъ ходомъ боя, я невольно переносился мыслью назадъ, на манчжурскія поля. Мнѣ не вѣрилось, что „мы“ атакуемъ: такъ интенсивенъ былъ огонь обороняющагося и такъ вялъ огонь болгарскихъ батарей.

Я подошелъ къ полковнику генеральнаго штаба и выразилъ ему мое мнѣніе:

— Это—не артиллерійская подготовка рѣшительнаго удара, полковникъ. Это—рекогносцировка.

— Конечно, конечно! Удара сегодня и быть не можетъ. Мы будемъ продвигаться методично...

Но въ это время генералы Саввовъ и Радко Димитріевъ отошли шаговъ на двадцать въ сторону отъ свиты и стали оживленно бесѣдовать между собою.

Радко Димитріевъ размахивалъ руками, вопреки своему обыкновенію, указывая на различные пункты позиціи противника и, видимо, что-то доказывая Саввову.

Въ эту минуту рѣшалась участь боя. Генералу Саввову пришла въ голову идея—ускорить естественный ходъ событій. Онъ забылъ, чтобы передъ нимъ не одни разбитыя нравственно войска Абдуллахъ-паши а грозныя современныя укрѣпленія, совершенно неповрежденныя слабымъ огнемъ безсильной скорострѣльной артиллеріи.

— Съ наступленіемъ темноты я „совѣтую“ атаковать редуты на высотахъ южнѣе озера Деркоса...

О, почему у генерала Радко Димитріева не хватило силы воли заявить непрошенному совѣтчику:

— Генералъ, я вашихъ совѣтовъ не прошу!

Но „совѣтъ“ злого генія Чаталджи былъ Радко Димитріевымъ принятъ....

Къ тремъ часамъ дня, понеся значительныя потери (особенно пострадалъ третій полкъ шестой дивизіи отъ огня форта Караколъ-нокта, потерявшій 70% своихъ офицеровъ и 50% солдатъ), войска первой арміи гене-

рала Кутинчева приблизились къ батареямъ и редутамъ турокъ почти на полверсты.

Для развитія дальнѣйшаго успѣха необходимо было сосредоточить на фортъ Караколъ-нокта огонь всѣхъ наличныхъ гаубичныхъ батарей.

Генералъ Кутинчевъ лично попросилъ по телефону генерала Димитріева приказать гаубицамъ девятой и четвертой дивизіи перенести огонь на Караколъ-нокту, такъ какъ гаубицы первой арміи, поставленныя слишкомъ далеко отъ этого форта, не могли развить по нему дѣйствительный огонь, а совершенно открытая мѣстность не допускала ихъ передвиженія на другую позицію.

Но командующій войсками соединенныхъ третьей и первой арміи отвѣтилъ отказомъ.

Тутъ-то и сказалась роковая ошибка—двоевластіе въ верховномъ командованіи: старшій изъ генераловъ, Савковъ, не пожелалъ лично руководить боемъ,—не желая отвѣчать въ случаѣ неуспѣха,—а генералъ Димитріевъ, получившій приказанія къ вечеру овладѣть передовыми редутами, не могъ отдать свои гаубицы Кутинчеву. Наступать далѣе было невозможно безъ должной артиллерійской подготовки; передовыя части первой арміи вынуждены были окопаться на занятыхъ ими позиціяхъ, потерявъ въ нѣкоторыхъ полкахъ свыше половины наличнаго состава...

Наступила ночная темнота, и съ нею удобный моментъ для нанесенія рѣшительнаго удара.

Артиллерійской подготовки почти не было, въ бой были введены незначительныя силы.

Тѣмъ не менѣе, въ десять часовъ вечера блестящей штыковой атакой пятая дивизія заняла редуты первый и второй, восточнѣе Лазаръ-кіоя, переколовъ гарнизонъ.

Девятая дивизія выбила турокъ изъ седьмого редута восточнѣе Чинакче.

Первая армія удержала свои позиціи, отбивъ рядъ энергичныхъ турецкихъ контръ-атакъ...

Пятое ноября началось густымъ туманомъ, такимъ густымъ, что въ десяти шагахъ буквально невозможно было отличить человѣка отъ лошади или куста.

Мы, представители печати, все же вѣрные своему долгу, рѣшили выѣхать на позиціи.

— Авось прояснится!

Моросилъ дождь, было холодно и сыро.

На высотѣ наблюдательнаго пункта непрерывно работали два телефона, связывающіе штабы дивизій и армій.

Ружейная перестрѣлка на лѣвомъ флангѣ поражала своей интенсивностью; рѣзко трещали пулеметы. Очевидно, происходило что-то весьма серьезное.

Абсолютно ничего не было видно—даже огни разрывовъ съ трудомъ проблескивали въ сплошномъ туманѣ. Казалось, что невидимые гиганты-кузнецы бьютъ огромными молотами по желѣзнымъ наковальнямъ—такъ бухали залпы чаталджинскихъ батарей. И лишь потомъ изъ личнаго опроса участниковъ боя и рекогносцировки позицій, мнѣ стало ясно то, что произошло.

Но и въ самый день пятаго ноября я уже смутно догадывался, что дѣла идутъ плохо.

Догадывался по нервности суетившагося штаба, растерянности вчера еще великолѣпнаго Саввова, по его внезапному отъѣзду въ Лозенградъ и полнымъ отчаянія, скорбнымъ глазамъ Радко Димитріева.

Что же произошло?

На разсвѣтѣ пятаго ноября, въ молочной пеленѣ непроницаемаго тумана, къ редуту номеръ второй, занятому частями четвертаго полка, подошли со стороны третьяго редута, еще остававшагося въ рукахъ турокъ, густыя войсковыя массы. Впереди шли дозорные, кричавшіе по-болгарски:

— Не стрѣляйте, девятая дивизія идетъ!

И внезапно почти у самого бруствера показались черныя лица турецкихъ аскеровъ.

Затрещали пулеметы—атака была отбита...

Но тотчасъ же на редутъ обрушился шквальный артиллерійскій огонь всѣхъ сосѣднихъ турецкихъ батарей, отлично знавшихъ дистанцію.

Туманъ не позволялъ оріентироваться.

Болгарская артиллерія не могла поддержать защитниковъ редута огнемъ, не видя, куда стрѣлять, и опасаясь попасть по своимъ.

Въ открытомъ съ горжи редутѣ, разстрѣливаемомъ сосредоточеннымъ огнемъ десятка батарей, буквально закипѣла земля.

Дружина четвертаго полка заколебалась. Тогда герой, достойный быть увѣковѣченнымъ исторіей, командиръ полка, полковникъ Кирьяковъ, сталъ во весь ростъ на брустверѣ.

Крикнулъ: „Пусть трусы уходятъ, — честные люди умрутъ вмѣстѣ со мной!

И батальонъ, разстрѣливаемый со всѣхъ сторонъ, сталъ ожидать атаки.

И внезапно изъ тумана выросли густыя массы—двѣ дивизіи низама были брошены въ атаку...

Почти всѣ защитники редута полегли на мѣстѣ; немногіе спаслись, — унеся тяжело раненаго въ грудь Кирьякова...

Въ густомъ туманѣ чередовались отчаянныя штыковыя атаки и контръ-атаки; противники вырывали другъ у друга зубами клочки позицій, — но перевѣсъ оказался на сторонѣ обороняющагося, артиллерія котораго, заранѣе изучившая мѣстность, поражала болгарскія войска губительнымъ перекрестнымъ огнемъ.

И къ утру редуты второй и седьмой были очищены....

Но на правомъ флангѣ войска генерала Кутинчева держались великолѣпно, отбивая всѣ атаки турокъ; въ густомъ туманѣ велся часами сильнѣйшій ружейный и пулеметный огонь, и дѣло неоднократно доходило до штыкового боя.

Разстрѣливаемые почти въ упоръ батареями Караколъ-нокта, Хамидіе и Бакчеишемъ, славные боевые полки сохранили всѣ свои позиціи, несмотря на огромныя потери. Пали командиры третьяго и пятаго полковъ, много батальонныхъ командировъ; была изранена большая часть офицеровъ, и дружинами командовали подпоручики...

Но уже къ полудню выяснилось, что войскамъ первой арміи, продержавшимся на своей позиціи почти сутки подъ непрерывнымъ разстрѣломъ, надо отходить...

И войска генерала Кутинчева, подъ покровомъ ночи на шестое ноября очистили свои окопы и по трупамъ павшихъ товарищей отступили назадъ.

Отъ моря и до моря протянулась линія укрѣпленныхъ позицій, созданныхъ болгарскими войсками.

И отойдя за нее, они рѣшили удерживаться на ней во что бы то ни стало, до подхода подкрѣпленій и осадныхъ батарей, безъ которыхъ штурмъ Чаталджи былъ преступленіемъ.

А впереди остались трупы десятка тысячъ павшихъ, безполезно павшихъ героевъ, и около двадцати тысячъ раненыхъ переполнили полевые лазареты и госпитали...

XV.

Послѣ боя. Перемиріе.

Утромъ шестого ноября части третьей и первой арміи отошли на позиціи, занимавшіяся ими до боя, и, подъ прикрытіемъ авангардовъ, приступили къ саперным работамъ. Настроеніе войскъ, крайне утомленныхъ двухдневнымъ боемъ при самыхъ отвратительныхъ условіяхъ—полномъ отсутствіи горячей пищи и чрезвычайно высокомъ (въ нѣкоторыхъ полкахъ, особенно въ 4-ой дивизіи, до 30—40) процентѣ желудочныхъ заболѣваній—не могло не понизиться.

Тѣмъ не менѣе, первая же попытка турокъ перейти въ наступленіе была отбита шестой пѣхотной дивизіей, и турецкая вылазка окончилась полной неудачей. Свыше тысячи труповъ и два пулемета остались на полѣ боя.

На фескахъ многихъ турокъ оказались вышитыми священныя изреченія изъ корана и надпись:

— Софія или смерть!

Но, хотя туркамъ и далеко было до Софіи, не ближе былъ и Цареградъ для болгаръ.

Наступательный порывъ ихъ смѣнился тревожнымъ раздумьемъ.

Радко Димитріевъ, на плечи котораго упала тяжелая отвѣтственность за чужую преступную ошибку, былъ мрачнѣе тучи и почти не выходилъ изъ своего помѣщенія.

Любезное отношеніе членовъ штаба къ корреспондентамъ смѣнилось нескрываемымъ недовольствомъ, что они сами еще не догадались уѣхать.

— Корреспонденты хороши, пока есть побѣды. Въ переживаемой нами драмѣ—имъ, постороннимъ свидѣтелямъ, не мѣсто...

Утромъ шестого октября всѣмъ намъ было объявлено категорическое воспрещеніе выѣзжать изъ Ерменикіоя. Мы были, такимъ образомъ, подвергнуты домашнему аресту въ вонючихъ избахъ, гдѣ въ нижнемъ этажѣ цѣлыя сутки мычали, блеяли, ржали, фыркали и хрюкали коровы, овцы, лошади, буйволы и свиньи нашихъ хозяевъ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ было объявлено, что наши не только телеграммы, но и письма отсылаться не будутъ до окончанія чаталджинской операціи.

При такихъ условіяхъ сидѣть дольше при штабѣ третьей арміи было безсмысленной потерей времени.

Французы и англичане первыми уѣхали еще восьмого числа.

Мы—трое русскихъ—В. И. Немировичъ-Данченко, В. Н. ф. Дрейеръ и я,—рѣшили выждать еще два-три дня, чтобы лучше разобраться въ создавшейся обстановкѣ.

Съ точки зрѣнія тактической—положеніе болгарскихъ войскъ было весьма удовлетворительнымъ.

Правда, переходить въ наступленіе они не могли, безъ новаго риска быть отброшенными, ранѣе прибытія осадной артиллеріи и солидныхъ подкрѣпленій, на что (въ силу отвратительныхъ дорогъ) требовалось не менѣе двухъ-трехъ недѣль,—но занятыя болгарами позиціи были чрезвычайно выгодны для обороны.

Онѣ тянулись отъ берега Чернаго моря, впереди селенія Ормалы, до селенія Уклалы, вдоль высокаго горнаго хребта надъ западнымъ берегомъ рѣки Карасу; отъ Уклалы до Езетина, по холмамъ, была протянута

линія стрѣлковыхъ окоповъ; позиціи первой арміи шли отъ Езетина до Папасъ-Бургаса по совершенно открытой равнинѣ, но въ тылу ихъ находились, на высотахъ около станціи Чаталджа, сильныя батареи съ прекраснымъ обстрѣломъ; отъ Папасъ-Бургаса и до Каликратіи на берегу Мраморнаго моря болгарскія позиціи снова поднимались на крутой гребень вдоль озера Бююкъ-Чекмедже.

Но съ точки зрѣнія санитарной—положеніе болгарскихъ войскъ было крайне неудовлетворительнымъ.

Дизентерія и холера приняли угрожающіе размѣры. Биваки обратились въ очаги заразы, войска — въ слабосильныя команды...

Эпидемія возникла съ перваго же дня прибытія болгарскихъ авангардовъ на линію Ормалы-Чаталджа,—въ мѣстность, сознательно отравленную турками, бросавшими трупы въ колодцы. Мѣръ для борьбы съ нею никакихъ нельзя было принять—не было дезинфекціонныхъ средствъ, лимонной кислоты, даже извести для посыпки вокругъ холерныхъ бараковъ и спеціальныхъ ровиковъ...

Въ Лозенградъ—въ Главную квартиру—полетѣли отчаянныя срочныя телеграммы съ требованіемъ экстренно выслать медикаменты и врачебный персоналъ,—но только къ вечеру восьмого ноября прибыли врачи и первый транспортъ дезинфекціонныхъ и лѣчебныхъ средствъ.

Сразу же вокругъ офицерской столовой протянулось кольцо негашеной извести, а ножи, вилки и ложки стали подаваться за обѣдомъ и ужиномъ въ мискахъ съ горячей водой.

Но промедленіе въ борьбѣ съ желудочными эпидеміями имѣло самыя безотрадныя послѣдствія.

Уже 6-го ноября я занесъ въ мою записную книжку:

— Штабъ арміи болѣе считается съ эпидеміей, чѣмъ съ турками. Повидимому, на дняхъ будетъ за-

ключено перемиріе. Дизентерія и холера вырываютъ изъ строя тысячи людей. Мѣръ никакихъ еще не принимаютъ. Кипятить воду не всегда возможно, а подвезти кипяченую воду на позиціи невозможно совсѣмъ. Люди проводятъ холодныя ночи въ мокрыхъ окопахъ, лежа на землѣ. Подстилки нигдѣ нельзя найти.

Сѣно на исходѣ—не хватаетъ конямъ штаба арміи. Реквизиція не даетъ существенныхъ результатовъ. Жители сами голодаютъ, и скотъ ихъ падаетъ отъ безкормицы—здѣсь уже два раза проходила турецкая армія и все истребила, какъ саранча.

Страшно холодно ночью, когда дуетъ черноморскій вѣтеръ, особенно на открытыхъ горныхъ хребтахъ. Одѣялъ нѣтъ; перемѣнить мокраго бѣлья невозможно.

Госпитали въ Лозенградѣ—а подъ Чаталджей почти никакой врачебной помощи...“

Еще во время боя 4 ноября на одного раненаго, выбывающаго изъ строя, приходилось по два больныхъ... Группами, по 4—5, по десять человѣкъ тянулись они, стоная и охая, въ Акаланъ, гдѣ уже давно на всѣхъ домахъ были вывѣшены желтые флаги, а при въѣздѣ въ село красовалась грозная надпись:

„Входъ забраненъ. Пазите-си (берегитесь) отъ заразы“.

Скоро и вокругъ Ерменикіоя, гдѣ помѣщался штабъ третьей арміи, появились шатры полевыхъ госпиталей, моментально переполнившіеся больными...

За околицей Ерменикіоя то и дѣло можно было наблюдать, какъ санитары выносили покрытые шинелями трупы въ братскую могилу, вырытую въ полуверстѣ отъ селенія, и полковой священникъ въ офицерскомъ плащѣ съ надвинутымъ на голову капюшономъ провожалъ подъ дождемъ въ послѣдній путь несчастныя жертвы болгарской санитарной неподготовленности...

„Врачи погубили насъ—горько сѣтовали офицеры

штаба арміи—у нихъ полная растерянность, они опустили руки... При такихъ условіяхъ мы должны согласиться на перемиріе, благо, что Турція о немъ проситъ".

И девятаго числа стало извѣстно, что изъ Главной квартиры экстренно выѣзжаютъ подъ Чаталджу генералы Савовъ и Фичевъ вмѣстѣ съ докторомъ Даневымъ, главой правительственной партіи,—выѣзжаютъ въ Бююкъ-Чекмедже для встрѣчи съ турецкими уполномоченными.

Военныя дѣйствія фактически прекратились. Становилось очевидно, что война подходитъ къ концу, по крайней мѣрѣ, въ первомъ періодѣ.

Но мы не могли уѣхать, не осмотрѣвъ детально поля боя 4—5 ноября, и потому рискнули нарушить даже категорическое запрещеніе командующаго.

Утромъ восьмого ноября мы съ В. Н. ф. Дрейеромъ выѣхали въ штабъ первой арміи, стоявшій въ Кадынкіоѣ.

За взорваннымъ турками при отступленіи Кабакіойскимъ мостомъ дорога круто поднималась въ гору.

У Аврена учились эскадроны конной дивизіи, производя почему-то манежную ѣзду на необъятномъ просторѣ зеленой поляны.

Въ Кадынкіоѣ насъ поразила чистота улицъ. Совсѣмъ не то, что въ нашей деревнѣ, гдѣ нельзя было пройти отъ штаба до дома, не вымазавшись въ грязи по колѣни.

В. И. Кутинчевъ, полковникъ Попадоповъ, начальникъ штаба, и весь штабъ первой арміи приняли насъ очень любезно и совершенно просто, безъ дипломатическихъ увертокъ, познакомили съ ходомъ боя на своемъ участкѣ.

Послѣ весьма недурного обѣда намъ указали по картѣ наивыгоднѣйшую точку для изученія поля боя 4—5 ноября на правомъ флангѣ.

Надо было подняться на высоту, лежащую въ центрѣ

треугольника Альбосанъ, Чакилъ и Чаталджа, и командующую всей равниной Карасу отъ озера и до Езетина.

Поблагодаривъ гостепріимныхъ хозяевъ, мы тронулись крупной рысью на наблюдательный пунктъ первой арміи.

Съ этой высоты можно было даже невооруженнымъ глазомъ ясно различить въ Бююкъ-чекмеджійскомъ заливѣ турецкую эскадру изъ пяти броненосцевъ и крейсеровъ, стоявшую почти у самаго берега. Рѣзко выдѣлялся на хребтѣ, уходившемъ въ синеватую даль, фортъ Караколъ-нокта, отсюда казавшійся гигантской подковой.

Вся мѣстность была изрыта окопами; слѣды болгарскихъ биваковъ чернѣли правильными прямоугольниками; вдали въ лощинахъ бѣлѣли коническіе шатры турецкихъ лагерей.

Войска отошли на версты полторы-двѣ отъ первыхъ позицій, и лишь авангарды дивизій оставались въ окопахъ, маскированныхъ вѣтвями и зеленью.

Солнце пригрѣвало, птички пѣли—не вѣрилось, что въ Россіи уже наступила зима. Ни одного выстрѣла не было слышно ни съ той ни съ другой стороны за все время, пока мы разсматривали поле недавняго боя, держа въ поводу лошадей.

— Прощай, Чаталджа, — прощай, красивая мечта о вступленіи въ Цареградъ!

Отчаянно-крутой спускъ въ лощину по извилистой тропѣ, вырубленной саперами въ кустарникѣ. Лошадей приходится поддерживать, идя впереди и упираясь въ скользкую землю...

Желѣзнодорожное полотно. Развалины станціи Кабачкіой. Холерный лазаретъ и желтый флагъ надъ нимъ. Скорѣе мимо...

Свистокъ паровоза — отъ котораго мы давно отвыкли. Три вагона и локомотивъ подходятъ отъ Си-

некли къ разрушенному мосту. Выгружаютъ балки, доски. Рота желѣзнодорожнаго батальона намѣревается возобновить мостъ.

— Будемъ возить снаряды прямо на Чаталджу, а отсюда принимать больныхъ и раненыхъ,—говоритъ капитанъ, военный инженеръ.

— Помогай Богъ! Раненыхъ, пожалуй, больше не будетъ, больныхъ—слишкомъ много—жму я его руку.

— Да, больныхъ много,—вздыхаетъ инженеръ.

Поздно, при лунѣ, подъѣзжаемъ мы къ Ерменкіою и пробираемся околицей къ нашему дому.

— А сегодня за столомъ спрашивали, гдѣ вы пропадаете—трунитъ В. И. Немировичъ—я сказалъ, что вамъ нездоровится. Ѣсть не хотятъ, сидятъ дома.

— Повѣрили?

— Не совсѣмъ,—но это не важно. Александръ Ивановичъ Гучковъ пріѣхалъ.

— Зачѣмъ?

— Уполномоченнымъ отъ русскаго Краснаго Креста, изучать санитарную часть въ арміи.

— Какъ разъ во время... Пусть посмотритъ на этотъ кошмаръ...

Вечеромъ мы съ В. Н. ф. Дрейеромъ заявили о намѣреніи послѣдовать примѣру иностранцевъ, уже покинувшихъ армію.

Насъ никто особенно не удерживалъ.

XVI.

Въ городѣ раненыхъ. Нѣсколько словъ о санитарной службѣ.

Десятаго ноября мы приготовились къ отъѣзду изъ арміи, прикованной къ чаталджинскимъ позиціямъ. Выѣзжать слѣдовало послѣ полудня—чтобы до темноты поспѣть на станцію Синекли. Утромъ мы долго бесѣдовали съ А. И. Гучковымъ, передававшимъ свои впечатлѣнія отъ бѣглаго осмотра полевыхъ госпиталей.

Онъ пораженъ былъ неподготовленностью и безпорядкомъ въ санитарной службѣ, такъ рѣзко обнаружившимися во время эпидеміи.

— До чего они небрежно относятся къ своему же солдату!—возмущался А. И. Гучковъ—въ Лозенградѣ, въ одномъ изъ госпиталей, раненые, которые не могли подняться съ мѣстъ, принуждены были по нѣскольку дней испражняться лежа, въ собственныя кровати! Послѣ того какъ этотъ госпиталь переданъ былъ нашему Красному Кресту, его пришлось пять дней чистить сотней наемныхъ рабочихъ—всѣ палаты и коридоры были покрыты густымъ слоемъ кала.

Немудрено, что во многихъ частяхъ войскъ процентъ больныхъ брюшнымъ тифомъ, дизентеріей, холериной и даже холерой поднялся до сорока,—несмотря на изумительную выносливость и невоспріимчивость къ болѣзнямъ болгарскаго солдата!

Передъ отъѣздомъ мы зашли проститься къ геневаλу Радко Димитріеву.

Командующій долго и сердечно бесѣдовалъ о положеніи дѣлъ, и изъ его словъ можно было вынести убѣжденіе въ томъ, что война близится къ концу.

— Вы видѣли многое, вы могли оцѣнить нашего дивнаго солдата,—вы теперь можете повѣдать о немъ нашимъ братьямъ въ Великой Руси. Съ Богомъ, — и послѣ крѣпкаго рукопожатія мы разстались съ героемъ Лозенграда и пятидневнаго боя, унося въ душѣ лучшія воспоминанія объ этомъ честномъ человѣкѣ, скромномъ, избѣгающемъ дешевой популярности и дипломатическихъ ухищреній.

Ординарцы наши не пожелали возвращаться въ Софію, и остались съ войсками подъ Чаталджей вмѣстѣ съ В. И. Немировичемъ-Данченко, лелѣявшимъ мечту „поѣхать въ Бююкъ-Чекмедже съ Савовымъ и Фичевымъ для заключенія перемирія“.

Въ обратный путь тронулись только мы съ В. Н. ф. Дрейеромъ, да нашъ цыганъ-конюхъ при двуколкѣ.

Тяжелое впечатлѣніе производилъ путь до Синекли, на которомъ то и дѣло приходилось обгонять арабные транспорты съ корчившимися отъ желудочныхъ страданій больными и съ опаской объѣзжать зараженныя селенія съ предупредительно разставленными у въѣзда указателями:

—„Зараза! Спирка*) забранена“.

Видъ маленькой станціи Синекли, перекрещенной балгарами въ „Мухино“, повергъ насъ въ глубокое уныніе.

Свыше четырехсотъ раненыхъ и больныхъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, какъ застигнутое грозой стадо, сидя и лежа на мокрой отъ дождя землѣ, терпѣливо ожидали прибытія воинскаго поѣзда.

---

*) Остановка.

Шагахъ въ десяти-пятнадцати отъ этой кучки ожидающихъ отправленія въ Лозенградъ, на грязной соломѣ, сверху прикрытой шинелью, судорожно корчились холерные, — ихъ тутъ же и рвало, — но никто не обращалъ на нихъ особаго вниманія... Въ привычку вошло...

Съ величайшимъ трудомъ удалось отыскать коменданта станціи, совершенно потерявшаго голову среди этого неописуемаго хаоса. Онъ, безпомощно разводя руками, говорилъ:

— Присылаютъ все новыхъ больныхъ и раненыхъ; станціонныя помѣщенія забиты, — поѣздовъ всего два въ сутки, не успѣваемъ своевременно эвакуировать...

Мы рѣшили тронуться дальше, въ Черкескіой, гдѣ можно было съ нѣкоторымъ удобствомъ, и во всякомъ случаѣ не вмѣстѣ съ холерными, переждать отправленія поѣзда.

Навстрѣчу шли густыми колоннами свѣжія „дополняющія дружины“.

Здоровыя, молодыя лица солдатъ новаго призыва такъ непохожи были на изнуренныхъ людей первой и третьей арміи, обносившихся, исхудалыхъ и болѣзненныхъ! Эти дружины были одѣты въ русскія шинели, подаренныя нами (какъ мнѣ говорили) Болгаріи.

— Какъ дѣла подъ Чаталджей, господинъ капитанъ?

— Хорошо, все слава Богу, братцы! Придете—сами увидите.

— А здорово побили наши турокъ на той недѣлѣ?

— Все узнаете, молодцы. Все товарищи разскажутъ!

Не хотѣлось огорчать эти славныя лица, дышащія вѣрою въ будущее, полныя желанія поскорѣе явиться на выручку своихъ братьевъ.

Какъ я могъ бросить этимъ, ничего не подозрѣвающимъ людямъ:

— Счастье отвернулось отъ васъ; вы идете въ лагерь, отравленный заразой, — и всего въ нѣсколькихъ

верстахъ отсюда впервые увидите ужасную изнанку войны...

Поздно вечеромъ, уже въ темнотѣ, мы прибыли въ Черкесъ-кіой. На счастье, станція и поселокъ возлѣ нея оказались не только въ полной исправности, но даже были снабжены всевозможными запасами. Наши лошади впервые за долгое время получили нормальную дачу фуража.

Ночью подошелъ поѣздъ, биткомъ набитый ранеными. Намъ двоимъ еще нашлось мѣсто въ офицерскомъ вагонѣ, но вещи пришлось переложить на платформу (причемъ, какъ оказалось впослѣдствіи, безслѣдно исчезли сѣдла и походныя кровати), а лошадей и двуколку пустить походнымъ порядкомъ за полтораста верстъ въ Лозенградъ, безъ конвоя.

Раненые и больные, кутаясь въ рваныя шинели отъ холоднаго вѣтра, лежали сплошной массой на полу вагоновъ и платформъ... Оттуда доносились сдержанные стоны, отъ которыхъ невольно сжималось сердце...

Простоявъ цѣлую ночь на разъѣздѣ около Чорлу, нашъ поѣздъ только подъ вечеръ слѣдующаго дня прибылъ въ Лозенградъ.

Городъ раненыхъ—иначе нельзя было назвать Лозенградъ. На двухъ путяхъ стояли санитарные поѣзда. Одинъ принималъ выздоравливающихъ, эвакуируемыхъ въ Демотику — другой, нашъ, выгружалъ раненыхъ и больныхъ,

Выгрузка производилась весьма упрощенно.

Кто могъ ходить, пробрались къ дверямъ вагоновъ или перелѣзли черезъ барьеръ платформъ, наступая на тяжело раненыхъ, стонущихъ на полу.

Носильщиковъ на станціи не было, — но носилки были свалены около багажной кассы.

Комендантъ, сѣденькій подполковникъ, началъ самолично ловить за рукавъ случайно зашедшихъ на

станцію погонщиковъ транспортовъ и сгонять ихъ къ носилкамъ.

Новоявленные „санитары“ поволокли раненыхъ изъ вагоновъ, какъ мѣшки съ мукой, не обращая вниманія на ихъ стоны.

Шаги удалились, все затихло...

Вдругъ послышался звукъ паденія тѣла, и вслѣдъ за этимъ леденящій душу жалобный вой.

Забытый въ одномъ изъ вагоновъ раненый съ прострѣленной грудью внезапно пришелъ въ себя и отъ ужаса передъ тѣмъ, что его оставятъ одного въ вагонѣ или повезутъ обратно, „самоэвакуировался“, изъ остатка силъ выбросившись на полотно...

Нѣсколько человѣкъ сразу бросилось къ несчастному. Онъ пересталъ выть, закрылъ глаза, и на губахъ его выступила кровавая пѣна...

На улицахъ большими группами встрѣчались раненые, отправлявшіеся на перевязку изъ отведенныхъ имъ квартиръ. Попадались и члены иностранныхъ санитарныхъ миссій—швейцарской, англійской, румынской и прочихъ, и военные атташе, среди которыхъ выдѣлялись экзотическіе испанцы съ длинными шарфами и аргентинецъ въ конфедераткѣ.

Мы немедленно же отыскали симпатичнаго русскаго военнаго агента, полковника Ю. Д. Романовскаго.

Несмотря на искреннее уваженіе болгаръ, они не могли предоставить полковнику Романовскому какихъ-либо привилегій по сравненію съ его иностранными коллегами, и онъ былъ вынужденъ всю войну пребывать вмѣстѣ съ ними при Главной квартирѣ въ томительномъ бездѣйствіи.

Война, несомнѣнно, была закончена въ первомъ своемъ періодѣ. Ея заключительнымъ аккордомъ было плѣненіе кырджалійской дивизіи Явера-паши 15 ноября у Фереджика, на правомъ берегу Марицы.

Послѣ двудневнаго боя болгарамъ (12-ой македон-

ской дивизіи Генева и конной бригадѣ Танева) сдалось трое пашей, 265 офицеровъ, 9,000 солдатъ съ 12 орудіями и двумя пулеметами.

Послѣдній турецкій отрядъ, оперировавшій въ Македоніи.

На почтѣ мы въ неописуемомъ хаосѣ посылокъ и писемъ нашли кучу „срочныхъ“ телеграммъ, лежавшихъ по 20 дней и болѣе, въ которыхъ наивныя редакціи бранили на чемъ свѣтъ стоитъ своихъ злосчастныхъ корреспондентовъ за „молчаніе“ и „опозданіе“, не догадываясь, что всю вину слѣдуетъ переложить на невозможную организацію почтово-телеграфной службы.

Послѣ радушнаго пріема, оказывавшагося намъ повсемѣстно въ войскахъ, насъ ожидалъ непредвидѣнный сюрпризъ въ Главной квартирѣ.

Достойнѣйшій сотрудникъ генерала Саввова, полковникъ генеральнаго штаба Нерѣзовъ, оставшійся временнымъ начальникомъ штаба, предложилъ мнѣ и полковнику фонъ Дрейеру не посѣщать штабной столовой, куда были допущены испанскіе офицеры, кинематографщикъ отъ Патэ и какіе-то весьма подозрительные маркитанты.

Мы покорились силѣ, и стали столоваться на базарной площади съ погонщиками аробныхъ транспортовъ, устроившими чистосердечную овацію русскимъ офицерамъ и угостившими насъ дешевымъ мѣстнымъ виномъ.

Находясь въ „городѣ раненыхъ“, мы не могли не интересоваться постановкой санитарной части въ тылу арміи, хотя еще раньше у насъ сложилось убѣжденіе въ томъ, что санитарная служба въ болгарскихъ войскахъ носитъ крайне неудовлетворительный импровизированный характеръ.

Посѣтивъ русскіе госпитали Краснаго Креста—Кауфмановскій и Георгіевскій,—мы были поражены царившей въ нихъ чистотой.

— Пять дней скребли мы полъ и стѣны этого помѣщенія, загаженнаго болгарами,—говорилъ намъ врачъ одного изъ госпиталей—пока удалось навести чистоту. Что дѣлается въ болгарскихъ госпиталяхъ—уму непостижимо!

— Тамъ раненые гніютъ по 6—7 дней безъ перевязки, хотя наши сестры и посылаются на помощь; приходится все отъ себя имъ выдавать—медикаменты, перевязочный матеріалъ—у нихъ ничего не заготовлено.

Я не буду описывать наши госпитали и хвалить самоотверженную дѣятельность русскаго персонала,—пусть это сдѣлаетъ лицо, котораго нельзя упрекнуть въ пристрастіи.

Передаю слово извѣстному вѣнскому бактеріологу, профессору Краузу, вызванному въ армію спеціально для организаціи борьбы съ холерой:

— Госпитали русскаго Краснаго Креста были оборудованы лучше всѣхъ иностранныхъ госпиталей. Такихъ я не видалъ и въ Европѣ, о такихъ военный врачъ можетъ только мечтать. Всѣ новѣйшія усовершенствованія были здѣсь примѣнены умно и любовно, для облегченія участи страдальцевъ.

О болгарскихъ госпиталяхъ—позвольте умолчать. Это былъ вопіющій кошмаръ, гдѣ гипсовыя повязки клались впопыхахъ поверхъ грязнаго окровавленнаго бѣлья.

Слово тому же профессору Краузу:

— Я никогда не забуду ужаснаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня „госпиталемъ“ въ Чорлу—бывшей кавалерійской казармой, гдѣ три съ половиной тысячи холерныхъ лежали въ конюшняхъ на полу, въ своей загрязненной одеждѣ, покорно ожидая смерти! На всю эту массу умирающихъ—было три врача...

Темное пятно на общемъ свѣтломъ фонѣ—представляетъ эта возмутительная постановка санитарной службы въ болгарской арміи; изъ общаго числа—

свыше десяти тысячъ умершихъ отъ болѣзней и пятнадцати—отъ ранъ,—почти половину надо отнести на счетъ вопіющей неподготовленности военно-врачебной части.

Вѣдь только наканунѣ объявленія войны товарищъ предсѣдателя болгарскаго Краснаго Креста докторъ Маловъ, собравъ представителей русской печати, умолялъ ихъ телеграфировать о спѣшной высылкѣ необходимыхъ для Болгаріи предметовъ и экстренномъ командированіи врачебнаго персонала...

Нашъ Красный Крестъ, равно какъ и русское общество, широко откликнулись на призывъ, и отправили на театръ военныхъ дѣйствій цѣлыхъ тринадцать полевыхъ госпиталей и транспортъ для перевозки тяжело-раненыхъ,—а въ Софіи былъ открытъ центральный складъ, снабжавшій не только русскія, но и болгарскія врачебныя заведенія всѣмъ необходимымъ.

Что бы дѣлали болгарскіе врачи безъ русской помощи, и какой размѣръ приняла бы эпидемія, если исключить возможность пользованія случайно доставшимся болгарамъ рельсовымъ путемъ и подвижнымъ составомъ??

Чадалджинскія позиціи, а съ ними и весь театръ войны, обратились бы тогда въ сплошное кладбище жертвъ преступной непредусмотрительности болгарскаго военно-санитарнаго вѣдомства.

XVII.

Послѣдніе наброски.

Послѣ пяти дней тоскливаго ожиданія, наконецъ прибыли наши лошади. Я готовъ былъ отъ радости расцѣловать черномазаго цыгана — такъ томительно длилось пребываніе въ Лозенградѣ среди безпомощно блуждающихъ по улицамъ раненыхъ.

17-го ноября мы выѣхали изъ Лозенграда. Три дня скитаній по непролазной грязи, пѣшкомъ около двуколки, потому что наши сѣдла безслѣдно исчезли еще въ Черкесъ-кіоѣ, были сплошнымъ мученьемъ.

Къ вечеру 19-го ноября, изнемогая отъ усталости, мы прибыли въ селеніе Дуванджа.

Оставалось всего пятнадцать верстъ до Мустафа-паши, но ни мы, ни наши лошади не могли сдѣлать и шагу дальше.

Въ Дуванджѣ былъ расквартированъ штабъ и два батальона седьмого сербскаго пѣхотнаго полка.

На улицахъ царила образцовая чистота и порядокъ.

— Гдѣ командиръ полка?

— Здѣсь, въ томъ домѣ, гдѣ флагъ поднятъ.

Черезъ четверть часа любезный полковникъ Іововичъ угощалъ насъ кофе въ своей маленькой избушкѣ, бесѣдуя о положеніи дѣлъ на театрѣ войны.

— Если вамъ ужъ очень хочется сегодня быть въ Мустафѣ, я прикажу отвезти васъ въ моемъ экипажѣ.

Ваши лошади съ конюхомъ завтра придутъ—ихъ здѣсь выкормятъ. Фуража хватитъ.

Благословляя судьбу и полковника Іововича, мы съ комфортомъ добрались до Мустафа-паши.

Всѣ дома были заняты то подъ штабъ сербскаго корпуса, то подъ штабъ второй арміи, то подъ различныя тыловыя учрежденія. Только около полуночи мы устроились въ пустой гостиницѣ.

На утро прибылъ цыганъ съ лошадьми, и мы отправились грузиться на станцію.

Оригинальное зрѣлище представляла собою станціонная платформа, полная плѣнныхъ изъ Кырджалійской дивизіи Явера-паши.

Турецкіе офицеры держались въ сторонѣ, довольно вызывающе посматривая на болгаръ.

Какой-то маіоръ, бинбаши, горячился, доказывая коменданту по-французски, что для офицеровъ нужно отвести спальные вагоны.

— Откуда я ихъ возьму—разводилъ руками комендантъ, и внезапно перемѣнилъ любезный тонъ на болѣе подобающій:

— Если вы будете протестовать, мнѣ придется послать весь эшелонъ походнымъ порядкомъ въ Софію.

Турокъ моментально успокоился и отошелъ. Поздно ночью подали составъ, и мы втиснулись въ купе, биткомъ набитое солдатами—болгарами и сербами, посланными изъ Мустафы въ Софію за покупками.

Вдали грохотали орудія адріанопольскаго обложенія, и огненныя вспышки порою ярко освѣшали горизонтъ.

— Послѣдній боевой привѣтъ...

Въ два часа дня насъ привезли въ Филиппополь.

Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ съ начальникомъ станціи, вагонъ съ нашими лошадьми

былъ перецѣпленъ къ отходившему товарному поѣзду и отправленъ въ Софію.

— Вамъ придется поѣхать въ шесть часовъ съ составомъ, ожидаемымъ изъ Старой Загоры.

Времени было болѣе, чѣмъ достаточно, для прогулки по живописной столицѣ Восточной Румеліи, раскинувшей въ зелени садовъ свои правильно планированныя улицы. Старая крѣпость вѣнчала одинъ изъ окружающихъ Филиппополь холмовъ.

На станціи насъ ожидалъ адъютантъ царицы Элеоноры.

— Ея величество проситъ васъ пожаловать къ ней въ вагонъ. Она будетъ очень рада видѣть у себя русскихъ офицеровъ.

Мы начали извиняться за дорожный костюмъ.

— Пустяки! Наша царица теперь—только сестра милосердія. Придворный этикетъ остался въ Софіи.

Поѣздъ царицы Элеоноры стоялъ на четвертомъ запасномъ пути, неподалеку отъ ежедневно ею посѣщаемыхъ госпиталей.

Оставивъ накидки въ помѣщеніи для свиты, мы прошли по вагонамъ въ небольшой салонъ.

Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ вышла представительная, высокая дама въ полковничьемъ мундирѣ шефскаго полка Ея Величества, накинутомъ поверхъ шерстянаго сѣраго платья.

— Вашему Величеству представляются русской Императорской арміи полковникъ фонъ Дрейеръ и штабсъ капитанъ Мамонтовъ—представилъ насъ адъютантъ и исчезъ за дверью

— Пожалуйста, господа, садитесь,—и разсказывайте мнѣ по порядку ваши скитанія и наблюденія.

Съ потолка лился мягкій матовый свѣтъ; въ маленькомъ салонѣ было уютно; чарующая простота въ обращеніи—царственная простота—царицы Элеоноры

заставляла безъ дипломатическихъ вывертовъ чистосердечно разсказывать многое изъ видѣннаго.

Царицѣ, еще въ теченіе Манчжурской кампаніи близко ознакомившейся съ ужасами войны, самоотверженно работавшей въ качествѣ сестры милосердія въ русскихъ госпиталяхъ, особенно было интересно узнать о состояніи санитарной службы въ болгарскихъ войскахъ...

Ей ежедневно доставлялись красиво разграфленные отчеты, но чуткое къ страданіямъ сердце вѣнценосной Сестры милосердія давно уже подозрѣвало, что они „не вполнѣ соотвѣтствуютъ истинѣ“...

Высокомилостивый пріемъ длился около часа; мы показали царицѣ всю коллекцію снятыхъ нами фотографій; даже умирающіе турки и цыганъ съ двуколкой промелькнули передъ ея глазами.

- Я искренно благодарю русскую прессу за ея сочувствіе нашему великому дѣлу и за поддержку его передъ русскимъ обществомъ.

— Спасибо вамъ, господа, за правдивый разсказъ и сквозящую въ немъ любовь къ нашему маленькому, но героическому народу.

— Примите отъ меня на память мой портретъ. И царица, надписавъ двѣ фотографическія карточки, передала ихъ полковнику фонъ-Дрейеру и мнѣ.

Мы вышли изъ салона, очарованные любезностью царственной собесѣдницы.

И невольно, уже на станціонной платформѣ, одновременно оба сказали:

— Какой это хорошій человѣкъ!

Ликвидація дѣлъ въ Софіи и наведеніе справокъ въ „сферахъ“ о положеніи дѣлъ, выяснившее намъ, что переговоры о мирѣ примутъ безнадежно длительный характеръ,—потребовали двухъ дней.

Затѣмъ быстро промелькнули Цариброд и серб-

ская таможня, Бѣлградскій вокзалъ, Вѣна—и вечеромъ 26-го ноября курьерскій поѣздъ высадилъ насъ на русской границѣ.

Воспоминаніемъ о двухмѣсячномъ, полномъ захватывающаго интереса, скитаніи по Болгаріи и Ѳракійскому театру войны остались у насъ мелко исписанныя записныя книжки и боевые трофеи—два отнятыхъ у турокъ маузера, да разряженный шрапнельный патронъ скорострѣльной артиллеріи.

А въ газетахъ на первомъ мѣстѣ жирнымъ шрифтомъ печаталось:

„Мирная конференція въ Лондонѣ".

И туда спѣшили делегаты Турціи и балканскихъ государствъ.

Заключеніе.

Боемъ у Фереджика закончился первый періодъ кампаніи, нами по мѣрѣ возможности разсмотрѣнный.

Мы не можемъ не преклониться передъ полнымъ рѣшимости молніеноснымъ натискомъ болгарскихъ армій, исключительно благодаря быстротѣ движенія и успѣшному маневрированію почти безъ потерь одержавшихъ побѣду при Лозенградѣ, предрѣшившую исходъ кампаніи на главномъ театрѣ.

Отсутствіе преслѣдованія и временная потеря соприкосновенія съ противникомъ породили пятидневный бой на рѣчкѣ Карагачъ-дерре.

При разбросанности болгарскихъ войскъ, переходъ ихъ въ наступленіе противъ вдвое сильнѣйшаго противника являлся предпріятіемъ крайне рискованнымъ, и увѣнчался побѣдой исключительно благодаря ихъ недосягаемо высокому духу.

Надо было стремиться на плечахъ противника ворваться на Чаталджинскія позиціи—но не было конницы, пѣхота была утомлена, артиллерія и обозы отстали.

Планъ генерала Радко Димитріева—овладѣть Чаталджинской линіей путемъ заботливо подготовленнаго прорыва — былъ нарушенъ вмѣшательствомъ генерала Саввова, приведшимъ къ катастрофѣ вмѣсто почти несомнѣнной побѣды.

И наступило перемиріе...

Въ мою задачу не входитъ описаніе дипломатическихъ переговоровъ и операцій второго періода, но я

не могу не сравнить ихъ съ первымъ періодомъ кампаніи.

Насколько тогда было сильно стремленіе—„гнать турокъ до Цареграда“, настолько во второмъ ярко выступала тенденція—не тратя напрасно народныхъ силъ, предотвратить возможное наступленіе турокъ отъ Галлиполи (на Кавакъ и оттуда въ разрѣзъ между Адріанополемъ и Чорлу) и со стороны Чаталджи.

Вторая задача была возложена на третью армію Радко Димитріева (доведенную до 125.000), окопавшуюся на своихъ позиціяхъ „отъ моря и до моря“ и успѣшно отбивавшую всѣ попытки турокъ перейти въ наступленіе.

Но для выполненія первой задачи пришлось сформировать новую четвертую армію—генерала Ковачева, въ составѣ 2-й и 7-й пѣхотныхъ и 12-ой добровольческой дивизіи (силою до 70.000),—и при поддержкѣ первой арміи генерала Кутинчева (35.000) направить ее на Булаирскую укрѣпленную линію.

Въ бою при Кавакѣ турки были разбиты и оттѣснены за Булаирскія укрѣпленія.

Далѣе долженъ былъ послѣдовать штурмъ булаирской позиціи, поддержанный огнемъ греческаго флота, съ цѣлью прорваться съ суши къ Дарданелльскимъ батареямъ и, заставивъ ихъ замолчать, ввести греческую эскадру въ Мраморное море, дабы подъ угрозой бомбардированія столицы принудить Турцію къ заключенію мира.

Но болгары ограничились занятіемъ Булаирскаго перешейка и высотъ, командующихъ надъ Чаталджей.

Дессанты турокъ у Шаркіоя, Родосто и Подимы были отбиты съ колоссальными для противника потерями.

Перейти въ наступленіе турки фактически не могли...

Со своей стороны, и болгары переходить въ дальнѣйшее наступленіе не желали, потому что дорого

стоющее форсированіе Чаталджинской и Булаирской укрѣпленныхъ позицій могло имѣть только одну цѣль—

Принудить Турцію къ миру.

Но она и такъ уже находилась на краю гибели, и понемногу склонялась къ принятію требованій Балканскаго союза.

И снова начались переговоры...

Будущее покажетъ, что именно пріобрѣли балканскіе союзники цѣной столь многихъ жертвъ.

Одно несомнѣнно—спаянный кровью, пролитой при совмѣстномъ достиженіи общихъ задачъ, Балканскій союзъ не распадется, несмотря на всѣ интриги въ томъ заинтересованныхъ державъ, и явится могучимъ политическимъ факторомъ будущаго; между Великой Славянской Имперіей и Балканскимъ Союзомъ должна установиться тѣсная связь на благо всего Славянства.

Для Россіи заканчивающаяся война была призвана сыграть выдающуюся роль, показавъ всему міру, что славянскій солдатъ стоитъ попрежнему на недосягаемой высотѣ, и что ученики Россіи, болгарскіе вожди, оказались по военной подготовкѣ неизмѣримо выше учениковъ чрезмѣрно превозносимой иностранной державы.

И у русскаго общества, съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившаго за героической борьбой славянскихъ Давидовъ съ турецкимъ Голіаѳомъ, должна была окрѣпнуть увѣренность въ силѣ Россіи, ибо подвиги учениковъ ея, въ двѣ недѣли дважды побѣдоносно разбившихъ вдвое превосходныя силы обученнаго и подготовленнаго иностранной державой противника, вѣщаютъ во всеуслышаніе міру:

„Великой Россіи, создавшей нашу армію и воспитавшей вождей нашихъ,—и любви къ Родинѣ—мы обязаны побѣдой!“

Мартъ 1913 г.
Москва.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Причины войны. Благопріятный моментъ. Балканскій союзъ. Силы сторонъ 3
II. Отъ Москвы до Софіи. Вооруженный народъ. 14
III. Въ Софіи. Нѣсколько словъ о болгарской арміи 26
IV. Начало войны. Планы военныхъ дѣйствій. Генералъ Савковъ и командующіе арміями 35
V. Въ Главной квартирѣ. Печать и цензура. Паденіе Лозенграда 46
VI. Отъ Старой Загоры до Мустафа-паши 59
VII. Подъ Адріанополемъ. Авіація въ болгарской арміи 68
VIII. На воздушномъ шарѣ. Къ Лозенграду 82
IX. Лозенградъ (бой 9—11 октября) 94
X. Въ арміи Радко Димитріева 104
XI. Пятидневный бой на линіи Бунаръ-Гиссаръ—Люле-Бургасъ (16—20 октября) 112
XII. По слѣдамъ отступающихъ турокъ 121
XIII. Въ ожиданіи Чаталджинскаго боя 130
XIV. Бой 4—5 ноября подъ Чаталджей 139
XV. Послѣ боя. Перемиріе 152
XVI. Въ городѣ раненыхъ. Нѣсколько словъ о санитарной службѣ 159
XVII. Послѣдніе наброски 167
XVIII. Заключеніе (второй періодъ кампаніи) 172

Приложенія: Карта театра войны, планъ чаталдж. укрѣпл. линіи и схема обороны Галлипольск. полуострова.

Стральджа
Ямболь
Бургасъ
Н. Загора
Ст. Загора
Опаны
Кизикъ-Агачъ
Василико
Акъобол
р. Марица
р. Тунджа
Ш. Сеймень
Малко-Тырново
Черное
море
Эреклеръ
м. Инада
Харманлы
Любименъ
Мустафа-паша
Ескиполосъ
Кайва
правецъ
Ортакчи
Селіолу
Текіе
Лозенградъ (Киркилиссе)
Бунаръ-Гиссаръ
Ени
Мидія
Адріанополь
Ениджа
Виза
Карагачъ
Азбоа
Подима
Хавса
Баба-Эски
Турк-бей
Люле-Бургасъ
Сарай
Странджа
м. Карабурунъ
Деркосъ
Ерменкіой
Черкесъ-кіой
Кабакіой
Ладем-кіой
Синекли
Чаталджа
Царьградъ
Кадикіой
Б. Чекмедже
К. Чекм.
С. Стефано
Азія
Димотика
Айроболъ
Горлу
Родосто
Эрегли
Ферре
Марица
Деде-Агачъ
Энос
Эгейское
море
Мраморное
море
Кавакъ
Шаръ-кіой
Малая
Масштабъ.
25 20 15 10 5 0 25 50

Схема театра войны.

Чаталджинская укрѣпленная позиція.

Галлипольскій полуостровъ.

350-

10=
2313021/378 10=

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00006079566